

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Российская академия наук
Правительство Вологодской области
Администрация города Вологды
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

**СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА
РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРОЕКТЫ**

*Материалы X Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Вологда, 27–28 ноября 2025 г.)*

Вологда
2026

УДК 332.14
ББК 65.050.113
С83

Публикуется по решению
Объединенного ученого совета ВолНЦ РАН

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН д.э.н., профессор **В.А. Ильин**,
д.э.н., доцент **А.А. Шабунова**,
д.э.н., профессор **Т.В. Ускова**, к.э.н. **Л.В. Бабич**,
к.э.н. **Е.А. Мазилов**, к.э.н., доцент **О.Н. Калачикова**.

С83 Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты: материалы X Всероссийской науч.-практ. конф., г. Вологда, 27–28 ноября 2025 г. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2026. – 216 с.

ISBN 978-5-93299-671-3

В сборнике представлены материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты», проходившей в г. Вологде 27–28 ноября 2025 года. Ее организаторами выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российская академия наук, Правительство Вологодской области, Администрация города Вологды, Вологодский научный центр РАН.

В рамках конференции были организованы два пленарных заседания и работа четырех тематических секций. На пленарных заседаниях обсуждались механизмы социально-экономических реформ как на федеральном, так и на региональном уровне, с учетом национальных целей и современных теоретических подходов. Участниками секционных заседаний рассмотрены актуальные вопросы современной экономики, социально-демографического и научно-технологического развития российских регионов.

Участие в конференции приняли ведущие российские и зарубежные ученые, представители вузовской и академической науки в регионах России и странах ближнего зарубежья.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся вопросами экономического и социального развития.

Тексты докладов публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-93299-671-3

УДК 332.14
ББК 65.050.113

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях санкций, нарастания геополитической и геоэкономической нестабильности в мире, актуальными задачами органов власти всех уровней являются: сохранение населения, повышение и укрепление его благополучия; достижение устойчивости экономики и технологического лидерства; поддержка семьи и реализация потенциала каждого человека. Именно на их решение направлены принятые в 2024 году в соответствии с Указом Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» национальные проекты. При этом достижение стратегических целей предполагает совершенствование форм, методов и инструментов управления, их имплементацию в систему управления на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Цель конференции – научный поиск механизмов, обоснование стратегии и тактики реализации социально-экономических реформ на федеральном и региональном уровнях с учетом достижения национальных целей развития России и применения современных теорий.

Работа конференции проходила в два дня. В рамках программы I пленарного заседания были заслушаны научные доклады, посвященные проблемным вопросам экономики, социологии, культуры, пространственного развития: «Парадоксы современной макроэкономической политики и их влияние на динамику развития России» заместителя директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, д. э. н. Д.Б. Кувалина (г. Москва); «Экспертное знание в современных социальных практиках» директора Института социологии НАН Беларуси, к. с. н. Н.Л. Мысливца (г. Минск, Республика Беларусь); «К вопросу о производительности труда в сфере культуры: уроки истории вызовы современности» заместителя директора Института экономики РАН по научной работе, д. э. н. В.Ю. Муzychука (г. Москва); «Моделирование грузопотоков как инструмент реализации стратегии пространственного развития России» заместителя директора по научной работе ЦЭМИ РАН, д. ф.-м. н. Н.К. Хачатряна (г. Москва).

В первый день состоялись секционные заседания под руководством ведущих ученых.

Секция № 1 «Стратегические приоритеты экономического развития территориальных систем». Руководители секции – заместитель директора по научной работе, д. э. н., профессор Т.В. Ускова; заместитель директора ИНП РАН, д. э. н., профессор О.В. Кузнецова. Оргкомитет секции – ведущий научный сотрудник, заведующий центром структурных исследований и прогнозирования территориального развития, к. э. н., доцент Е.В. Лукин; ведущий научный сотрудник, заведующий центром исследования пространственного развития социально-экономических систем, к. э. н. С.А. Кожевников; ведущий научный сотрудник, заведующий центром финансовых исследований, д. э. н., доцент М.А. Печенская-Полищук. В рамках секции рассматривались проблемы обеспечения устойчивого развития регионов России в современных условиях, новые источники и инструменты обеспечения экономического роста территорий. Участниками секции активно обсуждались вопросы развития структурно-технологической трансформации экономики и социально-экономического пространства РФ, технологического лидерства и финансового обеспечения территорий.

Секция № 2 «Развитие человеческого потенциала России в контексте достижения стратегических национальных целей». Руководители секции – заместитель директора по научной работе, к. э. н., доцент О.Н. Калачикова; главный научный сотрудник ИСЭПН, ИСД ФНИСЦ РАН, д. э. н., профессор В.Г. Доброхлеб. Оргкомитет секции – ведущий научный сотрудник, заведующий центром социально-демографических исследований, к. э. н. М.А. Груздева; ведущий научный сотрудник, заведующий центром социокультурных и политических исследований, к. э. н. К.Е. Косыгина; ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего центром социально-демографических исследований, к. э. н., доцент Г.В. Леонидова. В рамках секции рассматривались вопросы развития современной демографической ситуации в РФ и ее регионах, социокультурной трансформации российского общества в современных условиях глобальной нестабильности. Среди участников состоялось активное обсуждение тем, посвященных миграционной политике, системе подготовки кадров в меняющихся условиях рынка и государственной политике в сфере социально-трудовых отношений.

Секция № 3 «Развитие агропромышленного комплекса России: вызовы и точки роста».

Руководитель секции – заместитель директора по развитию и реализации перспективных проектов, директор СЗНИИМЛПХ, к. э. н. Е.А. Мазилев. Оргкомитет секции – ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе СЗНИИМЛПХ, к. с.-х. н., доцент Е.А. Третьяков, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь, к. с.-х. н. В.В. Вахрушева. Секция была посвящена проблематике развития животноводческой отрасли, в т. ч. вопросам разведения, генетики и биотехнологий. В фокусе внимания участников секции оказались вопросы совершенствования системы кормопроизводства, территориальной организации сельского хозяйства и сельских территорий, цифровые технологии в АПК, человеческий капитал в аграрном секторе и пр.

Секция № 4 «Стратегия и тактика регионального развития: взгляд молодых ученых».

Руководители и оргкомитет секции – ведущий научный сотрудник, заведующий центром социально-демографических исследований, к. э. н. М.А. Груздева, заведующий Научно-образовательным центром ВолНЦ РАН, к. ф. н. Н.Н. Бойцова. В рамках работы секции ключевыми темами обсуждения стали реализация национальных проектов на региональном уровне, социально-экономические аспекты территориального развития и цифровая трансформация управления.

Кроме того, ученые приняли участие в обсуждении экспертной сессии «Концепция ноономики как основа реализации национальных приоритетов, проектов, платформ», посвященной проблемам теоретических основ нооэкономики и ее роли в трансформации общества, взаимосвязи ноономики с устойчивым развитием и реализацией национальных приоритетов развития страны, применения концепции ноономики в образовании, здравоохранении, культуре, сфере услуг и креативных индустриях и др. Руководители и модераторы сессии: Вице-президент Уральского отделения ВЭО России, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «УрГЭУ», заместитель руководителя Уральского научно-образовательного центра «Ноономика», руководитель Методологического центра ноономики Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д. э. н. С.Г. Пьянкова; старший научный сотрудник, заместитель заведующего Научно-образовательного центра ВолНЦ РАН, к. э. н. И.А. Секушина.

Во второй день конференции было продолжено заслушивание секционных докладов, а в завершении мероприятия состоялось II пленарное заседание, в рамках которого ведущими учеными были представлены доклады, посвященные проблемам экономического развития территорий. Открывала пленарную сессию директор ВолНЦ РАН, д. э. н. А.А. Шабунова и поприветствовала всех участников. Выступив с докладом «Путь длиной в 35 лет – впереди новые цели», Александра Анатольевна рассказала о юбилейных мероприятиях ВолНЦ, вкладе его ученых в развитие науки региона и страны. Научный руководитель ВолНЦ РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор В.А. Ильин и ведущий научный сотрудник, к. э. н. М.В. Морев представили доклад «Какое государство мы строим? В каком государстве хотят жить россияне?». Заместитель директора по научной работе ИМП РАН, д. э. н., профессор О.В. Кузнецова в ходе своего доклада познакомила коллег с проблемами вертикальных и горизонтальных взаимодействий органов власти в управлении пространственным развитием. Доклад «Социалиат» в современной России: причины и последствия неустойчивой занятости в социальных отраслях» представила главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, д. э. н., профессор О.А. Александрова. Заместитель директора ИЭ УрО РАН, к. э. н. А.В. Суворова выступила с докладом «Экономическое развитие городских агломераций: особенности оценки». Об эффективности демографической политики России в контексте актуальных вызовов народосбережения доложила ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе ВолНЦ РАН, к. э. н., доцент О.Н. Калачикова. Все участники конференции тепло поздравили Вологодский научный центр с 35-летием.

Хочется отметить высокий уровень представленных на конференции докладов, активность участников и широту рассматриваемых вопросов.

СЕКЦИЯ № 1.
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Аннотация. *Общественные науки изучают крайне сложные объекты, но в силу различных причин категорически плохо используют математику, которая в обязательном порядке применяется в хоть сколько-нибудь серьезных исследованиях. В данной работе мы попытались разобраться в причинах обозначенного парадокса.*

Ключевые слова: *общественные науки, сложность, моделирование, математика, истина, идеология, логика.*

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01783, <https://rscf.ru/project/24-28-01783/>.

Общественные науки изучают крайне сложные системы социально-экономического характера, что априори подразумевает их исследование через аппарат очень серьезной математики. Но в настоящий момент парадокс заключается в том, что представители именно этих научных направлений славятся своей довольно обширной безграмотностью.

Возможно, это как раз и сопряжено с тем, что объекты с предметами общественного познания настолько широки и многогранны, что кроме как посредством естественного языка на них никак нельзя было зайти. Но с развитием математического инструментария научное сообщество общественников не только не переключилось на технические методы исследований, а, наоборот, еще больше погрязло в софистике и демагогии.

Причинами этого прежде всего видятся политические факторы. Наличие ученой степени и производных от нее формируют у носителя довольно высокий социальный статус, который напрямую обеспечивает ему солидный уровень благосостояния, а также расширяет его административные и властные полномочия. В этом ключе общественная наука в некоторой мере является хорошим социальным лифтом, что обуславливает избыток реально безграмотных гуманитарных специалистов на рынке труда, юридически имеющих как минимум диплом о высшем образовании [1].

Так как часть представителей гуманитарного сословия ориентирована на удовлетворение своих личных потребностей, а не на поиск истин и закономерностей социально-экономического характера, то данные научные направления крайне идеологически ангажированы, о чем, в частности, пишет академик В.М. Полтерович [2], А.Н. Козырев [3] и вскользь в одной из статей упоминали мы [4]. Этот аспект обуславливает два ярко выраженных явления, одно из которых заключается в том, что если результаты корректного моделирования не будут соответствовать предписанным идейным установкам, то от них скорее откажутся, чем примут в работу. Второй неприятный момент выражается в прикрытии своих неподтвержденных мнений ссылками на авторитетов без реального понимания, о чем они проповедуют.

При этом отсутствие логики в защищаемой идее может быть как со стороны власти имущих, так и подчиненных, которые в общих чертах работают на подрыв сложившегося миропорядка, что еще сильнее усугубляет искоренение обозначенных выше проблем. Лекарством как раз выступает математическое мышление (стремление искать в окружающем реальные причинно-следственные связи), которое в действительности подавляется желанием удовлетворения низших человеческих потребностей.

Развитие вычислительных устройств обусловило появление и распространение в хозяйственной деятельности различных компьютерных программ, которые, как и в случае с математическим инструментарием, в достаточном объеме понимают единицы, а остальные используют лишь по инструкции, что, соответственно, влечет за собой некорректные интерпретации получаемых результатов и невозможность решать те же самые задачи, несколько видоизмененные или усложненные [5]. Нежелание многих общественников разбираться в сложном приводит к избыточному упрощению готовящихся ими работ, которые при более детальном рассмотрении являются набором отдельно взятых мыслей и идей, никак не связанных между собой друг с другом.

Еще одним негативным моментом является ложная математизация реализуемых работ специалистами-общественниками, которая кроме наукообразия или запугивания непосвященных, ничего собой не представляет. Наряду с этим есть и другая сторона медали: когда используемая в работе математика очень точная и изящная, но не работает вне рамок разработанной модели. Подобные претензии, в частности, имеются к некоторым математическим моделям экономической теории, которые подробно разрабатываются как некоторое проявление математической философии, но не имеют достаточных подтверждений на практике, о чем довольно широко написано в работе А.И. Мясоедова [6], а также отмечается упомянутыми ранее В.М. Полтеровичем [2] и А.Н. Козыревым [3].

В заключение также упомянем про такую новую технологию, как генеративные языковые модели, самой известной из которых является *ChatGPT*. У данного инструмента вырисовывается четкое функциональное назначение – за короткое время обобщить большой объем анализируемой информации и вычленив из нее основополагающие идеи. Однако полученные таким образом результаты должны проверяться либо задавать общее направление разрабатываемого решения. Но вместо виртуального консультанта по исследовательским вопросам на практике мы получаем инструмент, способный искусно имитировать, подражать толковой, добротной сделанной работе, которая при не самом скрупулезном рецензировании может характеризоваться как бессвязное хаотичное нагромождение фраз.

У специалистов общественных наук в распоряжении есть огромное количество математических инструментов, в значительной мере реализованных в виде компьютерных программ, и эта ниша в ближайшем будущем будет только расширяться [7]. Потенциально данная метаморфоза, на наш взгляд, положительно скажется на секторе гуманитарных наук, значительно очистив его от псевдоэкспертов, шарлатанов и прочих мошенников.

Библиографический список

1. Зиновьев А.А. (2002). Логическая социология. Москва: Социум. 260 с.
2. Полтерович В.М. (2024). Математическая экономика в эпоху социализма и переход к рынку (часть I) // Проблемы прогнозирования. № 5 (206). С. 6–19. DOI: 10.47711/0868-6351-206-6-19
3. Козырев А.Н. (2024). Мультидисциплинарный подход как шанс на спасение экономической науки (от экономистов) // Цифровая экономика. № 1 (27). С. 5–15. DOI: 10.34706/DE-2024-01-01
4. Алферьев Д.А. (2024). Математические навыки специалистов гуманитарных наук в эпоху цифровизации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 18. № 1. С. 119–128. EDN: WKNFFM
5. Ильин В.П. (2023). Программирование ближайшего будущего: концепции и прагматика // Вестник РАН. Т. 93. № 2. С. 150–161. DOI: 10.31857/S086958732302007X
6. Мясоедов А.И. (2020). Применение математических методов в экономике: специфика, проблемы, перспективы // BENEFICIUM. № 3 (36). С. 35–47. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2020.3(36).35-47
7. Алферьев Д.А. (2022). Экономика через призму математических структур // Искусственные общества. Т. 17. № 3. DOI: 10.18254/S207751800010809-8

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Алферьев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а); доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; e-mail: alferev_1991@mail.ru)

**ISSUES OF MODELING COMPLEX SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS
BY REPRESENTATIVES OF SOCIAL SCIENCES**

Abstract. *The social sciences study extremely complex objects, but for various reasons, they make utterly incorrect use of mathematics, which is essential for any solid research. In this paper, we attempt to understand the reasons for this paradox.*

Keywords: *social science, complexity, modeling, mathematics, truth, ideology, logics.*

Information about the Author

Dmitry A. Alfer'ev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation); Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Polytechnicheskaya Street, St. Petersburg, 195251, Russian Federation; e-mail: alferrev_1991@mail.ru)

References

1. Zinoviev A.A. (2002). Logical Sociology. Moscow: Sotsium.
2. Polterovich V.M. (2024). Mathematical Economics in the Era of Socialism and the Transition to the Market (Part One). *Studies on Russian Economic Development*, 35, 5, 609–617. DOI: 10.1134/S107570072470014X
3. Kozyrev A.N. (2024). Multidisciplinary Approach as a Chance to Save Economics (From Economists). *Digital Economy*, 1(27), 5–15. DOI: 10.34706/DE-2024-01-01
4. Alfer'ev D.A. (2024). Mathematical Skills of Humanities Professionals in the Digital Age. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 18, 1, 119–128, EDN: WKNFFM
5. Ilyin V.P. (2023). Programming for the Near Future: Concepts and Pragmatic Considerations. *Herald of RAS*, 93, 2, 92–102. DOI: 10.1134/S1019331623010112
6. Myasoedov A.I. (2020). Application of Mathematical Methods in Economics: Specifics, Issues, Prospects. *BENEFICIUM*, 3(36), 35–47. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2020.3(36).35-47
7. Alfer'ev D.A. (2022). Economics through the Prism of Mathematical Structures. *Artificial Societies*, 17, 3. DOI: 10.18254/S207751800010809-8

ТРУДОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В ГОРОДАХ ВТОРОГО ЭШЕЛОНА УРАЛА И СИБИРИ

Аннотация. *Исследование посвящено оценке трудовых показателей креативных индустрий в регионах Урала и Сибири, выявляя особенности их развития через призму коммерческих результатов. Подчеркнуты роль информационно-коммуникационных технологий и влияние теневого сектора экономики на точность оценки. Результаты представляют ценность для анализа перспектив роста креативных отраслей в малых и средних городах.*

Ключевые слова: *трудовые показатели, креативные индустрии, сфера культуры, производительность труда, фондовооруженность, среднесписочная численность, города второго эшелона.*

Введение

Согласно Единому плану по достижению национальных целей развития РФ до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹, современным вызовом российской экономики является обеспечение роста производительности труда выше исторически сложившихся темпов. Национальным проектом «Эффективная и конкурентная экономика» на 2025–2030 гг. заявлено вовлечение полного круга государственных и муниципальных организаций социальной сферы в реализацию проектов повышения производительности труда, в связи с чем встал вопрос количественной оценки данного показателя. Методикой расчета показателей федерального проекта «Производительность труда» предполагается оценить соотношение количества посещений организаций культуры к численности работников. Данный показатель вызывает сомнения, как верно заметила Ю.В. Музычук в своем Пленарном докладе на юбилейной X всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты» от 27.11.2025 года, которой посвящен данный сборник трудов.

Креативные индустрии, в отличие от государственных и муниципальных организаций социальной сферы, могут принимать участие в оценке и повышении производительности труда, однако общепринятыми методиками не располагают. В данной статье предлагается разграничить понимание производительности труда в креативных индустриях и муниципальных организациях социальной сферы. В разделе «Методы и данные» будут предложены четыре трудовых показателя креативных индустрий: производительность, фондовооруженность, средняя оплата и среднесписочная численность занятых в креативных индустриях на основе микроданных о выручке, основных средствах, среднесписочной численности занятых на предприятиях креативных индустрий в городах «второго эшелона» отдельных регионов Урала и Сибири. В разделе «Результаты» проведена их оценка и дана интерпретация полученных результатов.

Производительность труда креативных индустрий и сферы культуры

Креативные индустрии группируются в отдельную отрасль, потому что изначально опираются на креативный труд, а не из-за особого статуса культурной деятельности [1]. В отличие от организаций социальной сферы, креативные индустрии представляют собой творческий процесс, воплощенный в интеллектуальной собственности и реализуемый в коммерческой деятельности предприятия [2]. Схожее определение данного понятия предлагает Дж. Хокинс: «Талант индивида, закрепленный в интеллектуальной собственности, которыми требуется управлять» [3]. Коммерческий элемент концепции креативных индустрий нацелен на рынок особых товаров и услуг, имеющих массовое потребление. Именно поэтому финансовые показатели предприятий могут применяться для оценки производительности труда в данных индустриях. При этом, когда речь идет об организациях социальной сферы, попытка установить показатель производительности труда приводит к фиксации его в качестве КРІ, следовательно, управлением уровнем. Имея среднесписочную численность занятых в знаменателе, прямым путем увеличения производительности труда станет сокращение персонала, что однозначно не даст положительных результатов.

¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года: утвержден Правительством РФ от 01.10.2021 № 2765-р.

Методы и данные

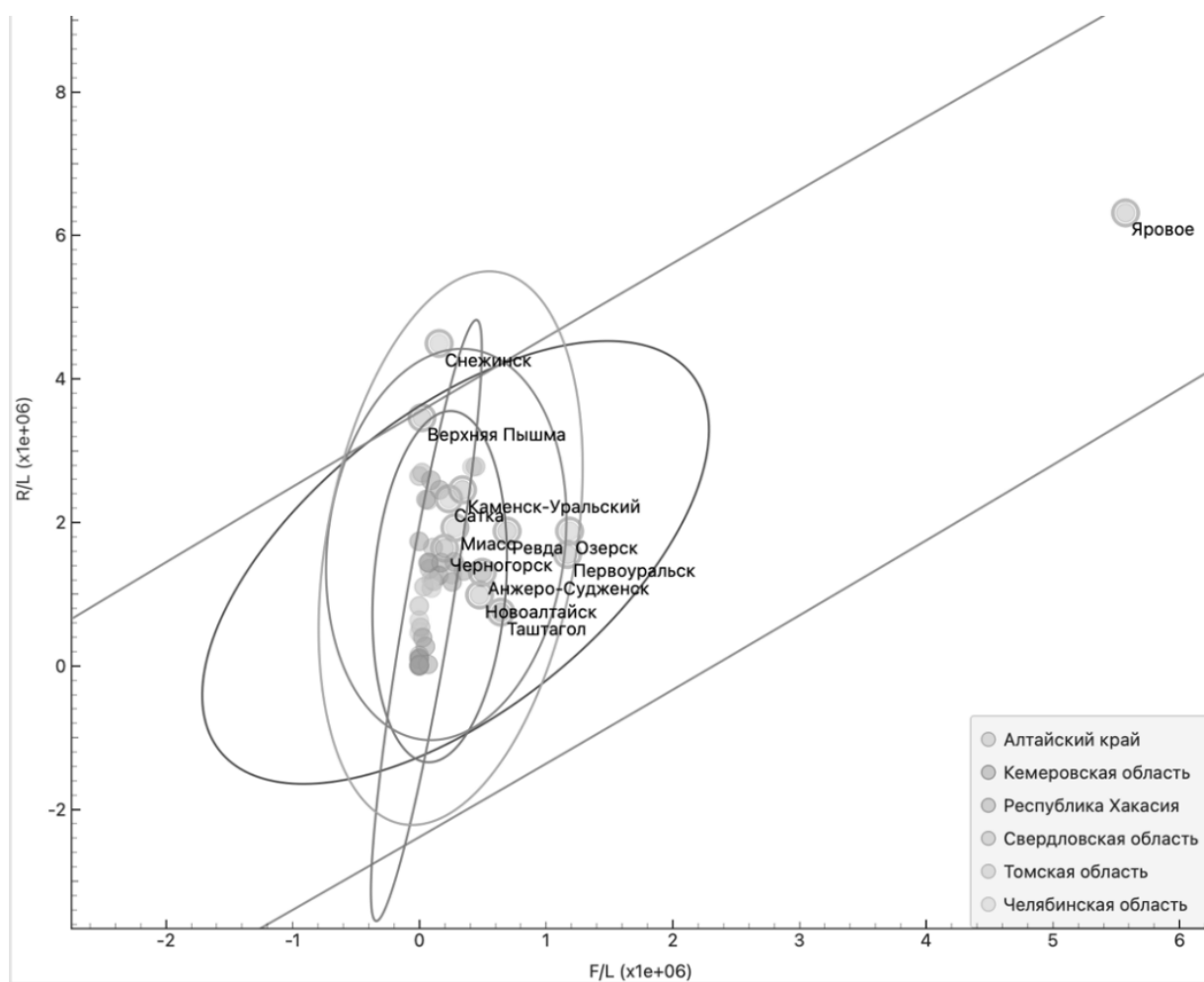
В качестве трудовых показателей креативных индустрий предложено оценить четыре трудовых показателя:

- 1) производительность труда (R/L) как соотношение выручки креативных индустрий (R) к среднесписочной численности, занятых в креативных индустриях (L);
- 2) фондовооруженность труда (F/L) как соотношение основных средств предприятий креативных индустрий (F) к среднесписочной численности, занятых в креативных индустриях (L);
- 3) среднюю оплату труда (W/L) как соотношение оплаты труда (W) в креативных индустриях к среднесписочной численности, занятых в креативных индустриях (L);
- 4) среднесписочную численность занятых в креативных индустриях (L).

Для оценки указанных показателей проведен сбор и агрегация данных информационно-аналитической системы «СПАРК-Интерфакс» в разрезе городов Свердловской, Челябинской, Кемеровской, Томской областей, Алтайского Края и Республики Хакасия (за исключением региональных центров) с тем, чтобы оценить развитие креативных индустрий в городах «второго эшелона». Общее число городов выборке – 53. Результаты представлены в диаграммах рассеяния с эллипсами уверенности по регионам в программном продукте «Orange».

Результаты

Полученные данные диаграмм рассеяния представлены на *рис. 1*. Уровень парного коэффициента корреляции между четырьмя показателями составил от -0,04 (F/L и W/L) до 0,53 (между W/L и L), а также 0,47 (между R/L и F/L), что и определило оси диаграммы рассеяния городов.

а)

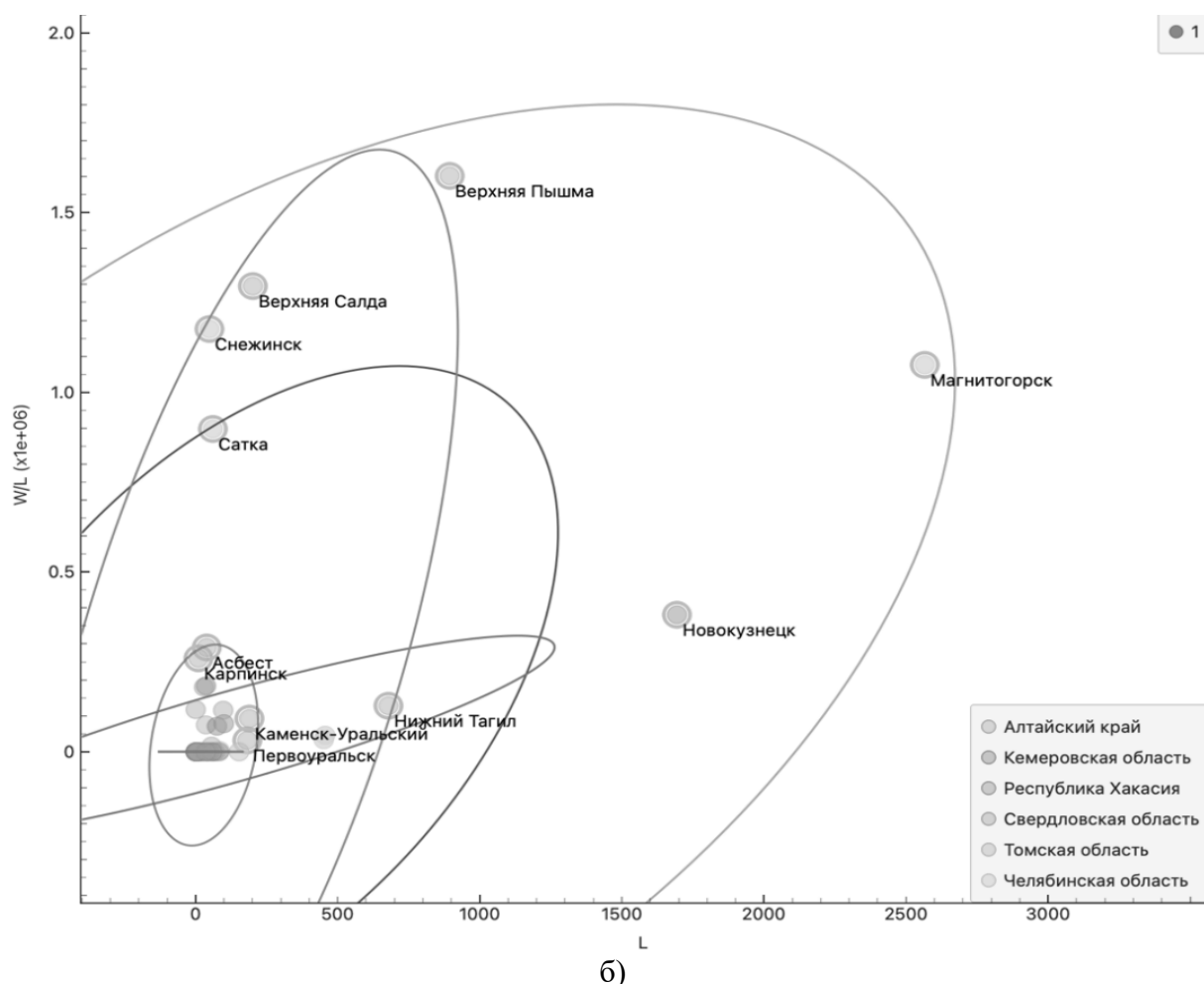

Рис. 1. Диаграмма рассеяния городов по данным (а) фондовооруженности труда (F/L) и производительности труда (R/L); (б) среднесписочной численности занятых (L) и средней оплаты труда (W/L) в 2023 году эллипсом уверенности регионов Сибири и Урала
 Источник: составлено автором.

Соотношение показателей производительности труда и фондовооруженности выделяет город Яровое (Алтайский край) на фоне остальных городов «второго эшелона» (рис. 1а). Углубленный анализ данные показывает, что ключевыми видами креативной деятельности в городе выступают культурно-зрелищная индустрия (ООО «Эдинан», ООО «Интеграл+»), индустрия гастрономии (ООО «Порт», ООО «Ярослав»), программного обеспечения (ООО «Компьютерные технологии»), медиа и журналистики (ООО «Якс»). При низкой среднесписочной численности занятых компании приносят более высокую выручку и формируют основные средства (в культурно-зрелищной индустрии и индустрии гастрономии). Следует сформулировать предположение о том, что в Яровом сформирован такой предпринимательский климат, что малый бизнес в креативных индустриях не склонен скрывать доходы, к примеру, расщепляя бизнес.

На рис. 1б мы видим иную картину – Магнитогорск, Верхняя Пышма, Новокузнецк, Снежинск и Сатка имеют более высокий уровень среднесписочной численности занятых в креативных индустриях, одновременно с более высоким значением средней оплаты труда. Сопоставляя две диаграммы рассеяния, следует выделить города наиболее благоприятного развития трудовых показателей креативных индустрий – Снежинск и Верхнюю Пышму. В первом развита индустрия программного обеспечения (ООО «СТК Развитие», ООО «Волна плюс», ООО «Компас») и культурно-зрелищная индустрия (ООО «Киберспорт групп»), как и в Верхней Пышме (культурно-зрелищная индустрия – ООО «Колорвуд», ООО «Хорошие люди»; программное обеспечение – ООО «ИТ-Элемент29», ООО «Форк-ИТ» и др.). Таким образом, более высокие параметры трудовых показателей отражают, прежде всего, развитие цифровых технологий.

Заключение

Трудовые показатели креативных индустрий оцениваются с позиции коммерческого содержания последних в отличие от организаций сферы культуры, для которых данный подход не показателен. Трудовые показатели креативных индустрий в городах Свердловской, Челябинской, Кемеровской, Томской областей, Алтайском Крае и Республике Хакасия отражают развитие информационно-коммуникационного вида деятельности, а также связанных с ним фиджитал-технологий. Исследование имеет естественные ограничения, следующие из вынужденного поведения малого бизнеса укрывать часть доходов и не трудоустраивать официально сотрудников, что может искажать полученные результаты. Тем не менее, оценка трудовых показателей дает важные ориентиры в направлении развития креативных индустрий в городах «второго эшелона».

Библиографический список

1. Хестанов Р. (2018). Креативные индустрии – модели развития // Социологическое обозрение. Т. 17. № 3. С. 173–196.
2. Антонова И.С., Малеева Е.А. (2024). Оценка потенциала развития креативного бизнеса в городах второго эшелона // Экономика региона. Т. 20. № 3. С. 671–685.
3. Howkins J. (2002). The creative economy: how people make money from ideas. UK: Penguin.

Информация об авторе

Ирина Сергеевна Антонова – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: antonova.irina@urfu.ru)

Antonova I.S.

LABOR PERFORMANCE OF CREATIVE INDUSTRIES

Abstract. *The study is devoted to assessing labor performance indicators of creative industries in regions of the Urals and Siberia, revealing their development features through the prism of commercial results. It emphasizes the role of information and communication technologies as well as the impact of the shadow economy sector on evaluation accuracy. The findings are valuable for analyzing growth prospects of creative sectors in small and medium-sized cities.*

Keywords: *labor performance indicators; creative industries; cultural sphere; labor productivity; capital intensity; average staff count.*

Information about the Author

Irina S. Antonova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Ural Federal University (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: antonova.irina@urfu.ru)

References

1. Khestanov R. (2018). Creative Industries – Development Models. *Sociological Review*, 17, 3, 173–196.
2. Antonova I.S., Maleeva E.A. (2024). Assessment of the Potential for Developing a Creative Business in Second-Tier Cities. *Regional Economy*, 20, 3, 671–685.
3. Howkins J. (2002). The creative economy: how people make money from ideas. UK: Penguin.

СКРЫТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ: КАК АНАЛИЗ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ РАСКРЫВАЕТ ТУРИСТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Аннотация. В статье предложен методический подход к оценке потенциального туристического спроса на региональном уровне на основе анализа больших данных поисковых систем. В качестве модельного региона выбрана Вологодская область. Исследование охватывает период 2018–2024 гг. и включает анализ более 800 ключевых слов, связанных с туристическими услугами. Результаты показали значительный рост пользовательского интереса, особенно со стороны местных жителей. При этом темпы развития гостиничной инфраструктуры отстают от динамики потенциального спроса. Наибольший потенциал выявлен для объектов отдыха на природе, в частности глэмпингов. Метод позволяет оперативно выявлять тренды и точки роста в условиях отсутствия своевременной официальной статистики.

Ключевые слова: туристический спрос, поисковые запросы, Вологодская область, гостиничная инфраструктура, региональный туризм, Яндекс.Вордстат.

В условиях активизации внутреннего туризма и реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» для российских регионов становится критически важной точная оценка текущего и потенциального спроса. Официальная статистика публикуется с задержкой, что затрудняет оперативное принятие управленческих решений. В связи с этим анализ больших данных, в частности поисковых запросов пользователей интернета, представляется перспективным инструментом для выявления скрытых трендов и неудовлетворенного спроса.

Целью исследования является разработка и апробация методики оценки потенциального туристического спроса на примере Вологодской области. Гипотеза исследования основана на том, что для 78% россиян интернет является основным каналом планирования поездок, следовательно, объем соответствующих запросов отражает уровень потребительского интереса. Информационной основой послужили агрегированные данные платформы Яндекс.Вордстат за период с 2018 по 2024 год.

Методика включала составление карты из 829 ключевых слов, связанных с туристическими услугами и объектами 11 основных туристических центров области. Данные выгружались в двух разрезах: запросы из других субъектов РФ, направленные на Вологодскую область (внешний спрос); запросы из Вологодской области, направленные на саму область (внутренний, локальный спрос).

Анализ показал, что несмотря на рост турпотока в регионе на 38% за 2018–2024 гг., его доля в общем потоке Северо-Западного федерального округа снизилась до 5,4% из-за усиления конкуренции. Потенциальный спрос на гостиничные услуги со стороны жителей России в 2024 году вырос на 48% по сравнению с 2019 годом, однако после пика в 2021 году наметилась тенденция к постепенному снижению интереса иногородних туристов.

Наиболее значимой оказалась динамика внутреннего спроса. Потенциал со стороны жителей Вологодской области к путешествиям по региону в 2024 году вырос на 90% к уровню 2019 года, при этом объем локальных запросов в 1,3 раза превысил объем запросов из других регионов. Сопоставление темпов роста инфраструктуры (номерного фонда) и потенциального спроса (числа запросов) выявило отставание первого от второго. Наибольший рост интереса жителей области наблюдается в сегменте глэмпингов, в то время как интерес к базам отдыха начал снижаться (-4%; 2024 к 2022 году), что указывает на изменение предпочтений в сторону более комфортного отдыха на природе.

Таким образом, разработанный методический подход позволяет количественно оценить латентный туристический спрос и выявить его структурные особенности. Для Вологодской области ключевыми выводами являются:

- наличие значительного нереализованного потенциала, особенно со стороны местного населения;
- отставание развития, прежде всего, специализированной инфраструктуры размещения (глэмпинги) от растущего спроса;
- необходимость разработки адресных мер для стимулирования внутреннего туризма и повышения конкурентоспособности региона. Дальнейшее исследование планируется сфокусировать на анализе сезонности спроса и структуре популярности конкретных туристических центров.

Информация об авторе

Арина Юрьевна Баландина – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Arina.kudrevich@yandex.ru)

Balandina A.Yu.

THE HIDDEN POTENTIAL OF REGIONS: HOW SEARCH QUERY ANALYSIS REVEALS TOURISM TRENDS

Abstract. *The article proposes a methodological approach to assessing potential tourism demand at the regional level based on the analysis of search engine big data. The Vologda Oblast was chosen as a model region. The study covers the period 2018–2024 and includes the analysis of over 800 keywords related to tourism services. The results showed a significant increase in user interest, especially from local residents, while the development of hotel infrastructure lags behind the dynamics of potential demand. The greatest potential was identified for outdoor recreation facilities, in particular glamping. The method allows for the prompt identification of trends and growth points in the absence of timely official statistics.*

Keywords: *tourism demand, search queries, Vologda Oblast, hotel infrastructure, regional tourism, Yandex.Wordstat.*

Information about the Author

Arina Yu. Balandina – Junior Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Arina.kudrevich@yandex.ru)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ДИАГНОСТИКЕ ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация. *В статье проводится систематизация современных подходов к диагностике депрессивных территорий, выступающих ключевым элементом для разработки стратегий их инновационного развития. На основе анализа существующих исследований доказывается, что экстенсивный вариант экономического развития не позволяет депрессивным регионам достичь качественного преобразования социально-экономической системы.*

Ключевые слова: *депрессивные территории, диагностика, инновационное развитие, региональная экономика, кластерный анализ.*

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Введение

В условиях значительных дисбалансов в социально-экономическом развитии регионов России проблема диагностики и последующего развития депрессивных территорий приобретает особую актуальность. Депрессивные регионы характеризуются комплексным снижением по ряду значимых социально-экономических показателей, при этом их ресурсный потенциал не утрачен полностью, но требует принципиально новых подходов к управлению [1]. Традиционный, экстенсивный путь экономического роста не способен обеспечить качественное преобразование их социально-экономических систем. В связи с этим именно инновационное развитие рассматривается как основной драйвер преодоления депрессивности [2]. Однако эффективное управление инновационными процессами на таких территориях невозможно без их точной и многомерной диагностики, что обуславливает необходимость систематизации и критического анализа существующих теоретических подходов к проблеме.

Выявленные подходы к диагностике

Диагностика депрессивных территорий является отправной точкой для разработки адекватных мер государственной и региональной политики. В современной научной практике можно выделить несколько взаимосвязанных подходов.

1. Комплексный подход на основе системы показателей. Данный подход предполагает оценку территории по широкому спектру социально-экономических индикаторов (ВРП на душу населения, уровень безработицы, доходы населения, объем инвестиций и др.). Его сильной стороной является комплексность и возможность проведения сравнительного анализа регионов. Однако его критикуют за определенную статичность и сложность в выявлении глубинных, системных причин депрессивного состояния.

2. Диагностика на основе оценки экономической безопасности региона. Этот подход, приобретающий все большую популярность, фокусируется на показателях, отражающих устойчивость региональной системы к внутренним и внешним угрозам. В работе Я.А. Долгановой предлагается методика, включающая расчет четырех ключевых индикаторов: качества экономического роста (ИКЭР), качества предпринимательской активности (ИКПА), диверсификации экономики (ИДЭ) и благосостояния населения (ИБН). Интерпретация значений данных индикаторов позволяет классифицировать уровень экономической безопасности как достаточный, допустимый, кризисный или критический [1]. Такой подход позволяет перейти от констатации проблем к оценке устойчивости региональной системы, что крайне важно для планирования долгосрочных инвестиций.

3. Кластерный анализ как инструмент типологизации. Поскольку источники проблем социально-экономического развития депрессивных регионов не идентичны, целесообразной является их типологизация. Кластерный анализ позволяет сгруппировать регионы со схожими характеристиками для разработки дифференцированной политики. Однако, как демонстрирует исследование, применение алгоритмов k-means и DBSCAN для кластеризации депрессивных регионов по показателям экономической безопасности может не дать однозначного подтверждения гипотезы о четком разделении на кластеры. Это свидетельствует о сложности и многогранности феномена депрессивности, а также о наличии значительных внутренних различий даже внутри группы проблемных регионов.

Сводная характеристика рассмотренных подходов представлена в табл. 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика подходов к диагностике депрессивных территорий

Подход к диагностике	Ключевые инструменты	Преимущества	Недостатки
Комплексный на основе показателей	Система социально-экономических индикаторов (ВРП, занятость, доходы)	Всесторонний охват, возможность сравнения	Статичность, сложность выявления причинно-следственных связей
Оценка экономической безопасности	Расчет специализированных индикаторов (ИКЭР, ИКПА, ИДЭ, ИБН)	Ориентация на устойчивость и стратегическую стабильность	Трудоемкость расчета, необходимость адаптации методик
Кластерный анализ	Алгоритмы машинного обучения (k-means, DBSCAN)	Возможность типологизации и выявления скрытых закономерностей	Не всегда дает однозначные результаты, требует больших массивов данных
Источник: составлено по [1].			

Результаты

Диагностика является основой для определения стратегических направлений развития. Для депрессивных территорий, как отмечается в исследованиях, экстенсивный путь неэффективен. Внедрение новых способов, базирующихся на интеллектуальных и цифровых технологиях, может стать катализатором их конкурентного развития [3]. В условиях санкционных ограничений и политики импортозамещения депрессивные регионы могут выступить площадками для апробации и развития новых технологий, тем самым способствуя укреплению технологического суверенитета.

Ключевая задача заключается в переходе от диагностики к эффективному стратегическому управлению. Для этого необходим механизм, который обеспечит устойчивое инновационное развитие региона через систему скоординированных мер. Такой механизм должен включать: разработку Концепции развития региона, определяющей стратегические приоритеты и цели инновационного развития; формирование Стратегического плана инновационного развития как средства координации усилий всех заинтересованных сторон; разработку прогнозно-аналитической документации, устанавливающей ресурсы, исполнителей и сроки мероприятий; создание эффективной системы мониторинга, оценки и корректировки реализуемой стратегии [2].

Важнейшим элементом является согласование инновационной политики региона с национальной инновационной стратегией, а также обеспечение баланса социальных, экономических и экологических целей.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об отсутствии универсального подхода к диагностике депрессивных территорий. Наиболее перспективным представляется комплексный подход, интегрирующий элементы всех рассмотренных методов. Диагностика должна не только фиксировать текущее состояние, но и оценивать потенциал устойчивости (через призму экономической безопасности) и выявлять схожие группы регионов для адресной политики (с помощью кластерного анализа). Критический анализ существующих подходов выявляет их основную слабость – разрыв между диагностикой и последующим управлением. Для его преодоления необходима тесная интеграция диагностического инструментария с механизмами стратегического управления инновационным развитием. Только так можно обеспечить переход от констатации депрессивного состояния к его практическому преодолению на основе мобилизации интеллектуального, цифрового и инновационного потенциалов, имеющих даже у самых проблемных территорий.

Библиографический список

1. Долганова Я.А. (2023). Кластеризация депрессивных регионов Российской Федерации: анализ данных с применением Python // Экономика и бизнес: теория и практика. № 12-2. С. 121–126.
2. Родионов А.В. (2020). Инновационное развитие регионов России: инструменты стратегического управления и анализа // Российский журнал менеджмента. Т. 18. № 1. С. 72–76.
3. Егоров Д.А. (2021). Анализ подходов к оценке депрессивности регионов: сборник трудов конференции: материалы Международной научной конференции. Чебоксары: «Среда». С. 219–222.

Информация об авторе

Владислав Сергеевич Верещагин – лаборант-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: vladislavv416@gmail.com)

Vereshchagin V.S.

SYSTEMATIZATION AND CRITICAL ANALYSIS OF THEORETICAL APPROACHES TO DIAGNOSTIC DEPRESSIVE TERRITORIES IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF REGIONS

Abstract. *This article systematizes modern approaches to diagnosing depressed regions, which is a key element in developing strategies for their innovative development. Based on an analysis of existing research, it is demonstrated that extensive economic development prevents depressed regions from achieving qualitative transformation of their socioeconomic systems.*

Keywords: *depressed regions, diagnosis, innovative development, regional economy, cluster analysis.*

Information about the Author

Vladislav S. Vereshchagin – Laboratory Research Assistant, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: vladislavv416@gmail.com)

References

1. Dolganova Ya.A. (2023). Clusterization of Russian depressed regions: Python data analysis. Economic security. *Economic and business: theory and practice*, 12-2, 121–126.
2. Rodionov A.V. (2020). Innovative Development of Russian Regions: Tools of Strategic Management and Analysis. *Russian Journal of Management*, 18, 1, 72–76.
3. Egorov D.A. (2021). Analysis of approaches to assessing the depressiveness of regions in: Proceedings of the International Scientific Conference. Cheboksary: Sreda Publishing House, 219–222.

ЛЬГОТЫ ПО ТРАНСПОРТНОМУ НАЛОГУ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ ОХВАТА СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМОГО НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. Среди проблем, с которыми сталкивается Россия в последние годы, особое место занимают вопросы государственной поддержки населения. В работе представлены данные о доле льготных налогоплательщиков по транспортному налогу, предложен ин-струментарий оценки охвата социально уязвимого населения льготами.

Ключевые слова: имущественное налогообложение, транспортный налог, физические лица, адресная поддержка, социально уязвимое население.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Налог – один из механизмов перераспределения национального богатства в экономике. С его помощью государство может не только влиять на структуру и объем денежных доходов у различных групп населения, но и достигать собственные цели социально-экономического развития. В частности, это касается вопросов поддержки менее защищенного населения.

В обложении транспорта физических лиц региональные органы власти понижают налоговую нагрузку на определенные категории населения через предоставление льгот. На федеральном уровне это устроено по-другому. В ст. 358 НК РФ из объекта налогообложения исключается ряд транспортных средств физических и юридических лиц (*табл. 1*), что соответствует налоговой льготе в размере 100%.

Таблица 1. Обобщенный перечень федеральных льгот по транспортному налогу за 2024 год

Автомобили легковые, специально оборудованные для использования инвалидами, а также автомобили легковые с мощностью двигателя до 100 лошадиных сил (до 73,55 кВт), полученные (приобретенные) через органы социальной защиты населения	Некоторые виды техники, зарегистрированные на сельскохозяйственных товаропроизводителях и используемые непосредственно для производства сельскохозяйственной продукции
Пассажирские и грузовые морские (речные и воздушные) суда в собственности организаций и индивидуальных предпринимателей	Транспортные средства, принадлежащие на праве оперативного управления федеральным органам власти, где законодательно предусмотрена военная или приравненная к ней служба
Транспортные средства, находящиеся в розыске, а также транспортные средства, которые находились в розыске, но не возвращены владельцу по тем или иным причинам	
Самолеты и вертолеты санитарной авиации и медицинской службы	Маломерные лодки, мощностью не свыше 5 л.с.
В Калининградской области и Приморском крае льготы так же охватывают: суда, зарегистрированные в Российском международном реестре судов; суда, зарегистрированные в Российском открытом реестре судов: морские стационарные и плавучие платформы, передвижные буйки и буровые суда; воздушные суда, зарегистрированные в Государственном реестре гражданских воздушных судов	
Источник: Федеральные льготы. Справочная информация о ставках и льготах по имущественным налогам. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/service/tax/d1370660/ (дата обращения: 24.11.2025).	

На региональном уровне единого перечня льгот не предусмотрено, поскольку органы власти субъектов РФ могут самостоятельно устанавливать, регулировать и отменять налоговые льготы в соответствии с п. 3 ст. 56 НК РФ. Обращаясь к данным по доле льготных налогоплательщиков, мы видим, что среди регионов СЗФО она разнится: в Мурманской области близится к 40%, в Ленинградской области составляет порядка 21,6%, в Калининградской области не превышает 2,5% (*табл. 2*). В целом, вышесказанное говорит о потенциальных дисбалансах о наличии и доступности льгот.

Таблица 2. Доля налогоплательщиков (физических лиц), которым предоставлены льготы в общем количестве налогоплательщиков регионов СЗФО 2010–2024 гг., %

Территория	Год						Абс. откл. 2024 к 2010*
	2010	2011	2016	2022	2023	2024	
Мурманская область	3,4	24,5	27,4	35,7	37,3	39,2	35,8
Вологодская область	-	18,7	24,5	34,3	34,7	36,7	18
Ненецкий авт. округ	7,8	58	13,3	31,8	31,8	35,7	27,9
Новгородская область	7,7	15,1	10,9	26,8	26,9	27,5	19,8
Республика Карелия	-	-	14,3	22,1	23,7	24,0	9,7
Ленинградская область	2,4	7,7	11	20,2	20,3	21,6	19,2
Санкт-Петербург	18,3	19	16,1	15,8	17,5	18,0	-0,3
Архангельская область	1,4	4,2	3,6	8,4	8,8	8,8	7,4
Псковская область	-	2,1	0,8	5,4	5,7	5,2	3,1
Республика Коми	2,1	2,1	1,4	2,3	2,7	3,3	1,2
Калининградская область	1,4	44,3	0,8	2,1	2,0	2,1	0,7
В среднем по СЗФО	5,6	19,6	11,3	18,6	19,2	18,7	13,1

* К первому, статистически известному, году.
Источник: данные ФНС России.

Поскольку ФНС РФ не предоставляет статистику (форма ТН-5) по льготным налогоплательщикам в разрезе каких-либо категорий населения, выявление охвата социально-уязвимого населения льготами должно происходить иначе. При этом в уже существующей научной литературе налог рассматривается скорее с позиций наполнения бюджета [1] и обеспечения экологической безопасности [2], нежели социальной функции.

Считаем, что один из возможных вариантов оценки может базироваться на справочной информации о ставках и льготах по имущественным налогам, используемой для заполнения бинарных матриц (табл. 3). Матрицы подразумевают наличие (1) или отсутствие (0) налоговых льгот у соответствующей группы населения.

Таблица 3. Пример бинарной матрицы

Социально-уязвимая группа	Вид налогооблагаемого транспорта				
	Легковые автомобили	Мотоциклы, мотороллеры	Грузовые автомобили	Катера и лодки	Автобусы
Страховые пенсионеры	...	...	...	...	...
Социальные пенсионеры	...	...	...	...	...
Инвалиды	...	...	...	...	...
Многодетные семьи	...	...	...	...	...
Неполные семьи	...	...	...	...	...
Семьи с детьми-инвалидами	...	...	...	...	...
Семьи с детьми-сиротами	...	...	...	...	...

Источник: составлено автором.

Таким образом, вышеназванная ограниченность данных статистической отчетности и федерального перечня льгот формируют значительный задел для оценки охвата льгот на региональном уровне по данным справочника. Предлагаемые матрицы позволят осуществлять межрегиональные сопоставления в целях совершенствования социального аспекта налоговой политики. Дальнейшей перспективой исследования является апробация предлагаемых матриц.

Библиографический список

1. Клишина В.С., Рябина А.С. (2021). Налоговые льготы как инструмент модернизации российской экономики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 5-2. С. 205–208.
2. Семенова Г.Н. (2024). Транспортный налог как инструмент сохранения дорожной инфраструктуры и улучшения экологической обстановки в мегаполисе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. № 2. С. 89–103. DOI: 10.18384/2949-5024-2024-2-89-103

Информация об авторе

Данила Сергеевич Гончарук – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: common@volnc.ru)

Goncharuk D.S.

TRANSPORT TAX EXEMPTIONS FOR INDIVIDUALS: AN INSTRUMENT FOR ASSESSING COVERAGE OF SOCIALLY VULNERABLE POPULATIONS

Abstract. *Among the challenges facing Russia in recent years, issues related to state support for the population hold a prominent place. This paper presents data on the share of taxpayers eligible for transport tax exemptions and proposes a methodological framework for assessing the coverage of socially vulnerable populations by such benefits.*

Keywords: *property taxation, transport tax, individual taxpayers, targeted support, socially vulnerable population.*

Information about the Author

Danila S. Goncharuk – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: common@vscc.ac.ru)

References

1. Klishina V.S., Ryabinina A.S. (2021). Tax incentives as a tool for modernizing the Russian economy. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 5-2, 205–208.
2. Semenova G.N. (2024). Transport tax as a tool for preserving road infrastructure and improving the environmental situation in a metropolis. *Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*, 2, 89–103. DOI: 10.18384/2949-5024-2024-2-89-103

ИНСТРУМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЮ: КЛАССИФИКАЦИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Проведен комплексный анализ санкций против России (финансовые, торговые, технологические, энергетические и др.) в контексте мировой практики за последние два десятилетия. Выявлены структурные сдвиги и механизмы адаптации: переориентация внешней торговли на Азию, Ближний Восток и прочие регионы вне западного блока; перестройка логистики и финансовых каналов, а также акцент на импортозамещение и накопление международных резервов для поддержания финансовой стабильности и валютного суверенитета. Несмотря на значительные потери, экономика демонстрирует адаптивность благодаря господдержке, внутренним ресурсам и новым торговым направлениям. Долгосрочный эффект санкций зависит от диверсификации экономики, снижения сырьевой зависимости и технологической модернизации.*

Ключевые слова: *санкции, экономическое давление, Россия, международные резервы, инвестиции, импортозамещение, валютный суверенитет, торговый баланс, финансовая устойчивость, геополитика.*

Введение и методология

Исследование систематизирует инструменты экономического давления на Россию и сравнительно оценивает их эффективность, заполняя методологический пробел и предлагая теоретико-эмпирическую базу для политических выводов. Использована смешанная методология: обзор официальных источников, научных публикаций и баз данных по санкциям; количественный сравнительный анализ по показателям торговых потоков, иностранных инвестиций и макроэкономических эффектов с применением эконометрических моделей. Анализ охватывает секторные санкции, эмбарго, финансовые ограничения и адресные меры; учтен геополитический контекст.

Основные результаты исследования:

- санкции стали постоянным фактором государственного планирования; требуется координированная ответная политика;
- необходима четкая концептуальная трактовка термина «санкции» для корректного анализа;
- классификация мер учитывает виды операций (торговля, финансы, логистика) и объекты (физические/юридические лица);
- число антироссийских мер резко выросло после 2022 года (с 5 818 до 26 424 дополнительных ограничений по состоянию на 12.11.2023);
- с 2014 до 2022 гг. прослеживаются структурные эффекты санкций и адаптационные механизмы; с 2022 года доступ к дезагрегированным внешнеторговым данным ограничен, часть оценок опирается на официальную и международную статистику;
- анализ временных рядов с использованием коэффициентов роста выявил изменения траекторий показателей в посткризисный период и во время эскалаций санкционного давления.

Выводы

Антироссийские санкции оказывают существенное многоуровневое воздействие на экономику и социальную структуру. Несмотря на значимые издержки, экономика демонстрирует адаптивность через господдержку, импортозамещение и перенаправление внешней торговли. Долгосрочные последствия зависят от диверсификации, снижения сырьевой зависимости и технологической модернизации.

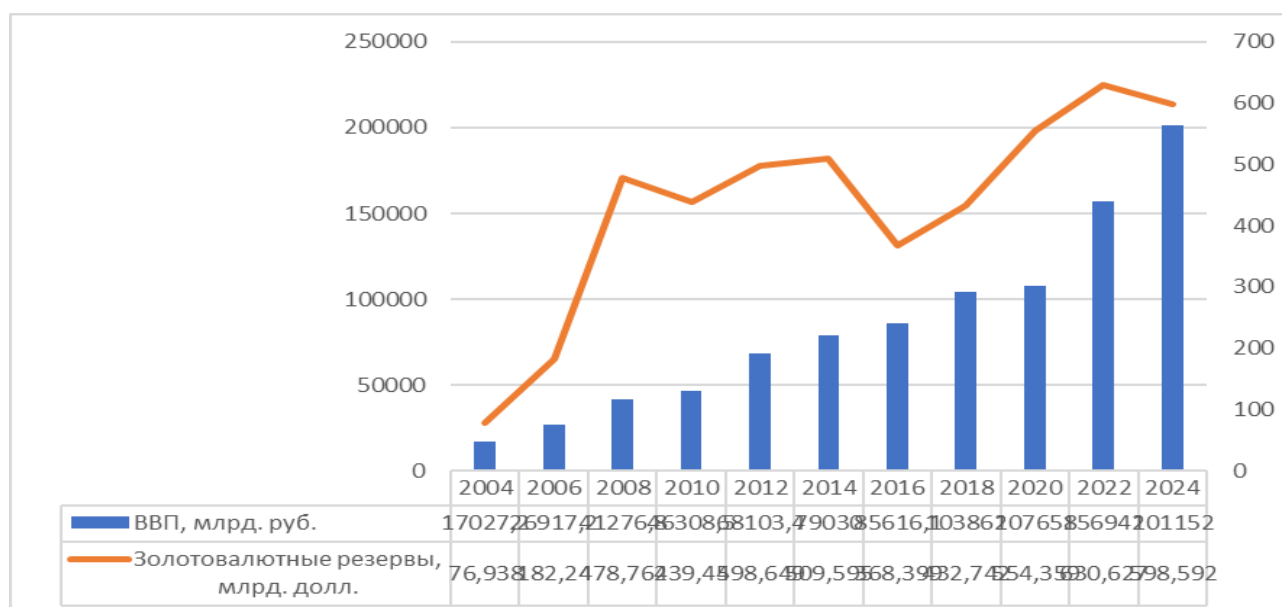

Рис. 1. Динамика ключевых макропоказателей развития России: группировка обобщающих индикаторов экономической ситуации

Источник: составлено по [1].

Анализ макропоказателей РФ за 2004–2024 гг. (ВВП в млрд руб. и международные резервы в млрд \$) выявляет ключевые структурные тенденции под влиянием геополитической напряженности и санкций. Номинальный ВВП вырос более чем в 11 раз – с 17 027,2 млрд руб. в 2004 году до 201 152,1 млрд руб. в 2024 году, что отражает сочетание реального роста и эффектов инфляции и девальвации. За данный период отслеживаются две фазы ускорения: 2004–2008 (сырьевой бум) и 2020–2024 (адаптация к санкциям, импортозамещение и реиндустриализация). Международные резервы показали цикличную, но в целом укрепляющуюся траекторию: \$76,938 млрд (2004) → \$630,627 млрд (2022) → \$598,592 млрд (2024). Колебания резервов связаны с нефтяными ценами, мобилизацией средств в ответ на санкции 2014 года и последующей фискальной дисциплиной и диверсификацией активов (золото, западные валюты) после 2016 года. Устойчивость резервов в 2022 году отражает проактивную политику Центробанка и реструктуризацию внешних связей. Итог: несмотря на внешнее давление, экономика демонстрирует адаптивность за счет фискальной политики, резервов и переориентации на Азиатский рынок.

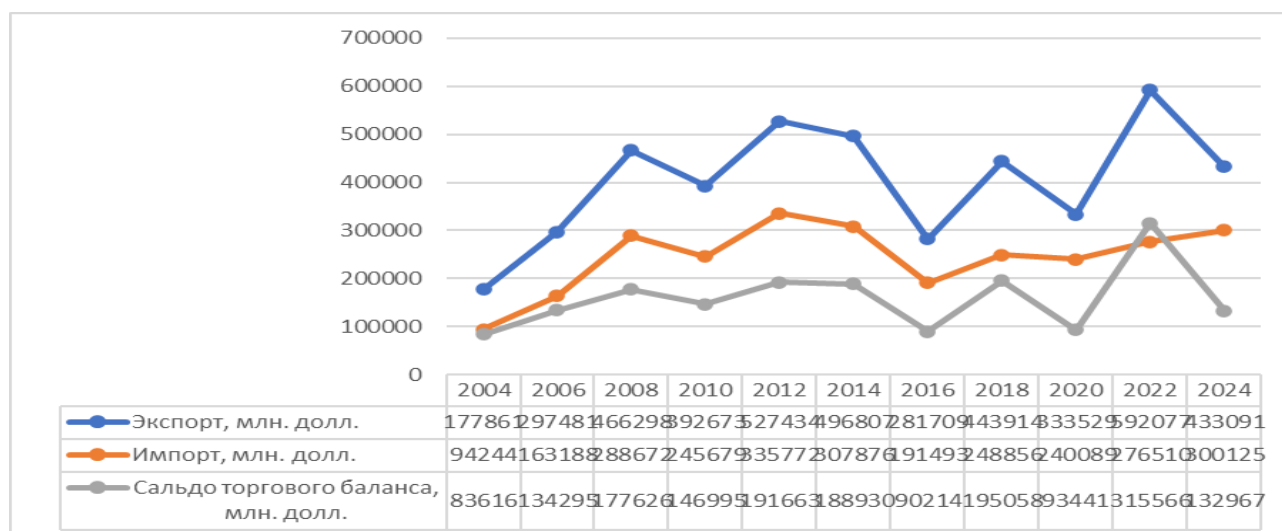

Рис. 2. Динамика внешней торговли и международного сотрудничества за период 2004–2024 гг.

Источник: составлено по [1].

Анализ внешней торговли РФ за 2004–2024 гг. выявляет значительные структурные изменения в экспорте, импорте и торговом балансе под воздействием геополитики и санкций. Экспорт вырос с \$177,861 млрд до пика \$592,077 млрд (2022 год), затем снизился до \$433,091 млрд к 2024 году, что отражает зависимость от цен на углеводороды, переориентацию рынков (включая Азию) и влияние санкционных ограничений и ценовых мер. Импорт рос до \$335,772 млрд (2012 год), сократился до \$191,493 млрд к 2016 году в условиях девальвации и ограничений, затем восстановился и составил \$300,125 млрд в 2024 году – частично за счет альтернативных каналов поставок и политики импортозамещения. Торговый баланс сохранял профицит: рекорд \$315,566 млрд в 2022 году и сокращение до \$132,967 млрд в 2024 году вследствие снижения экспорта и восстановления импорта. Структура торговли по-прежнему опирается на сырьевой экспорт, но демонстрирует адаптационные возможности. Главные вызовы – диверсификация экспорта, реорганизация производств и интеграция в альтернативные цепочки добавленной стоимости при технологических и логистических ограничениях санкционной политики.

Заключение

Санкции представляют многофакторное давление, частично эффективное, но ограниченное способностью России адаптироваться через импортозамещение, диверсификацию партнеров и управление резервами. Долгосрочная устойчивость зависит от снижения сырьевой зависимости, технологической модернизации и укрепления институтов. Санкции также оказывают политические и дипломатические эффекты, что требует комплексного подхода к оценке их эффективности.

Библиографический список

1. Говорков Н.А. (2024). Влияние внешнеэкономических стратегий на экономический рост Российской Федерации в условиях санкций // Вопросы региональной экономики. № 3 (60). С. 194–200.

Информация об авторе

Алиреза Горбани – аспирант, Томский государственный университет (Российская Федерация, 634058, г. Томск, ул. Набережная реки Ушайки, д. 12; e-mail: ali.reza.1995@bk.ru)

Ghorbani A.

INSTRUMENTS OF ECONOMIC PRESSURE ON RUSSIA: CLASSIFICATION AND COMPARATIVE ANALYSIS OF EFFECTIVENESS IN THE GLOBAL PRACTICE OF SANCTIONS POLICY

Abstract. *A comprehensive analysis of sanctions against Russia (financial, trade, technological, energy, etc.) is conducted in the context of global practice over the past two decades. Using macroeconomic data for 2004–2024, structural shifts and adaptation mechanisms are identified: the reorientation of foreign trade toward Asia, the Middle East and other regions outside the Western bloc; the restructuring of logistics and financial channels; and an emphasis on import substitution and the accumulation of international reserves to maintain financial stability and currency sovereignty. Despite substantial losses, the economy demonstrates resilience due to state support, domestic resources and new trade directions. The long-term effect of sanctions depends on economic diversification, reduced raw-material dependency and technological modernization.*

Keywords: *sanctions, economic pressure, Russia, international reserves, investments, import substitution, currency sovereignty, trade balance, financial stability, geopolitics.*

Information about the Author

Gorbani Alireza –graduate student, Tomsk State University (12, Naberezhnaya reki Ushaiki Street, Tomsk, 634058, Russian Federation; e-mail: ali.reza.1995@bk.ru)

References

1. Govorkov N.A. (2024). Influence of foreign economic strategies on economic growth of the Russian Federation under the conditions of sanctions. *Issues of Regional Economy*, 3(60), 194–200.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: ГЕНЕРАЛЬНЫЕ И МАСТЕР-ПЛАНЫ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы целесообразности дополнения системы стратегического пространственного планирования новым документом – мастер-планом. Приведены результаты сравнительного анализа современной системы управления территориальными ресурсами и системы управления с включением мастер-планов применительно к городу федерального значения и субъекту РФ – Санкт-Петербургу.

Ключевые слова: пространственное развитие, генеральные планы, мастер-планы, стратегическое планирование, территориальное планирование.

В настоящее время одной из серьезных проблем, связанных с разработкой документов территориального и стратегического планирования, является попытка внедрить новый элемент (мастер-план), в уже сложившуюся систему градостроительной документации. Отсутствие внятных требований по встраиванию мастер-планов в систему документов территориального планирования, их место в иерархии документов стратегического планирования, до настоящего времени являлось предметом дискуссии. Мнения ученых по вопросу целесообразности введения в градостроительную практику этого нового документа разделились [1, 2]. Одни считают необходимым дополнить систему стратегического планирования мастер-планами, обосновывая это тем, что они являются составляющей системы стратегических планов то есть: «Мастер-план – это документ стратегического планирования» [3, с. 77; 4, с. 12]. Этому же мнению придерживается и В. Тузовский: «Сегодня в российской практике стратегического планирования на муниципальном уровне формально сложились два направления в стратегическом пространственном планировании: стратегическое пространственное планирование и мастер-планирование» [5, с. 31]. Другие полагают возможным и целесообразным заменить генеральные планы мастер-планами, в качестве обоснования приводя тезис о том, что они (мастер-планы) содержат более детальные проработки, нежели генеральный план, а сам документ – лучше понятен жителям и инвесторам, поскольку основывается на мнении населения [1, 6]. Третьи полагают невозможным в силу ряда объективных причин подмену генерального плана мастер-планом [7]. Это же мнение прослеживается и в статье Л.Я. Герцберга, где отмечено, что тенденция заменить генеральные планы мастер-планами, добавив некоторые элементы стратегического планирования, не способствует повышению эффективности стратегического пространственного планирования [6, с. 66]. Особо следует выделить группу петербургских ученых, отмечающих «противоречивость содержательной природы мастер-планов», отмечая, что это не стратегия и не генплан [8, с. 62–63]. И.Н. Ильина также отмечает, что статус мастер-плана не определен и во многом дублирует стратегический документ социально-экономического развития [9, с. 102].

Выступая за упорядочение всей системы стратегического пространственного планирования, Л.Я. Герцберг пишет: «Генеральный план или мастер-план, схемы территориального планирования – это все документы, входящие в систему стратегического пространственного планирования, поскольку на прогнозируемый период в них разрабатываются стратегии пространственного развития и функционально планировочной организации территории» [6, с. 62]. Отмечу, что до настоящего времени генеральные планы не включены в систему стратегического планирования. К таким же спорным положениям можно отнести и высказывание о том, что на генеральных планах отображаются планируемые мероприятия. Вероятно, имелось в виду отображение на генеральном плане объектов регионального и местного значения.

В целом можно утверждать, что подобное разделение мнений отражает различное видение как системы территориального/пространственного планирования, так и стратегического планирования. В связи с этим в плоскости практики разработки градостроительной документации для Санкт-Петербурга (являющегося и городом федерального значения, и субъектом Российской Федерации), возникает ряд вопросов, связанных с целесообразностью разработки мастер-планов развития территории.

Основные результаты анализа предлагаемого Проекта поправок к федеральному закону № 659095-8 «О внесении изменений в ст. 52.2 Градостроительного кодекса Российской Федерации» (далее – Проект поправок).

1. Проект поправок в Градостроительный кодекс РФ (далее – ГрК РФ) предусматривает возможность разработки для Санкт-Петербурга, равно как и для иных городов федерального значения, мастер-планов развития территории. Однако, если для органов власти Москвы предусмотрена возможность установления состава, содержания, порядка подготовки, согласования и утверждения мастер-планов, то в отношении Санкт-Петербурга и Севастополя такое полномочие не предусмотрено.

2. Предлагается не учитывать принятые региональные и местные нормативы градостроительного проектирования при разработке мастер-планов развития территории. Отмечено отсутствие взаимосвязи между нормативами градостроительного проектирования городов федерального значения и мастер-планами развития территорий таких городов. Более того, Проектом поправок предусмотрен приоритет мастер-плана над нормативами градостроительного проектирования, поскольку учтена необходимость корректировки местных и региональных нормативов градостроительного проектирования в случаях возникновения «нестыковок» при подготовке мастер-планов.

3. Одним из значимых инвестиционных компонентов мастер-плана, предлагаемых в Проекте поправок, является включение в него сведений о значимых направлениях развития территории. Однако в документе не указаны критерии, по которым оценивается приоритет проекта. Данное положение представляется чрезвычайно важным, поскольку могут быть различные видения разработки ряда инвестиционных проектов.

4. Предлагается исключить процедуру согласования мастер-плана развития территории с поселениями, имеющими общую границу с исследуемой территорией. Данное положение может создать предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций как для муниципальных образований внутри какого-либо субъекта РФ, так и для территорий, прилегающих к муниципальным образованиям иного субъекта РФ.

5. Предлагается сделать приоритетными положения утвержденного мастер-плана перед ранее утвержденной документацией по планировке территории. Предлагаемый пункт может существенно «утяжелить» ранее начатый инвестиционно-строительный процесс, поскольку возможны различия взглядов на развитие территории у разработчиков мастер-плана и проекта планировки территории.

На основании проведенного исследования, применительного к городу федерального значения, субъекту Российской Федерации – Санкт-Петербургу, необходимо отметить, что в связи с вступлением в силу 09.01.2024 года Закона Санкт-Петербурга от 21.12.2023 №785-169 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга», утвердившем новую редакцию Генерального плана Санкт-Петербурга, одобренной постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 26.08.2025 № 605 актуализации «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года», утвержденными постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 11 апреля 2017 г. № 257 нормативами градостроительного проектирования Санкт-Петербурга, разработки мастер-плана для Санкт-Петербурга не является актуальной задачей.

Библиографический список

1. Зверева И.А. (2024). Ключевые инструменты управления развитием территорий: генеральные планы или мастер-планы // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 110–123.
2. Балашов Д.В. (2024). Мастер-планы опорных городов Арктики как инструмент реализации земельных отношений на арктических территориях // Евразийская адвокатура. № 6 (71). С. 182. DOI: 10.52068/2304-9839-2024-71-6-182.
3. Прибышин Т.К., Гресь Р.А. (2022). Мастер-планы агломераций в современной практике стратегического планирования в России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 4 (71). С. 76–86. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-4-76-86
4. Берендеева А.Б. (2025). Мастер-планы малых городов как инструмент стратегии устойчивого развития: сборник научных статей и материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции. Малые города большой страны. Иваново. С. 9–23.
5. Тузовский В.С. (2019). Становление понятия «мастер-план» в отечественной градостроительной теории и практике // Ноэма (Архитектура. Урбанистика. Искусство). № 3 (3). С. 29–43.
6. Герцберг Л.Я. (2022). Стратегический план или мастер план? // Academia. Архитектура и строительство. № 1. С. 60–67.

7. Малинова О.В. (2019). О реформировании территориального планирования в Российской Федерации в целях комплексного и устойчивого развития территории. Генплан // Academia. Архитектура и строительство. № 4. С. 5–10.
8. Гресь Р.А., Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. (2025). Между стратегией и генпланом: анализ содержания 29 мастер-планов // Региональные исследования. № 2 (88). С. 49–65. DOI: 10.5922/1994-5280-2025-2-4.
9. Ильина И.Н. (2024). Изменение подходов к процессу генерального планирования городов: трансформация смысла или смена названия // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 84–109. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-1-84-109

Информация об авторе

Светлана Анатольевна Ершова – доктор экономических наук, профессор, начальник управления научно-методического обоснования градостроительного развития Санкт-Петербурга, Научно-исследовательский и проектный центр Генерального плана Санкт-Петербурга (Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, д. 1-3; e-mail: S.Ershova@kga.gov.spb.ru)

Ershova S.A.

MODERN PRIORITIES OF SPATIAL DEVELOPMENT: MASTER PLANS AND GENERAL PLANS

Abstract. *The article discusses the feasibility of supplementing the strategic spatial planning system with a new document, which is a master plan. The article presents the results of a comparative analysis of the current system of territorial resource management and the management system with the inclusion of master plans in relation to Saint Petersburg, a city of federal significance and a constituent entity of the Russian Federation.*

Keywords: *spatial development, master plans, strategic planning, territorial planning.*

Information about the Author

Svetlana A. Ershova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of the department of Scientific and Methodological Support for the Urban Development of St. Petersburg, St. Petersburg State Research and Design Center of St. Petersburg Master Plan (1-3, Zodchego Rossi Street, St. Petersburg, 191023, Russian Federation; e-mail: S.Ershova@kga.gov.spb.ru)

References

1. Zvereva I.A. (2024). Key tools for managing territory development: general plans or master plans. *Public Administration Issues*, 1, 110–123.
2. Balashov D.V. (2024). Master plans of the main cities of the arctic as a tool for realization of land relations in the Arctic territories. *Eurasian Advocacy*, 6(71), 182. DOI: 10.52068/2304-9839-2024-71-6-182.
3. Pribyshin T.K., Gres R.A. (2022). Master plans for agglomerations in modern practice of strategic planning in Russia. *Economy of the North-West: Problems and Prospects of development*, 4(71), 76–86. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-4-76-86
4. Berendeeva A.B. (2025). Small town master plans as a tool for sustainable development strategy: collection of scientific articles and materials of the Third Russian Scientific and Practical Conference. Small towns of a big country. Ivanovo. 9–23.
5. Tuzovsky V.S. (2019). Formation of the concept of "Master plan" in the national urban-planning theory and practice. *Noema (Architecture. Urban studies. Arts)*, 3(3), 29–43.
6. Gertsberg L.Ya. (2022). Strategic or Master plan? *Academia. Architecture and Construction*, 1, 60–67.
7. Malinova O.V. (2019). On the reform of territorial planning in the Russian Federation in the aims of integrated and sustainable development of the territory. General plan. *Academia. Architecture and Construction*, 4, 5–10.
8. Gres R.A., Zhikharevich B.S., Pribyshin T.K. (2025). Between the strategy and the general plan: a substantive analysis of 29 master plans. *Regional Research*, 2(88), 49–65. DOI: 10.5922/1994-5280-2025-2-4.
9. Ilina I.N. (2024). Changing the approach to urban master planning: transformation of meaning or name change. *Public administration issues*, 1, 84–109. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-1-84-109.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ УКЛАДНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Аннотация. В рамках доклада, на основе проведенного при участии автора целевого экспертного опроса, представлены результаты оценки технологической «укладности» предпринимательства в регионах Северо-Западного федерального округа. В частности, определен масштаб освоения технологий, относящихся к пятому и шестому укладу, а также выявлены ключевые проблемы и перспективы технологического развития компаний в направлении новой «укладности».

Ключевые слова: предпринимательство, инновационное развитие, технологическая «укладность», регион, оценка, масштаб, проблемы, факторы, перспективы.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Введение

В процессе реализации стратегии технологического лидерства важно планомерно усиливать инновационные возможности предпринимательского сектора как главного экономического актора в рыночной и смешанной системах хозяйствования [1]. При этом ключевым стратегическим приоритетом выступает не столько рост инновационной активности бизнеса, сколько сознательное выстраивание его технологической «укладности», что, в свою очередь, требует последовательной трансформации бизнес-процессов с фокусом на создание и интеграцию технологий, отвечающих требованиям новых технологических укладов [2].

Настоящее исследование нацелено на анализ технологической «укладности» предпринимательского сектора в региональном контексте. Ключевая научная проблема состоит в дефиците целостной методической базы для определения степени соответствия технологического развития бизнеса актуальным технологическим укладам на уровне регионов, что препятствует объективной оценке региональных предпринимательских систем.

Методы и информационная база исследования

Ключевым методом, использовавшимся при подготовке исследования, послужил целевой экспертный опрос, в котором приняли участие 45 руководителей инновационных компаний из 9 регионов Северо-Западного федерального округа РФ: Архангельской, Вологодской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской и Псковской областей, а также республик Карелии и Коми.

Оценка внедрения технологий пятого и шестого укладов субъектами МСП в российских регионах (результаты и дискуссия)

Первоначальный запрос к экспертам заключался в определении ключевых технологических направлений их организаций в рамках пятого технологического уклада. Участникам было предложено выбрать до трех приоритетных направлений из предложенного списка или указать собственное.

Анализ полученных данных по СЗФО демонстрирует следующую картину. Из 45 обследованных инновационных предприятий лишь 16 (35,6%) активно развивают технологии пятого уклада. При этом распределение по отраслям выглядит следующим образом: *электроника и микроэлектроника* (проектирование и производство электронных компонентов) – 8 компаний (17,8%); *программное обеспечение* (системное, прикладное, инструментальное) – 6 организаций (13,3%); *информационные технологии* (веб-разработка, сетевые технологии, информационная безопасность) – 5 предприятий (11%); *робототехника и телекоммуникации* (программные и аппаратные решения для беспроводной связи) – по две 2 компании (4,5%); *космические технологии и разработка синтетических аналогов минералов* – по одной организации (2,2%).

Региональная специфика внедрения передовых технологий также заслуживает внимания. Лидерами по доле инновационных предприятий, работающих с технологиями пятого уклада, стали: Вологодская и Ленинградская области – 60% инновационных предприятий; Архангельская, Мурманская и Псковская области – по 40% предприятий в каждой.

В рамках опроса эксперты поделились сведениями о внедрении технологий шестого уклада в деятельности своих организаций. Анализ полученных данных демонстрирует довольно скромные результаты в сфере инновационных разработок. Из общего числа опрошенных организаций лишь 15,5% (7 предприятий) смогли представить конкретные примеры внедрения технологий нового уклада. Распределение по направлениям разработок выглядит следующим образом: *беспилотные авиационные комплексы* (системы с дистанционным управлением воздушных судов) – 6,7% участников рынка (3 компании); *искусственный интеллект* (программные решения для автоматизации бизнес-процессов) – 4,4% организаций (2 компании); *цифровые инновации* (технологии работы с большими данными, блокчейн-системы, квантовые разработки), *биомедицинские технологии* (молекулярные, клеточные и ядерные разработки), *нанобиотехнологии* (использование наноматериалов в биотехнологических процессах) – каждая по 2,2% участников рынка (1 организация).

Таким образом, несмотря на заявленную перспективность шестого технологического уклада, реальное внедрение соответствующих разработок происходит крайне медленно и охватывает незначительную часть сектора инновационных МСП.

В процессе исследования эксперты рассказали о мерах, которые их компании принимают для расширения использования технологий пятого и шестого укладов. Основные направления включают: изучение передового опыта других предприятий (20%) – компании активно анализируют и адаптируют успешные практики конкурентов; обучение и повышение квалификации сотрудников (17,8%) – значительное внимание уделяется развитию навыков персонала. Также компании привлекают специалистов для внедрения новых технологий (11,1%) и капитал для запуска проектов (11,1%).

Среди мер, которые предприятия принимают для расширения использования технологий шестого уклада, следует отметить анализ и адаптацию успешных практик конкурентов (13,3%), развитие навыков персонала (8,9%), привлечение специалистов и инвестиций для внедрения новых технологий (8,9%).

В целом, представленные меры демонстрируют комплексный подход компаний к внедрению и развитию технологий пятого и шестого уклада, включая как внутренние, так и внешние стратегии.

В завершении опроса мы попросили экспертов поделиться мнением о главных препятствиях для внедрения технологий пятого и шестого технологических укладов. Наиболее значимым барьером на пути внедрения технологий пятого уклада является высокий уровень затрат на внедрение технологий (31,1%), что указывает на значительные финансовые ограничения, с которыми сталкиваются компании. На втором месте – недостаток квалификации у персонала (22,2%), что подчеркивает необходимость повышения квалификации сотрудников для работы с новыми технологиями. На третьем – риск, связанный с изменениями ведения бизнеса (20%), что говорит о страхе компаний перед неопределенностью и возможными негативными последствиями внедрения новых технологий. Менее значимые, но важные барьеры: отсутствие организационной и технологической инфраструктуры (15,6%), отсутствие промышленных практик и стандартов, кейсов по внедрению (15,6%), беспокойство о кибербезопасности и приватности данных (13,3%) и отсутствие информации о поставщиках решений (13,3%).

Таким образом, компании сталкиваются с комплексом проблем, включая финансовые, организационные, кадровые и технологические аспекты. Для успешного внедрения технологий пятого уклада необходимо комплексное решение этих вопросов, включая инвестиции в обучение персонала, развитие инфраструктуры и создание стандартов.

Следует отметить барьеры, которые возникают на пути внедрения технологий шестого технологического уклада: высокие затраты на внедрение технологий (17,8%); беспокойство о кибербезопасности и приватности данных (15,6%); риск, связанный с изменениями ведения бизнеса (13,3%); недостаток квалификации у персонала (11,1%); отсутствие организационной и технологической инфраструктуры (8,9%).

Эти данные подчеркивают необходимость комплексного подхода к решению проблем, включая инвестиции в инфраструктуру, обучение персонала и обеспечение безопасности данных.

Заключение

Субъекты МСП демонстрируют недостаточную готовность к внедрению технологий пятого и шестого укладов. Лишь 35,6% обследованных инновационных предприятий активно развивают технологии пятого уклада, а технологии шестого уклада внедрены только в 15,5% компаний.

Основными барьерами на пути технологического развития являются: высокие затраты на внедрение новых технологий, недостаточная квалификация персонала, отсутствие необходимой инфраструктуры, риски изменения бизнес-процессов, проблемы кибербезопасности.

Перспективы развития связаны с необходимостью комплексного решения выявленных проблем. Очевидно, в сложившихся условиях требуется усиление государственной поддержки инновационных компаний, развитие технологической инфраструктуры, формирование индустриальных стандартов и обеспечение информационной поддержки.

Библиографический список

1. Земцов С.П. (2025). Источники роста деловой активности в регионах России в условиях внешних шоков // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (66). С. 291–300. DOI: 10.31737/22212264-2025-1-291-300.
2. Глазьев С.Ю., Ильин В.А., Шабунова А.А. (2025). Структурно-технологические драйверы стратегического развития региона: монография. Москва: Проспект. 368 с.

Информация об авторе

Семен Леонидович Иванов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: common@volnc.ru)

Ivanov S.L.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF FORMING A TECHNOLOGICAL ORGANIZATION OF INNOVATIVE BUSINESS IN RUSSIAN REGIONS

Abstract. *This report presents the results of an assessment of the technological organization of entrepreneurship in the regions of the Northwestern Federal District, based on a targeted expert survey conducted with the author's participation. Specifically, the scale of adoption of technologies related to the fifth and sixth paradigms is determined, and key challenges and prospects for companies' technological development toward a new organization are identified.*

Keywords: *entrepreneurship, innovative development, technological organization, region, assessment, scale, challenges, factors, prospects.*

Information about the Author

Semyon L. Ivanov – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: common@volnc.ru)

References

1. Zemtsov S.P. (2025). Sources of business activity growth in the russian regions during the external shocks. *The Journal of the New Economic Association*, 1(66), 291–300. DOI: 10.31737/22212264-2025-1-291-300
2. Glazhev S.Yu., Ilyin V.A., Shabunova A.A. (2025). Structural and technological drivers of strategic development of the region: Monograph. Moscow: Prospect.

ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА НА INDUSTRY 4.0: КАК ПРОМЫШЛЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ФОРМИРУЕТ НОВОЕ КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО РЕГИОНА

Аннотация. *В условиях реализации национальной цели «Технологическое лидерство» цифровая трансформация промышленности становится ключевым фактором конкурентоспособности предприятий и регионов. Однако сохраняется разрыв между возможностями ИИ и практикой его внедрения, особенно на региональных производствах. В работе показано, что внедрение промышленного ИИ имеет выраженную экономическую природу: ручной контроль качества создает значительные постоянные издержки и потери от человеческого фактора. Обобщены ожидаемые макро- и региональные эффекты и предложены меры региональной политики (центры компетенций, поддержка пилотов, адаптация образования и развитие кооперации) для снятия барьеров и формирования технологических компетенций.*

Ключевые слова: *промышленный искусственный интеллект, Industry 4.0, цифровая трансформация, региональная конкурентоспособность, демократизация ИИ, экономика инноваций.*

Контекст и актуальность исследования

В условиях реализации национальной цели «Технологическое лидерство» и перехода к новому технологическому укладу, цифровая трансформация промышленности становится ключевым фактором конкурентоспособности не только отдельных предприятий, но и целых регионов. Однако, как показывает анализ отечественного рынка, существует устойчивый разрыв между технологическими возможностями искусственного интеллекта (ИИ) и реальной способностью промышленных предприятий, особенно в регионах, к их внедрению. Главными барьерами выступают кадровый дефицит (отсутствие связки «Data Scientist–инженер-технолог») и высокая зависимость от вендорских решений, что приводит к застою на уровне пилотных проектов.

Экономическая сущность проблемы внедрения промышленного ИИ

Проблема носит не только технический, но и глубоко экономический характер. Содержание традиционных отделов технического контроля (ОТК) с ручными операциями формирует значительную статью расходов, не обеспечивая при этом необходимой скорости, масштабируемости и качества. Как показывают расчеты на примере автоматической инспекции сборки печатных плат, годовые затраты на ручной контроль с штатом из пяти инспекторов превышают 5 млн рублей, в то время как эксплуатация ИИ-системы с одним инженером обходится примерно в 0,9 млн рублей. Прямая годовая экономия составляет около 4 млн рублей. Кроме того, человеческий фактор приводит к потерям от пропущенного брака, которые при объеме производства 15 000 плат в год могут достигать 7,5 млн рублей.

Демократизация ИИ как драйвер преодоления барьеров

Предлагаемым решением выступает переход от парадигмы «ИИ для программистов» к парадигме «ИИ для инженеров». Методология визуально-ориентированного объектного моделирования ИНС (ВООМ-ИНС) позволяет перенести процесс создания ИИ-моделей из сферы программирования в инженерное проектирование. Инженер-технолог оперирует не алгоритмами, а визуальными объектами предметной области (например, «реперная точка», «зона пайки»), конфигурируя их через интуитивные параметры. Это сокращает коммуникационные издержки, снижает зависимость от узких специалистов и превращает инженера в архитектора ИИ-решений для своего участка, что является ключевым элементом Индустрии 5.0, основанной на человеко-машинной коллаборации.

Макроэкономические и региональные эффекты

Внедрение подобных решений формирует для предприятий и регионов ряд стратегических преимуществ:

- эффект скорости – сокращение цикла контроля в 20 раз (с 40 до 2 минут) ускоряет весь производственный цикл;
- эффект масштаба – система позволяет увеличивать объемы производства без пропорционального роста штата контролеров;
- эффект гибкости – быстрая перенастройка под новую продукцию, что соответствует тренду на кастомизацию;
- эффект качества – стабильно высокое качество продукции становится новым конкурентным преимуществом.

На уровне региона это способствует импортозамещению, развитию собственных технологических компетенций, формированию новых высокотехнологичных рабочих мест для инженеров и созданию основы для технологического суверенитета.

Рекомендации для экономической политики регионов

Для системного преодоления барьеров и раскрытия потенциала промышленного ИИ необходима проактивная позиция региональных властей:

1. создание центров компетенций по промышленному ИИ на базе ведущих предприятий или вузов для обучения, внедрения и методологической поддержки;
2. внедрение инструментов стимулирования, таких как «ИИ-ваучеры» – субсидирование пилотных проектов по внедрению ИИ на малых и средних предприятиях;
3. адаптация образовательных стандартов через внедрение в программы технических вузов и колледжей модулей по работе с доступными ИИ-инструментами для инженеров.
4. изменение кластерной политики в сторону стимулирования кооперации между предприятиями, внедряющими ИИ, и научно-исследовательскими центрами.

Выводы

Промышленный ИИ следует рассматривать как новую форму капитала и ключевой актив в пятом-шестом технологических укладах. Предложенный подход к его демократизации позволяет преодолеть ключевой кадровый и коммуникационный разрыв, трансформируя ИИ из сложной технологии в практический инструмент инженера. Это обеспечивает предприятиям немедленную экономию, а регионам – долгосрочное конкурентное преимущество, основанное на интеллектуальных алгоритмах, данных и скорости их обработки, что полностью соответствует задачам достижения технологического лидерства России.

Библиографический список

1. Ванькина И.Н., Крошилин С.В., Крошилин И.С. (2023). Возможности нейронных сетей для решения задач импортозамещения для отечественных предприятий // Региональные проблемы преобразования экономики. № 11 (157). С. 67–76. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-11-67-76
2. Комаров Н.М., Голубев С.С., Пашенко Д.С., Щербаков А.Г. (2024). Инструменты искусственного интеллекта в программах цифровой трансформации промышленных предприятий // Мир новой экономики. Т.18. № 3. С. 6–16. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-3-6-16
3. Лаврикова Ю.Г., Бодрунов С.Д., Акбердина В.В., Коровин Г.Б. (2024). Цифровая трансформация экономики: особенности индустриально развитых регионов // Экономическое возрождение России. № 1 (79). С. 5–24. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24
4. Трофимова Н.Н., Рудакова Л.В. (2025). Роль искусственного интеллекта в цифровой трансформации промышленности // Актуальные проблемы экономики и управления. № 1 (45). С. 32–38.
5. Maslej N., Fattorini L., Perrault R., Gil Y. [et al.]. (2025). Artificial Intelligence Index Report 2025. Human-Centered Artificial Intelligence. Stanford University. DOI: 10.48550/arXiv.2504.07139
6. Mittal S., Khan M.A., Romero D., Wuest T. (2019). Smart manufacturing: Characteristics, technologies and enabling factors. *Journal of Engineering Manufacture*, 233(5), 1342–1361. DOI: 10.1177/0954405417736547.

Информация об авторе

Илья Сергеевич Крошилин – магистрант, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а)

AN ECONOMIST'S PERSPECTIVE ON INDUSTRY 4.0: HOW INDUSTRIAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE SHAPES A REGION'S NEW COMPETITIVE ADVANTAGE

Abstract. *In the context of implementing the national goal of “Technological Leadership,” the digital transformation of industry is becoming a key factor in the competitiveness of enterprises and regions. However, a gap remains between AI’s capabilities and its practical adoption, especially in regional manufacturing. The paper shows that the deployment of industrial AI has a pronounced economic rationale: manual quality control generates substantial fixed costs and losses associated with the human factor. The expected macroeconomic and regional effects are summarized, and regional policy measures (competence centers, support for pilot projects, adaptation of education, and the development of cooperation) are proposed to remove barriers and build technological capabilities.*

Keywords: *industrial artificial intelligence, Industry 4.0, digital transformation, regional competitiveness, AI democratization, economics of innovation.*

Information about the Author

Ilya S. Kroshilin – Master Degree student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation)

References

1. Komarov N.M., Golubev S.S., Paschenko D.S., Scherbakov A.G. (2024). Artificial intelligence tools in digital transformation programs for industrial enterprises. *The World of New Economy*, 18(3), 6–16. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-3-6-16
2. Lavrikova Yu.G., Bodrunov S.D., Akberdina V.V., Korovin G.B. (2024). Digital transformation of the economy: specifics of industrially developed regions. *The Economic Revival of Russia*, 1(79), 5–24. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24
3. Maslej N., Fattorini L., Perrault R., Gil Y. [et al.]. (2025). Artificial Intelligence Index Report 2025. Human-Centered Artificial Intelligence. Stanford University. DOI: 10.48550/arXiv.2504.07139
4. Mittal S., Khan M.A., Romero D., Wuest T. (2019). Smart manufacturing: Characteristics, technologies and enabling factors. *Journal of Engineering Manufacture*, 233(5), 1342–1361. DOI: 10.1177/0954405417736547.
5. Trofimova N.N., Rudakova L.V. (2025). The role of artificial intelligence in the digital transformation of industry. *Actual Problems of Economics and Management*, 1(45), 32–38.
6. Van'kina I.N., Kroshilin S.V., Kroshilin I.S. (2023). Neural network capabilities for solving import substitution tasks for domestic enterprises. *Regional Problems of Transforming the Economy*, 11(157), 67–76. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-11-67-76

ПЕРСПЕКТИВЫ СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ

Аннотация. В статье анализируются проблемы структурной несбалансированности экономики Вологодской области, ограничивающей ее долгосрочный рост. На основе анализа статистических данных за 2000–2023 гг. выявлены негативные тенденции: упрощение отраслевой структуры, рост ресурсоемкости, ухудшение позиций региона в национальных цепочках создания стоимости и деградация пространственной организации. В условиях реализации новой Стратегии пространственного развития и национальных проектов предложена методология структурной перестройки, ориентированной на «заккрытие разрывов» и «удлинение». Представлен проект «Региональный форсайт» как инструмент поиска и приоритизации перспективных специализаций, а также контуры мега-проекта «Металлообработка+», демонстрирующего потенциал для генерации добавленной стоимости и комплексного развития региона.

Ключевые слова: структурная перестройка, региональная экономика, цепочки создания стоимости, добавленная стоимость, специализация, инвестиции, Вологда.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01067.

В условиях перехода к долгосрочному росту на основе внутреннего спроса и импортозамещения ключевой задачей для регионов России становится структурная финансовая системы. Экономика Вологодской области, будучи индустриально развитым и экспортно ориентированным регионом, демонстрирует яркий пример структурной несбалансированности, сдерживающей ее развитие. За 2000–2023 гг. прирост ВРП области составил лишь 48% против 140% по стране, а ее удельный вес в национальной экономике снизился.

Анализ показывает негативные структурные сдвиги: рост доли промежуточного потребления и снижение доли валовой добавленной стоимости (ВДС) в выпуске, усиление роли Вологодской и Череповецкой агломераций на фоне депопуляции периферии. Произошло ухудшение качественных параметров интенсификации: снизились материало-, фондо- и капиталоемкость. Позиция региона в национальных цепочках создания стоимости (ЦСС) удаляется от конечного потребителя, из-за чего усиливается статус поставщика первичных и промежуточных ресурсов.

Для преодоления негативных трендов необходима активная структурно-технологическая политика, направленная на «усложнение» экономики и повышение ее эффективности. Стратегия должна быть ориентирована на поиск и развитие перспективных специализаций, способствующих «удлинению» региональных ЦСС, локализации высокодоходных звеньев и генерации спроса на инновации. В качестве методологического инструмента предлагается проект «Региональный форсайт», предполагающий шестиэтапный алгоритм: от анализа исторической специализации до формирования портфеля приоритетных инвестиционных проектов с оценкой мультипликативных эффектов.

В качестве примера детально рассматривается мега-проект «Металлообработка+», включающий инициативы по производству специальных сталей, развитию литейного производства, порошковой металлургии и аддитивных технологий. Реализация проекта с объемом инвестиций 66,5 млрд руб. способна создать к 2030 году более 31 млрд руб. дополнительной НДС и свыше 1900 высокодоходных рабочих мест, а также снизить пространственную неоднородность развития области. Таким образом, целенаправленная структурная перестройка на основе форсайт-подходов и развития национальных ЦСС является необходимым условием для перехода Вологодской области к траектории устойчивого и качественного экономического роста.

Библиографический список

1. Лукин Е.В., Ускова Т.В. [и др.]. (2020). Структурная трансформация региональной экономики. Вологда: ВолНЦ РАН. 232 с.
2. Широ́ва А.А. (2024). Россия 2035: к новому качеству национальной экономики: научный доклад. Москва: Артик Принт. 264 с.
3. Румянцев Н.М., Лукин Е.В. (2024). Межотраслевое моделирование экономического развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 118–133.
4. Ильин В.А., Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.]. (2024). Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России: анализ и бюллетень. Вологда: ВолНЦ РАН. № 4. 99 с.

Информация об авторе

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, доцент, заведующий центром структурных исследований и прогнозирования территориального развития, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Lukin E.V.

PROSPECTS FOR STRUCTURAL RESTRUCTURING OF THE REGIONAL ECONOMY IN THE CONTEXT OF NATIONAL VALUE CHAINS DEVELOPMENT

Abstract. *The article analyzes the problems of structural imbalance in the economy of the Vologda Oblast, which limits its long-term growth. Based on the analysis of statistical data for 2000–2023, negative trends have been identified: simplification of the sectoral structure, increased resource intensity, deterioration of the region's position in national value chains (VC) and degradation of spatial organization. In the context of implementing the new Spatial Development Strategy and national projects, a methodology for structural restructuring is proposed, focused on «closing gaps» and «lengthening» VC. The «Regional Foresight» project is presented as a tool for searching and prioritizing promising specializations, as well as the contours of the «Metalworking+» mega-project, demonstrating the potential for generating added value and comprehensive development of the region.*

Keywords: *structural restructuring, regional economy, value chains, added value, specialization, investment, Vologda.*

Information about the Author

Evgeny V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), head of the Center for Structural Research and Forecasting of Territorial Development, Vologda Research Center Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

References

1. Lukin E.V., Uskova T.V. [et al.]. (2020). Structural transformation of regional economy. Vologda: VolSC RAS.
2. Shirova A.A. (2024). Russia in 2035: Towards a new quality of the national economy: a scientific report. Moscow: Arctic Print.
3. Runyantsev N.M., Lukin E.V. (2024). Input-Output Modeling of Economic Development in the Region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17, 6, 118–133.
4. Ilyin V.A., Uskova T.V., Lukin E.V. [et al.]. (2024). Development trends of the regional economies in Northwest Russia: analysis and bulletin. Vologda: VolSC RAS.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: СТРАТЕГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. *Пространственная поляризация является актуальной проблемой развития регионов России. В статье рассмотрены теоретические основы анализа территориальной неравномерности развития, факторы, определяющие депрессивность муниципалитетов Новгородской области, а также предложены исследовательские подходы и инструменты для разработки комплексной стратегии преодоления поляризации на основе объединения марксистских и современных методологий.*

Ключевые слова: *пространственная поляризация, региональное развитие, депрессивные территории, земельная рента, агентное моделирование, Новгородская область.*

Введение

Проблема пространственной поляризации на сегодня является актуальной и признанной на государственном уровне и в науке, однако далекой от своего решения [1, с. 47–50]. Прежде всего стоит отметить, что Новгородская область представляет большой интерес в контексте исследования проблем региональной экономики. В период современной России наблюдается устойчивый тренд депопуляции этого древнейшего исторического центра нашей Родины.

Проблема неравномерности экономического развития

Сущность проблемы пространственной поляризации заключается в формировании нарастающей неравномерности экономического развития различных территорий страны или региона. Сама по себе неравномерность развития не имеет однозначной негативной коннотации. Неравномерность и скачкообразность процессов согласуются с законами диалектической логики. В современной экономической науке термины «пространственная поляризация», «дивергенция», модель «центр–периферия» используются вместо марксистско-ленинского закона «неравномерности развития капитализма» [2, р. 45–60]. При этом суть исследуемых явлений и основные заключения остались прежними и подтверждается эмпирическими данными.

Вопросы пространственной поляризации изучаются экономистами во всем мире на протяжении существования всех экономических школ, начиная с классической. Теория земельной ренты была заложена Адамом Смитом и Давидом Рикардо и получила дальнейшее развитие в «Капитале» Маркса¹, который развил идеи предшественников и вывел понятия абсолютной ренты, дифференциальной ренты 1 и дифференциальной ренты 2.

Связь земельной ренты и уровня депрессивности территории была подтверждена масштабными исследованиями вопросов преодоления депрессивности сельских территорий Северо-Западным институтом экономики и организации сельского хозяйства, в ходе которых была всецело рассмотрена методологическая база проведения подобных исследований [3, с. 56–60]. Исходя из данного фундаментального базиса на сегодня предполагается провести новое исследование на современных данных по Новгородской области.

В советский период территория Новгородской области не имела столь явных признаков депрессивности, как после 1991 года. Возврат к рыночной экономике привел к резким негативным последствиям. Какова причинно-следственная связь? Были ли меры, принимаемые советским руководством в период роста экономики, правильными, или кризисные явления маскировались плановой системой? Являлся ли переход к рынку и его резкая форма ошибкой или слишком запоздалой мерой? Эти вопросы очень сложны и выходят за рамки текущего исследования. Важно определить какие подходы марксистской теории были верно применены в советский период, какие из них применимы сегодня и что следует признать ошибкой.

¹ Маркс К. (1986). Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Книга 3. Москва: Политиздат. 1080 с.

Различие между марксистским и современным подходами состоит в акценте либо на государственное вмешательство (если не принимать во внимание частную собственность на средства производства), либо на рыночный механизм и предпринимательство. Второй ключевой критерий – это либо экономическое выравнивание, либо «точки роста». Напрашивается решение по совмещению обеих полярностей. Но нужно принимать во внимание, что объединение противоположностей проходит в каком-то четком соотношении, иначе должно динамически меняться в зависимости от ситуации. Первая противоположность – концентрация ресурсов в точке роста. Это дает максимальный экономический эффект – видимый. Но чем выше развитие центра, тем сильнее отток из окраин. Вторая противоположность – полное выравнивание. В таком случае, каждая отдельная территория получит столь малую поддержку, что ожидаемый эффект слишком отдален во времени.

Опираясь на изложенное выше при научном поиске путей преодоления пространственной поляризации в Новгородской области нами определены две основные исследовательских задачи:

- попытаться на основании данных за прошедшие годы подтвердить и дополнить перечень и степень влияния основных факторов, создающих пространственную поляризацию;
- на основании исторического и международного опыта, а также современных средств моделирования построить модели и получить прогнозы развития экономической реальности, а также выработать наиболее действенные и приемлемые меры для коррекции ситуации.

На сегодня можно выделить следующие направления работы по поиску стратегии преодоления пространственной поляризации в Новгородской области:

1. Диагностика и картирование пространственной поляризации: оценка степени концентрации экономической активности, инвестиций, инфраструктуры и населения по районам и муниципалитетам области; выработка нового или принятие существующего интегрального показателя депрессивности; создание и анализ «Heatmap» для выявления развитых и депрессивных территорий по основным социально-экономическим показателям.

2. Агентное моделирование сценариев развития территорий – разработка моделей поведения ключевых агентов (бизнеса, домохозяйств, учреждений, органов власти); исследование эффективности различных видов государственного и частного вмешательства через стимулы (гранты, налоги, инфраструктурные проекты); прогноз влияния миграционных, инвестиционных и кадровых потоков на динамику в депрессивных муниципалитетах [4, с. 252–262].

3. Анализ эффективности и дифференциации мер поддержки: сравнение государственных программ/льгот на разных уровнях территории по отдаче инвестиций и устойчивости результатов; оценка синергии между федеральными, региональными и муниципальными программами (как дополняют или дублируют друг друга); анализ движения прибавочной стоимости: остается ли она в регионе/муниципалитете.

4. Исследование институциональных и нормативных барьеров.

5. Комплексный анализ ренты и утечки стоимости.

6. Мониторинг кадрового и инновационного потенциала.

7. Оценка потенциала и рисков создания ТОСЭР и других специальных режимов.

8. Разработка и тестирование цифровых инструментов мониторинга: создание платформ для автоматизированного сбора и анализа пространственных данных, визуализации результатов, прогнозирования социально-экономических трендов.

В заключении следует отметить, что проблема пространственной поляризации является комплексной и актуальной для Новгородской области. Ее решение требует глубокой проработки методологических подходов и многократного прохождения циклов постановки и проверки научных гипотез. Не вызывает сомнения необходимость максимальной консолидации статистических данных из всех источников и их обработки с применением технологий работы данными, начиная с VI-систем и языка Python, до специальных программ по «агентному моделированию».

Библиографический список

1. Зубаревич Н.В. (2017). Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. С. 140–156.
2. Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge: MIT Press.
3. Костяев А.И., Юрченко Т.В., Котляров О.М., Никонов А.Г. (2011). Методология исследования проблем депрессивности территорий муниципальных районов. Санкт-Петербург–Пушкин: Северо-Западный научно-исследовательский институт экономики и организации сельского хозяйства. 75 с.
4. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Васенин В.А., Борисов В.А. [и др.]. (2016). Агент-ориентированные модели: мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах // ВЕСТНИК РАН. Т. 86. № 3. С. 252–262.

Информация об авторе

Петр Станиславович Михайличенко – аспирант, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Российская Федерация, 199178, 14-я линия В.О., д. 39; e-mail: info@spcras.ru)

Mikhailichenko P.S

OVERCOMING THE SPATIAL POLARIZATION OF THE NOVGOROD REGION – STRATEGY FOR CHANGE

Abstract. *Spatial polarization represents a pressing issue in the development of Russian regions. This article examines the theoretical foundations for analyzing territorial inequality, identifies the factors determining the depressed state of municipalities within the Novgorod region, and proposes research approaches and tools for developing a comprehensive strategy to overcome polarization by synthesizing Marxist and contemporary methodologies.*

Keywords: *spatial polarization, regional development, depressed territories, ground rent, agent-based modeling, Novgorod region.*

Information about the Author

Petr S. Mikhailichenko – graduate student, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (39, 14th Line V.O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation; e-mail: info@spcras.ru)

References

1. Zubarevich N.V. (2017). Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy // *Moscow University Economics Bulletin. Series 6: Economics*, 6, 140–156.
2. Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: a Case Study of Venezuela*. Cambridge: MIT Press.
3. Kostyaev A.I., Yurchenko T.V., Kotlyarov O.M., Nikonov A.G. (2011). *Methodology for Studying the Problems of Depressed Territories of Municipal Districts*. St. Petersburg–Pushkin: North-West Research Institute of Agricultural Economics and Organization.
4. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Vasenin V.A., Borisov V.A. [et al.]. (2016). Agent-Based Models: World Experience and Technical Possibilities of Implementation on Supercomputers // *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 86, 3, 252–262.

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: КАК ФРАГМЕНТАРНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ТОРМОЗИТ РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕСТИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Вологодская область обладает высоким туристическим потенциалом, однако его реализация сдерживается фрагментарностью государственной поддержки. В статье обоснована необходимость комплексной целевой программы, ориентированной на развитие гостиничной инфраструктуры за пределами ключевых центров региона.

Ключевые слова: туристическая дестинация, государственная поддержка, гостиничная инфраструктура, фрагментарность.

Введение

В современном экономическом развитии регионов России одним из возможных путей диверсификации экономики, повышения их инвестиционной привлекательности и улучшения качества жизни населения является активное использование туристического потенциала территорий. Вологодская область обладает уникальными конкурентными преимуществами – бренды «Вологда – резной палисад», «Великий Устюг – родина Деда Мороза», объект ЮНЕСКО – Ферапонтов монастырь; развитые народные промыслы: северная чернь, вологодское кружево, плетение из бересты) [1, 2]. Тем не менее, регион сталкивается с двумя ключевыми проблемами развития сферы туризма: сезонность и недостаток инфраструктуры. Дефицит качественных средств размещения в малых исторических городах (Тотьма, Белозерск и пр.) приводит к появлению «гостиничного разрыва» – невозможности увеличения среднего времени пребывания туриста и его расходов в малых городах области ввиду отсутствия необходимой инфраструктуры.

Цель исследования обосновать необходимость консолидации направлений государственной поддержки туристической отрасли Вологодской области в комплексную программу ее развития.

Обсуждение и результаты

По итогам 2024 года численность лиц, размещенных в гостиницах Вологодской области, составила 601,7 тыс. человек, что практически на 30% выше показателя 2021 года¹. Однако наблюдается сезонность туристического потока. Пики посещаемости приходятся на декабрь–январь и лето, в межсезонье спады достигают 40–50%. В структуре средств размещения преобладают городские агломерации Вологды, Череповца и Великого Устюга – на их долю приходится 80% гостиничных мест региона². В большинстве округов области ощущается дефицит или полное отсутствие средств размещения.

В регионе реализуется ряд мероприятий, направленных на развитие туристической инфраструктуры³ (табл. 1). Их анализ выявил системные проблемы существующих мер государственной поддержки: меры носят фрагментарный характер; объемы финансирования несопоставимы с реальными потребностями отрасли; процедуры получения поддержки бюрократизированы.

¹ Основные показатели деятельности коллективных средств размещения в Вологодской области // Вологдастат. URL: <https://35.rosstat.gov.ru/storage/mediabank> (дата обращения: 01.11.2025).

² Единый реестр объектов классификации в сфере туристской индустрии // Федеральная служба по аккредитации. URL: <https://tourism.fsa.gov.ru/ru/resorts/showcase/hotels?regionIdList=35> (дата обращения: 01.11.2025).

³ Меры поддержки в сфере туризма // Министерство туризма Вологодской области. URL: <https://travel-vologda.ru/investiczii-v-turizm> (дата обращения: 01.11.2025)

Таблица 1. Направления государственной поддержки сферы туризма в Вологодской области

Направление поддержки	Конкретная мера поддержки	Суть меры поддержки, ее критическая оценка
Прямое финансирование проектов	Субсидии на возмещение затрат на обустройство объектов туристской индустрии	Компенсация затрат на создание и модернизацию объектов туристской инфраструктуры с объемом финансирования до 1 млн рублей (70% от подтвержденных затрат). Данная мера эффективна для создания точечных объектов инфраструктуры, но недостаточна для комплексного развития дестинаций: ограничение в 1 млн рублей не позволяет реализовывать масштабные проекты
	Субсидии на строительство обслуживающих объектов	Объем финансирования – до 2 млн рублей (до 90% от понесенных затрат). Более высокий уровень софинансирования делает эту меру привлекательной для инвесторов, однако ограниченный бюджет не соответствует реальной стоимости инфраструктурных проектов
	Федеральные меры поддержки	Гранты на развитие сельского туризма (до 10 млн руб.), федеральные субсидии на модульные средства размещения в рамках Национального проекта «Туризм и гостеприимство» в размере до 1,5 млн рублей на номер (не более 50% стоимости проекта)
Льготное финансирование	Льготные займы для предприятий туристической индустрии	Займы, предоставляемые АУ ВО «Фонд развития промышленности» – долгосрочное целевое кредитование инвестиционных проектов по ставке 5% на срок до 7 лет, сумма 10–100 млн рублей. Обязательным условием является наличие софинансирования 20–30%
	Микрозаймы для субъектов МСП	Широкая линейка продуктов с разными объемами выдаваемых займов, сроками и процентами по кредиту: «Развитие+» (до 2 млн, 12%, 36 месяцев); «Оборотный» (до 5 млн, 7–14%, 24 месяца) и пр. Недостаток заключается в необходимости залогового обеспечения
Имущественная поддержка	Льготная аренда областного имущества в размере 25% от рыночной ставки сроком на 5 лет. Однако перечень имущества, передаваемого в аренду, ограничен. Поручительства по кредитам (до 70% суммы)	
Налоговые льготы для предприятий сферы туризма	Ставка НДС 0% на услуги размещения в новых и реконструированных объектах при включении объекта в реестр объектов туристской индустрии. Понижение ставки по УСН до 4% для объекта «доходы» или 10% для объекта «доходы минус расходы» при доле доходов от туристской деятельности $\geq 50\%$, а также соблюдении минимальных требований по численности персонала и уровню зарплат. Освобождение от налога на имущество для объектов культурного наследия	
Источник: составлено авторами по данным Министерства туризма Вологодской области. URL: https://travel-vologda.ru/investiczii-v-turizm (дата обращения: 01.11.2025).		

Требуется разработка комплексного подхода, сочетающего финансовую поддержку модернизации и реконструкции с целью увеличения номерного фонда существующих гостиниц, маркетинговое продвижение регионального турпродукта, профессиональную подготовку и переподготовку кадров, интеграцию мер поддержки с программами развития сопутствующей инфраструктуры и туристских дестинаций.

Выводы и предложения

Фрагментарность государственной поддержки является одним из ключевых сдерживающих факторов развития туристической отрасли Вологодской области. Действующие меры не образуют целостной системы, направленной на ликвидацию «узких мест», главным из которых является дефицит современной гостиничной инфраструктуры вне ключевых туристических центров. Необходим переход от практики точечных мер к реализации комплексной целевой программы «Развитие туристско-рекреационного кластера Вологодской области», где центральным элементом должен стать блок по стимулированию инвестиций в средства размещения, включающий создание механизма льготного кредитования и страхования инвестиций в строительство и модернизацию гостиниц, расширение спектра предоставляемых налоговых льгот (по налогу на имущество, прибыль) для новых гостиничных проектов.

Библиографический список

1. Леонидова Е.Г. [и др.]. (2023). Туризм как фактор социально-экономического развития территорий: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 149 с.
2. Орлова В.С. (2021). Концептуальные основы развития сферы туризма и рекреации Европейского Севера. Вологда: Вологодский государственный университет. 140 с.

Информация об авторах

Эльвира Олеговна Орлова – кандидат экономических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15)

Ирина Викторовна Воробьева – директор, ООО «Данта» (Российская Федерация, 160035, г. Вологда, ул. Герцена, д. 27)

Надежда Анатольевна Никитина – кандидат экономических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15)

Orlova E.O., Vorobyova I.V., Nikitina N.A.

UNUSED POTENTIAL: HOW FRAGMENTED STATE SUPPORT HAMPERS THE DEVELOPMENT OF A TOURIST DESTINATION (ON THE EXAMPLE OF VOLOGDA REGION)

Abstract. *The Vologda Region possesses significant tourism potential, but its realization is hampered by fragmented government support. This article argues for the need for a comprehensive, targeted program focused on developing hotel infrastructure outside the region's key centers.*

Keywords: *tourism destination, state support, hospitality infrastructure.*

Information about the Authors

Elvira O. Orlova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vologda State University (15, Lenina Street, Vologda, 160000, Russian Federation)

Irina V. Vorobyeva – Director, Limited Liability Company "Danta" (27, Gertsena Street, Vologda, 160035, Russian Federation)

Nadezhda A. Nikitina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vologda State University (15, Lenina St., Vologda, 160000, Russian Federation)

References

1. Leonidova E.G. [et al.]. (2023). Tourism as a Factor in the Socio-Economic Development of Territories: Monograph. Vologda: VolSC RAS.
2. Orlova V.S. (2021). Conceptual Foundations for the Development of the Tourism and Recreation Sector in the European North. Vologda: Vologda State University.

РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Анализируется состояние и динамика инновационного потенциала Владимирской области. Дается оценка социально-экономических условий инновационной деятельности, научно-технического потенциала, инновационной и экспортной активности, качества инновационной политики, проводимой органами региональной власти.*

Ключевые слова: *инновационное развитие, региональный рейтинг, социально-экономические условия, научно-технический потенциал, экспортная активность, инновационная политика.*

Рейтинговый мониторинг инновационного развития является важным инструментом, позволяющим не только фиксировать тенденции технико-технологического обновления производственных процессов, но и объективно оценивать успешность реализации модернизационной политики на региональном уровне.

Основу представленного исследования составила методология определения уровня инновационности регионов России, разработанная на базе Высшей школы экономики¹. Она опирается на комплексные индексы, характеризующие состояние: социально-экономических условий, научно-технического потенциала, инновационной деятельности, экспортной активности, качества инновационной политики. Итоговый показатель – региональный инновационный индекс (РИИ) представляет собой среднюю арифметическую величину индексов, рассчитанных для каждого из вышеуказанных тематических блоков.

Динамика регионального инновационного индекса показывает значительную волатильность. В 2012 году среди 83 регионов страны Владимирская область занимала 28 место и входила во вторую группу субъектов РФ². К 2015 году область переместилась на 43 место³, а в 2017 году регион поднялся до 35 позиции⁴. Последние пять лет также демонстрируют неустойчивость инновационного индекса. В 2018 году область находилась на 36 месте⁵, в 2021 году – на 26 месте⁶, в 2022–2023 гг. – занимала 33 место⁷. Таким образом, за последние десять лет области не удалось улучшить показатель 2012 года. Выяснение причин этого предполагает дифференцированный анализ тех компонентов, которые в совокупности определяют состояние инновационной сферы региона.

Показатель «социально-экономические условия инновационной деятельности» (ИСЭУ) рассчитывается на основе макроэкономических показателей, образовательного потенциала населения и потенциала цифровизации. По данному показателю Владимирская область в 2017 году находилась на 41 месте, а в 2018 году переместилась на четыре строчки ниже. Однако через три года в 2021 году региону удалось улучшить этот показатель на двадцать пунктов, хотя в следующем году рейтинг области снизился с 25 до 27 места. Улучшение социально-экономических условий инновационной деятельности за последние два года стало возможным, прежде всего, благодаря заметному росту макроэкономических показателей. Драйвером этих изменений стало заметное увеличение доли занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности и сферы услуг. В общем рейтинге по этим показателям область в 2021 году находилась на 13 и 17 местах, а в 2022 занимала 13 и 19 позиции. Основным лимитирующим фактором оказался индекс ВРП на душу населения, по которому регион за все годы не поднимался выше 56 места.

¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 9. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. 2024. С. 43–58.

² Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 2. Москва: НИУ ВШЭ. 2014. С. 19.

³ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5. Москва: НИУ ВШЭ. 2017. С. 19.

⁴ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6. Москва: НИУ ВШЭ. 2020. С. 23.

⁵ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 7. Москва: НИУ ВШЭ. 2021. С. 21.

⁶ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 8. Москва: НИУ ВШЭ. 2023. С. 23.

⁷ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 9. Москва: НИУ ВШЭ. 2024. С. 21.

Заметный прогресс продемонстрировал потенциал цифровизации, по которому регион в 2018 году занимал 45 место, но к 2021 году поднялся на двадцать пунктов. За счет значительного роста затрат на цифровые технологии и их активное использование организациями региону удалось сохранить свои позиции. Главным ограничителем цифровизационного потенциала выступает низкий уровень компьютерных компетенций персонала организаций. По затратам на обучение цифровым навыкам область в 2018 году находилась на 41 месте, в 2021 году – на 72, в 2022–2023 гг. оказалась на 75 позиции.

Самым низким из индексов, характеризующих социально-экономические условия инновационной деятельности, является образовательный потенциал региона. В 2018 году его значение соответствовало 45 позиции рейтинга, в 2021 году область переместилась на 57 место, а в 2022–2023 гг. оказалась на 70 месте. Это говорит о том, что наши местные власти не смогли выстроить эффективную образовательную политику.

В индексе научно-технического потенциала отражается композитная оценка четырех параметров: финансирование НИОКР, их результативность, кадры науки и ее материально-техническая база. За анализируемые с 2017 года пять лет по этому показателю область переместилась с 33 места на 39. Основная причина – низкая отдача средств, выделяемых на НИОКР. По их результативности в 2022–2023 гг. область находилась на 67 позиции. Самым слабым является показатель «кадры науки» (54 место в 2018 году, 65 место в 2021 году и 57 место в 2022–2023 гг.), что обусловлено неудовлетворительным состоянием послевузовской подготовки кадров и их закреплением в научных организациях. При этом по техновооруженности наши научно-исследовательские организации в общем рейтинге занимали лидирующие позиции – второе место в 2021 году и пятое в 2022–2023 гг. Острыми оставались вопросы увеличения затрат на научные исследования (42 место в 2023–2024 гг.) и на зарплаты научных работников (55 место). Не выше 74 рейтинговой позиции находилась публикационная активность владимирских ученых.

Показатель инновационной деятельности включает в себя инновационную активность организаций, затраты на технологические инновации и их результативность. По этому показателю Владимирская область в 2017 году находилась на 22 месте, но к 2022–2023 гг. ее рейтинговая позиция ухудшилась на 16 пунктов. Особую роль сыграло падение затрат на инновации, и прежде всего на приобретение программного обеспечения и баз данных. Эта ситуация, характерная для большинства регионов, явилась результатом западных ограничений на приобретение информационных продуктов. По той же причине объясняется общее снижение интенсивности затрат на инновационную деятельность, и, как следствие, сокращение общего объема инновационной продукции.

Экспортная активность зависит не только от производства инновационной продукции, но и от возможностей ее поставок на внешние рынки. В 2018 году по индексу экспортной активности регион находился на 38 позиции. Через четыре года позиции области ухудшились на 11 пунктов. В условиях санкционного режима резко упал экспорт товаров и услуг, сократилась патентная активность за рубежом, уменьшился контингент иностранных студентов, обучающихся в вузах региона. В аналогичной ситуации, вызванной объективными причинами, оказались и другие субъекты нашей страны. Снижение экспортно-импортной активности не могло не сказаться на состоянии местных бюджетов и стимулировало внутренний спрос на инновационные разработки. Его удовлетворение, становясь новой сферой конкуренции между регионами, может выступить драйвером развития отечественного рынка инноваций.

Состояние нормативно-правовой базы и организационное обеспечение инновационной политики, а также участие региона в федеральных научно-технических программах отражаются в индексе качества инновационной политики. Во Владимирской области раньше, чем в других субъектах РФ, была подготовлена нормативная документация, регламентирующая инновационную политику; созданы организационные структуры, ответственные за ее проведение; разработана стратегия научно-технического развития; определены территории научно-технической и инновационной деятельности; принят закон о науке, технологиях и инновациях; существует координационный центр по науке, научно-технической и инновационной политике. Все это позволило области стать федеральным лидером по индексу правового и институционального обеспечения инновационного развития.

Вместе с тем полное региональных институтов развития значительно снижает индекс организационного обеспечения научно-технических инноваций. Начиная с 2015 года количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки, не увеличилось. За этот период численность персонала этих учреждений сократилась на 15%. Упала результативность НИОКР. Инновационная активность организаций на протяжении последних лет не растет и сохраняется на уровне 12%. Только 22% организаций участвуют в технологических инновациях.

Кроме того, область находится на 57 месте по показателю участия в федеральных инновационных программах. У нас нет территорий развития научно-образовательной деятельности, имеющих федеральный статус. В результате, хотя регион и повысил рейтинговый ранг с 43 в 2018 году до 33 в 2022–2023 гг., сохраняется явный диссонанс между формально-юридическим и реальным организационно-институциональным обеспечением качества инновационной политики.

Таким образом, на протяжении последних пяти лет инновационные процессы во Владимирской области находятся в стагнирующем состоянии, что обусловливается как действующим режимом санкционных ограничений в сфере научно-технических инноваций, так и недостаточной активностью региональных органов власти и управления по реализации политики технологического импортозамещения.

Информация об авторе

Евгений Александрович Плеханов – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация, 600017, г. Владимир, ул. Горького, д. 59а; e-mail: www.vlad.ranepa.ru)

Plekhanov E.A.

RATING ASSESSMENT OF THE STATE OF THE INNOVATION SPHERE OF THE VLADIMIR REGION

Abstract. *This article analyzes the current state and dynamics of the Vladimir Region's innovation potential. It assesses the socioeconomic conditions for innovation, scientific and technical potential, innovation and export activity, and the quality of innovation policy pursued by regional authorities.*

Keywords: *innovation development, regional ranking, socioeconomic conditions, scientific and technical potential, export activity, innovation policy.*

Information about the Author

Evgeny A. Plekhanov – Doctor of Sciences (Pedagogical), Candidate of Sciences (Philosophical), Associate Professor, professor of the department of Social and Humanitarian Disciplines, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (59a, Gorky Street, Vladimir, 600017, Russian Federation; e-mail: www.vlad.ranepa.ru)

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается влияние реализации региональных проектов как части социально-экономического развития Запорожской области. Также описываются особенности организации проектной деятельности на территории Запорожской области.*

Ключевые слова: *национальные проекты, проектная деятельность, региональные проекты, социально-экономическое развитие.*

Отмечая трехлетие вхождения в состав Российской Федерации, Запорожская область уже может подвести первые итоги реализации программ, направленных на ее социально-экономическое развитие.

Необходимо отметить, что региональная власть на этапах своего становления определила первостепенную задачу – развитие социального блока, поскольку именно социальная поддержка и программы здравоохранения, образования и социальной политики были в «запущенном» состоянии.

Так, в 2023 году была внедрена Программа социально-экономического развития Запорожской области (далее – ПСЭР), которая на этапе интеграции региона в Российскую Федерацию выступила мощным инструментом поддержки различных отраслей экономики и социальной сферы. Именно реализация ПСЭР помогла запустить процессы восстановления в региональной экономике и социальной политике.

Если рассматривать реализацию национальных проектов в части достижения национальных целей и задач, то согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», национальные проекты 2019–2024 гг. напрямую не реализовывались на территории области, но мероприятия отдельных федеральных проектов выполнены в рамках ПСЭР.

Понимая, что реализация мероприятий новых национальных проектов – это острая необходимость дальнейшего развития Запорожской области, осенью 2024 года Правительством Запорожской области было принято решение создать Межведомственную рабочую группу по реализации национальных проектов на территории Запорожской области, в состав которой вошли руководители органов исполнительной власти. С этого началось активное взаимодействие региональных и федеральных органов исполнительной власти по заключению соглашений о реализации национальных проектов на уровне субъекта.

Ключевым этапом в становлении проектной деятельности в Запорожской области стало создание необходимой организационной и нормативной базы. В регионе утверждены Распоряжением Губернатора следующие нормативно-правовые акты:

– Распоряжение об организации проектной деятельности в исполнительных органах Запорожской области, которое регламентирует порядок и процедуры осуществления проектной деятельности в исполнительных органах власти, обеспечивая единообразие подходов и прозрачность процессов;

– Распоряжения о Департаменте проектной деятельности при администрации Губернатора и Правительства Запорожской области и Распоряжение Губернатора «О проектном комитете».

В рамках 11 национальных проектов в области заключены соглашения на реализацию 33 региональных проектов. Они охватывают широкий спектр приоритетных направлений, обеспечивая достижение показателей и мероприятий федеральных проектов. По всем региональным проектам, реализуемым в Запорожской области, назначены кураторы, руководители, администраторы и участники проекта.

На сегодняшний день в регионе сформированы органы управления проектной деятельностью:

- Создан Департамент проектной деятельности Администрации Губернатора и Правительства Запорожской области.

- Внедрен коллегиальный орган – проектный комитет Запорожской области, который является ключевым органом управления проектной деятельности Запорожской области и обеспечивает координацию работы исполнительных органов и органов местного самоуправления Запорожской области при реализации проектов. На текущий момент проведено 6 заседаний проектного комитета.

Большое значение в реализации региональных проектов на территории Запорожской области уделяется семье и ее традиционным ценностям. Семья – это основа общества, фундамент государства и залог будущего. Именно поэтому поддержка семьи, материнства и детства через реализацию национального проекта «Семья» и его региональных проектов «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры», «Охрана материнства и детства» являются одними из ключевых приоритетов региональной политики.

По мерам социальной поддержки проекта «Многодетная семья» можно с уверенностью сказать, что многодетные семьи обеспечены мерами обеспечения. Благодаря реализации проекта «Старшее поколение» в г. Мелитополь в 2025 году начато строительство дома-интерната для лиц старшего возраста и инвалидов, в котором будет также предусмотрено оказание реабилитационных услуг, в том числе для участников специальной военной операции (СВО).

В рамках регионального проекта «Семейные ценности и инфраструктура культуры» предполагается оснащение семи учреждений культуры в 2025 году.

Для обеспечения роста продолжительности жизни и увеличения рождаемости в региональном здравоохранении будет обеспечено сочетание доступности (в том числе территориальной) базовой медицинской помощи, первичного звена, повышения качества диагностики (за счет развития телемедицины) в рамках национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» посредством региональных проектов: «Модернизация первичного звена здравоохранения», «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими заболеваниями», «Борьба с сахарным диабетом», «Борьба с гепатитом С и минимизация рисков распространения данного заболевания», «Здоровье для каждого», «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация».

В рамках данного национального проекта строятся в отдаленных уголках Запорожской области 23 единицы быстровозводимых фельдшерско-акушерских пункта, приобретено 22 единицы транспортных средств в медицинские организации, оказывающих первичную медико-санитарную помощь.

Вопросы подготовки квалифицированных медицинских кадров будут решены благодаря реализации проекта «Медицинские кадры», который предполагает обучение по программам среднего профессионального образования на договорной основе, предусматривающей обязательство по трудоустройству, а также обучение по программам повышения квалификации медицинских работников. Также проект предполагает увеличение контрольных цифр приема по программам среднего профессионального образования, трудоустройство медицинских работников, в том числе «вахтовым методом», в медицинские организации Запорожской области.

В рамках проекта «Все лучшее детям» до 2028 года будут модернизированы 15 общеобразовательных организаций, по 9 работа будет завершена уже в 2025 году.

Большое значение в области уделено развитию подрастающего поколения. В мероприятиях регионального проекта «Россия – страна возможностей» в 2025 году реализована программа комплексного развития молодежной политики «Регион для молодых».

Региональный проект «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Инфраструктура для жизни» направлен на благоустройство 65 общественных территорий, среди них – три проекта победителей всероссийского конкурса, 12 из них будут благоустроены в 2025 году, включая Парк участников СВО.

Подводя первые итоги реализации региональных проектов в социальной сфере, можно с уверенностью обобщить, что они принесли значительный социальный эффект для населения области, которое не привыкло к заботе от предыдущего государства.

Девиз региональной власти под контролем Российской Федерации в работе с населением – это реальные перемены к лучшему в жизни людей, забота, которую должен почувствовать каждый!

Информация об авторе

Елена Васильевна Помазанова – директор Департамента проектной деятельности Администрации Губернатора и Правительства Запорожской области (Российская Федерация, 272312, г. Мелитополь, ул. Карла Маркса, д. 5; e-mail: el200645@yandex.ru)

Pomazanova E.V.

FIRST RESULTS OF IMPLEMENTING NATIONAL PROJECTS IN THE SOCIAL SPHERE IN THE ZAPOROZHEV REGION

Abstract. *The article examines the impact of implementing regional projects as part of the socio-economic development of the Zaporizhzhia region. It also describes the features of organizing project activities in the Zaporizhzhia region.*

Keywords: *national projects, project activities, regional projects, socio-economic development.*

Information about the Author

Elena V. Pomazanova – Director of the Project Activities Department of the Administration of the Governor and Government of the Zaporizhzhia Region (5, Karl Marksa Street, Melitopol, 272312, Russian Federation; e-mail: el200645@yandex.ru)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ НАЛОГОВОГО ФЕДЕРАЛИЗМА КАК ДЕМПФЕР ВЫЗОВОВ НАЛОГОВОЙ РЕФОРМЫ - 2025

Аннотация. *Налоговая реформа - 2025 привела к наращиванию доли налоговых доходов федерального бюджета и снижению доли бюджетов регионов в общей структуре налоговых поступлений. Демпфером этого эффекта может стать совершенствование налогового федерализма в части перераспределения налоговых потоков.*

Ключевые слова: *бюджетная обеспеченность, налоговый федерализм, налоговая реформа, региональная дифференциация, НДСЛ.*

Справедливость, сбалансированность и стабильность стали основными принципами налоговой реформы 2025 года, которая содержит наиболее масштабные изменения налоговой системы России за последние 25 лет. Реформа привела к формированию новой структуры налоговых доходов в разрезе уровней бюджетной системы. Ключевое – наращивание доходов федерального бюджета, которое автоматически приводит к снижению доли налоговых доходов консолидированных бюджетов регионов в общей структуре бюджетной системы России. В условиях высокой финансовой централизации эти изменения негативно скажутся на бюджетной обеспеченности регионов.

В федеральный бюджет на 2026 год и плановый период 2027–2028 гг. заложен объем межбюджетных трансфертов в размере 8,8% от доходов федерального бюджета, или 3,55–4 трлн руб. ежегодно¹. При этом повышение финансовой обеспеченности регионов, поддержка сбалансированности региональных бюджетов, сокращение различий по уровню бюджета остаются приоритетами бюджетной политики в сфере межбюджетных отношений в соответствии с «Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики России на 2026 год и плановый период 2027–2028 годов»².

К наращиванию доли доходов федерального бюджета привели:

- повышение ставки налога на прибыль организаций с 20 до 25% за счет увеличения ставки с 3 до 8%, по которой он зачисляется в федеральный бюджет;
- введение прогрессивной шкалы НДФЛ со ставкой до 22% с зачислением налога свыше 13% в федеральный бюджет;
- введение НДС на УСН с зачислением его в федеральный бюджет.

Дополнительные поступления в бюджет в 2025 году, в рамках налоговой реформы, уже на этапе ее проработки были оценены в 2,5 трлн рублей [1]. С учетом того, что расходы на национальную оборону финансируются из федерального бюджета, очевидно, что Правительство в рамках налоговой реформы – 2025 решало не только поставленную Президентом задачу по повышению справедливости распределения налогового бремени³, но и реализовало фискальную функцию для повышения налоговых доходов федерального бюджета. Д.Ю. Федотов отмечает: «Создается впечатление, что под предлогом повышения социальной справедливости Министерство финансов РФ пытается решить фискальные задачи» [2].

¹ О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: законопроект Правительства Российской Федерации № 1026181-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026181-8> (дата обращения: 21.10.2025).

² Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027–2028 гг. // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/osnov> (дата обращения: 21.10.2025).

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 21.10.2025).

Согласно прогнозу Минфина⁴, доля консолидированных бюджетов регионов в общих доходах бюджетной системы в 2026 году снизится до 39,8% (в 2023 году показатель составлял 43,4%). В связи с этим уже сегодня следует начать проработку направлений совершенствования распределения налоговых доходов по уровням бюджетной системы, российской модели налогового федерализма для обеспечения будущей долгосрочной стабильности региональных бюджетов.

Рассмотрим возможные перспективные меры. Наиболее прозрачной является ситуация по налогу на прибыль организаций, в связи с тем, что в соответствии с п. 1 ст. 284 НК РФ ставка в части, зачисляемой в федеральный бюджет, будет понижена с 2031 года с 8 до 7%. Однако необходимо оценить и целесообразность повышения норматива для региональных бюджетов.

Сложнее обстоит ситуация с НДФЛ. В связи с существенной концентрацией высокодоходных налогоплательщиков в отдельных регионах, его зачисление в части прогрессивных ставок в федеральный бюджет (превышающих 13%) является необходимостью. Так, в 2023 году половину (78,8 из 159,5 млрд руб.) налоговых поступлений НДФЛ по прогрессивной ставке в 15% обеспечила Москва, а 5 регионов в совокупности (Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Свердловская область) — 71,2% [1]. В связи с этим перспективными представляются новые механизмы перераспределения, в т. ч. с учетом необходимого для обеспечения сглаживания неравенства граждан и повышения справедливости налогообложения введения необлагаемого минимума, а также перехода к зачислению НДФЛ по месту жительства налогоплательщика и находящихся на его иждивении лиц [3, 4]. В наименее обеспеченных по показателю поступлений НДФЛ регионах существенную долю составляет НДФЛ с низких зарплат. При введении необлагаемого минимума поступления НДФЛ в таких регионах существенно сократятся. Соответственно, необходимо предусмотреть демпфирующий механизм распределения дотаций регионам на компенсацию выпадающих поступлений НДФЛ с учетом критериев нуждаемости для регионов. Источником этих трансфертов должны стать поступления НДФЛ в федеральный бюджет по прогрессивной ставке, как это будет реализовано для так называемого «налогового кешбэка» для семей с детьми.

Введение НДС на УСН преследовало целью пополнение именно федерального бюджета. Поскольку не была поднята сама ставка УСН, налог, который зачисляется в бюджеты регионов, представляет собой не НДС (поскольку не имеет вычетов), а налог с оборота. С учетом необходимости укрепления бюджетной обеспеченности регионов целесообразно в будущем трансформировать НДС на УСН в повышение ставки УСН с зачислением в бюджеты регионов, который повысит их заинтересованность в развитии бизнеса.

Библиографический список

1. Пугачев А.А. (2025). Влияние сглаживания экономического неравенства с помощью НДФЛ на дифференциацию налоговых доходов регионов России // Экономика региона. № 21 (1). С. 195–213. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-1-14
2. Федотов Д.Ю. (2024). Подходы к сокращению социального неравенства в России посредством реформирования налога на доходы физических лиц // Финансы и кредит. Т. 30. № 11. С. 2423–2449. DOI: 10.24891/fe.30.11.2 423
3. Кузнецова О.В. (2025). Стимулирование межрегионального сотрудничества в федеральной пространственной политике: проблемы и возможности // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 44–57. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.3
4. Пугачев А.А. (2022). О влиянии НДФЛ на социальное и территориальное расслоение в России // Финансы. № 1. С. 26–31.

⁴ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027–2028 гг. // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/osnov> (дата обращения: 21.10.2025).

Информация об авторе

Андрей Александрович Пугачев – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Российская Федерация, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14; e-mail: andrxim@yandex.ru)

Pugachev A.A.

IMPROVING THE RUSSIAN MODEL OF TAX FEDERALISM AS A RESPONSE TO THE CHALLENGES OF TAX REFORM – 2025

Abstract. *The tax reform in 2025 has led to an increase in the share of federal budget tax revenues and a decrease in the share of regional budgets in the total structure of tax revenues. The dampener of this effect may be the improvement of tax federalism in terms of the redistribution of tax flows.*

Keywords: *budgetary security, tax federalism, tax reform, regional differentiation, personal income tax.*

Information about the Author

Andrey A. Pugachev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department of Finance and Credit, P.G. Demidov Yaroslavl State University (14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation; e-mail: andrxim@yandex.ru)

References

1. Pugachev A.A. The Impact of Smoothing the Economic Inequality through Personal Income Tax on the Differentiation of Tax Revenues in Russian Regions. *Economy of regions*, 21(1), 195–213. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-1-14
2. Fedotov D.Yu. (2024). Approaches to reducing social inequality in Russia through the Personal Income Tax reform. *Finance and Credit*, 30, 11, 2423–2449. DOI: 10.24891/fc.30.11.2 423
3. Kuznetsova O.V. (2025). Incentives for interregional cooperation in federal spatial policy: Challenges and opportunities. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 44–57. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.3.
4. Pugachev A.A. (2022). On the impact of personal income tax on social and territorial stratification in Russia. *Finance*, 1, 26–31.

ПРИРОДООХРАННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КРУПНОГО БИЗНЕСА В ЗЕРКАЛЕ КОРПОРАТИВНОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Аннотация. Современный бизнес действует в условиях необходимости сохранять определенную прозрачность своего взаимодействия с работниками, жителями территорий своего присутствия. Постепенная стандартизация корпоративной отчетности приводит к формированию инструмента публичной оценки успешности социальной и природоохранной политики крупного бизнеса.

Ключевые слова: природоохранная политика, социальная политика, бизнес, корпоративная отчетность, стимулы к раскрытию информации, механизмы принуждения к раскрытию информации.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-20121, <https://rscf.ru/project/25-18-20121/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Нефинансовая отчетность публичных компаний позволяет формировать большие объемы статистических данных по различным аспектам их деятельности, не относящихся непосредственно к экономическим параметрам развития бизнеса [1, 2]. Основная часть раскрываемой информации такого рода касается именно социальной ответственности. Изобилие доступных данных позволяет оценивать результативность природоохранной и социальной политики, в том числе с помощью количественных индикаторов [3, 4].

Следование компаний принципам корпоративной социальной ответственности (КСО) является результатом действия механизмов принуждения за счет внешнего давления и растущих запросов [5, 6]. Кроме того, социальная ответственность становится частью контракта между властью и бизнесом – устанавливаются отношения взаимной лояльности в обмен на разделение части ответственности за создание общественных благ для жителей территории [7]. При этом границы допустимости вмешательства государства в реализацию корпоративной социальной ответственности остаются гибкими в довольно широком диапазоне, что может приводить к возникновению противоречий.

Социальная ответственность бизнеса также связана с политикой компаний в отношении охраны окружающей среды, поскольку в большинстве случаев природопользование связано с большим негативным влиянием на состояние окружающей среды, создающим ущерб здоровью населения и качеству его жизни [8].

Российские компании активно включились в повышение прозрачности своей социальной и природоохранной политики. За последние 15 лет реализованы многочисленные социальные проекты, довольно быстро росло качество природоохранной деятельности. Таким образом сформирована традиция открытого опубликования детальной отчетности о корпоративной деятельности в этой сфере. Важно отметить, что эта тенденция сохраняется и сегодня в условиях фактического прекращения отношений с западным бизнесом, который был прежде своего рода донором для трансплантации данного института. Наблюдение за дальнейшими действиями российского бизнеса в этом отношении позволит глубже понять причины и эффекты внедрения практик раскрытия информации о корпоративной и социальной политике крупных российских корпораций.

Библиографический список

1. Калабихина И., Галушкина М., Волошин Д. (2017). Интегрированная отчетность – современная корпоративная отчетность XXI века // Проблемы теории и практики управления. № 9. С. 106–115.
2. Костин А., Лехто Ю. (2005). Корпоративная ответственность и развитие: мировой опыт и концепция для России // Проблемы теории и практики управления. № 2. С. 64–71.
3. Савни Р.К., Гоэл П., Бхардвадж С. (2023). Влияет ли корпоративная социальная ответственность на финансовые показатели? Данные по индийским компаниям // Финансы: теория и практика. № 4. С. 131–141.
4. Гизатуллин А.В. (2007). Корпоративное управление, социальная ответственность и финансовая эффективность компании // Российский журнал менеджмента. Т. 5. № 1. С. 35–66.
5. Alkandi I. (2025). Nexus between green practices, green marketing, and business performance: the mediating role of corporate social responsibility in emerging economy. *Discover Sustainability*, 1, 329.

6. Фролов Д.П., Шулимова А.А. (2013). Институциональная системность социальной ответственности бизнеса (природа, институции, механизм) // Журнал институциональных исследований. Т. 5. № 1. С. 124–144.
7. Неведкин В.И. (2016). Экономическая власть крупных корпораций и развитие регионов // Вопросы экономики. № 3. С. 99–114.
8. Бобылев С.Н., Корнилова А.В. (2017). Эколого-экономические индикаторы корпоративной ответственности // Экономика природопользования. № 5. С. 4–28.

Информация об авторах

Антон Игоревич Пыжев – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией экономики климатических изменений и экологического развития, Сибирский федеральный университет (Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79; e-mail: apyzhev@sfu-kras.ru)

Евгения Викторовна Зандер – доктор экономических наук, заведующий кафедрой социально-экономического планирования, Сибирский федеральный университет (Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79; e-mail: ezander@sfu-kras.ru)

Pyzhev A.I., Zander E.V.

ENVIRONMENTAL AND SOCIAL POLICIES OF LARGE BUSINESSES AS REFLECTED IN CORPORATE REPORTING

Abstract. *Modern businesses operate under conditions that require them to maintain a certain level of transparency in their interactions with employees and residents of the areas where they operate. The gradual standardization of corporate reporting is leading to the creation of a tool for publicly assessing the success of large businesses' social and environmental policies.*

Keywords: *environmental policy; social policy; business; corporate reporting; incentives for disclosure; mechanisms for enforcing disclosure.*

Information about the Authors

Anton I. Pyzhev – Candidate of Sciences (Economics), head of the laboratory of Climate Change Economics and Environmental Development, Siberian Federal University (79, Svobodniy Avenue, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: apyzhev@sfu-kras.ru)

Zander E. Viktorovna – Doctor of Sciences (Economics), head of the department of Socio-Economic Planning, Siberian Federal University (79, Svobodniy Avenue, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: ezander@sfu-kras.ru)

References

1. Kalabikhina I., Galushkina M., Voloshin D. (2017). Integrated reporting-modern corporate reporting in the 21st century. *Problems of Management Theory and Practice*, 9, 106–115.
2. Kostin A., Lehto Yu. (2005). Corporate Responsibility and Development: Global Experience and Concept for Russia. *Problems of Management Theory and Practice*, 2, 64–71.
3. Savni R.K., Goel P., Bhardwaj S. (2023). Does corporate social responsibility affect financial performance? Data on Indian companies. *Finance: Theory and Practice*, 4, 131–141.
4. Gizatullin A.V. (2007) Corporate governance, social responsibility, and financial performance of a company. *Russian Journal of Management*, 5, 1, 35–66.
5. Alkandi I. (2025). Nexus between green practices, green marketing, and business performance: the mediating role of corporate social responsibility in emerging economy. *Discover Sustainability*, 1, 329.
6. Frolov D.P., Shulimpova A.A. (2013). Institutional systematicity of corporate social responsibility (nature, institutions, mechanism). *Journal of Institutional Studies*, 5, 1, 124–144.
7. Nefedkin V.I. (2016). Economic power of large corporations and regional development. *Economic Issues*, 3, 99–114.
8. Bobylev S.N., Kornilova A.V. (2017). Ecological and economic indicators of corporate responsibility. *Economics of Natural Resource Use*, 5, 4–28.

ПАРТНЕРСТВО КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕВЕЛОПЕРСКИХ КОМПАНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Аннотация. В настоящей статье приводятся результаты обзорного исследования нескольких крупных строительных компаний, выбравших различные модели наращивания конкурентных преимуществ за счет использования партнерств и собственных ресурсов. Автор выделяет позитивные аспекты инновационного развития организации, в особенности наращивание инновационного потенциала на примере одной из наиболее традиционных отраслей экономики – строительства. Наконец, автор связывает данный инструмент с реализацией национальных целей и формирует предпосылки для обновленной модели управления инновациями.

Ключевые слова: партнерство, инновации, инновационная деятельность, развитие, строительная отрасль, национальные цели.

С одной стороны, конкуренция сегодня приняла невероятный масштаб и вовлекает все большее количество участников, зачастую находящихся в разных отраслях экономической деятельности, в борьбу не только за доступ к определенным ресурсам и технологиям, но и за внимание конечного потребителя. С другой – фокус конкуренции смещается с обладания пулом ресурсов на способность эффективно их использовать и обмениваться с другими участниками. Сам обмен исходит из предпосылки о том, что владеть всеми ресурсами невозможно, следовательно, на рынке ресурсы будут распределяться соответствующим образом и за каждым из них будет стоять владелец.

В таком случае закономерным становится то, что один собственник ресурсов, стремясь закрыть потребность, будет искать другого хозяина с противоположной ситуацией. Это фактически становится основой для последующего справедливого и взаимовыгодного обмена. Аналогичный механизм необходим и для возникновения инноваций в силу того, что новое знание рождается на стыке старого, держателями которого зачастую также являются разные лица.

Однако каким образом и за счет какого инструмента может быть обеспечен действительно справедливый и взаимовыгодный обмен для достижения высоких темпов развития инновационной деятельности? Согласно статистическому отчету, подготовленному НИУ ВШЭ, кооперация и открытые инновации в РФ остаются ограниченными. На это указывают результаты статистики, согласно которой только 15,9% компаний имели партнерские долгосрочные отношения. Чаще дело обходилось разовыми контрактами – 76,3%, причем практически половина (49,4%) организаций из числа имевших долгосрочные партнерства – это организации одной бизнес-группы [1]. При этом в сборнике содержится достаточно много статистических данных, указывающих на возрастающий интерес к инновациям со стороны организаций. В то же время среди строительных организаций лишь 8,7% осуществляют технологические инновации [1].

В другом исследовании формулируется вывод о том, что технопарки и соответствующая им инфраструктура способствуют усилению технологического суверенитета, открывая возможности для трансфера технологий, поддержки малых инновационных компаний и стартапов [2]. Также, следует отметить, что один из ключевых инструментов, раскрывающих сущность партнерства с иным составом участников, можно увидеть на примере государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), которое стало ключевым механизмом привлечения не только дополнительных инвестиций, но и вовлечения в проекты других заинтересованных сторон, на что, в том числе, указывают 278 заключенных соглашений на общую сумму 2,4 трлн руб., из которых частные средства составляют 1,8 трлн рублей¹.

¹ Информация об объеме соглашений ГЧП и концессий в 2024 году // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/obem_soglasheniy_gchp_ikoncessiy_prevysil_2trln_rublej_poitogam_2024_goda.html (дата обращения: 16.11.2025).

Кроме того, как отмечает в своем исследовании Т.Н. Тополева, институциональные механизмы и фонды поддержки повышают взаимодействие в цепи «государство–бизнес–наука», формируя тем самым системный подход к развитию инноваций. При этом в настоящее время развитию таких фондов не уделяется достаточно внимания, что также вписывается и в статистику, собранную НИУ ВШЭ [3]. К аналогичному выводу приходит коллектив исследователей в рамках другой работы, связанной с рассмотрением инновационного развития на макроуровне [4].

В настоящее время ведется работа над типологией партнерств, в которой выделяются четыре категории: консультативная, интегративная, экосистемная и диффузная формы. Каждая находится в стадии эмпирической проверки и доработки, но для целей настоящей работы автор придерживается все же ее.

В табл. 1 представлен небольшой срез первого этапа исследования, на котором проводится анализ деятельности компании на основании открытых источников. Текущие данные пока не позволяют подтвердить или опровергнуть тезис о том, что компании, использующие партнерскую модель развития, более успешны, однако есть все основания для такого предположения. Кроме того, два последних предприятия хотя и не задействуют инструмент партнерств, тем не менее, в скором времени станут использовать его чаще, поскольку на текущий момент они фактически являются поставщиками решений для других компаний.

Таблица 1. Промежуточные результаты анализа в рамках исследования

Наименование компании	Тип партнерства (экспертно)	Направление работы	Партнеры (при наличии)	Общая оценка
ГК «Самолет»	Экосистемный/Интегративный	«Самолет 10D», автоматизация продаж, аналитика, ускорение строительства	Диасофт (ИТ-трансформация), платформы продаж/аналитики; акселераторы, а также работа с компаниями «Движ»	Партнерская модель ускоряет масштабирование и цифровую трансформацию, повышая операционную эффективность компании, а также ее конкурентные преимущества. При этом нельзя однозначно утверждать, что основная причина – партнерства
«Галс-Девелопмент»	Экосистемный	Внедрение роботизации, умных систем, пилоты стартапов (Build UP)	Долгосрочная программа со «Сколково» (Build UP, роботизированные решения), внутреннее пилотирование совместных решений (внедрено более 100 по информации в открытых источниках)	Глубокая интеграция с инновационной экосистемой снижает издержки на исследования и разработки, повышая при этом конверсию инновационных идей в работающие решения и усиливая трансфер технологий
ПИК	Используют партнерства слабо	Линейка BIMTeam (7 продуктов), VDI-инфраструктура для проектировщиков; цифровая ипотека и B2B-сервис «Финч»	Точечные интеграции, акцент на собственные платформы и ИС	Высокая доля независимости с подспудно более высокими рисками потери конкурентных преимуществ из-за удлиненного времени внедрения инноваций
Группа ЛСР		Модернизация собственных производств, стандартизация и централизованные стандарты качества	Преобладание внутреннего контура развития (материалы, строительство, логистика) ввиду особенностей позиционирования бизнес – компания полного цикла	Низкая зависимость от внешних поставщиков с достаточно высокой степенью зависимости от успеха внутренних разработок. Возможно, есть влияние от эффекта закрытости, при котором новые технологии попадают в компанию уже на спаде пика своего развития и использования

Источник: составлено автором.

В текущей итерации исследование направлено на выявление или исключение следующих допущений:

- партнерства представляют собой форму реализации открытых инноваций;
- партнерства позволяют достичь синергии компаний и вызвать новые эффекты от их взаимодействия, которые недоступны по отдельности;
- наличие статистически значимого сокращения издержек;
- наличие статистически значимого ускорения трансформации процессов;
- усиление трансфера технологии и установление экосистемной среды взаимодействия.

Если говорить о механизмах, составляющих суть партнерств и выделяющих данный инструмент на фоне иных форматов сотрудничества, не всегда являющихся партнерствами, то можно назвать следующие: «открытых инноваций», «синергии компетенций» и «формирования экосистемной среды».

Во-первых, реализация механизма «открытых инноваций» посредством партнерств приводит к развороту компаний строительной отрасли от изолированного существования на рыночном поле к более открытой позиции. Изменение позиции становится причиной налаживания процесса обмена знаниями и технологиями, что, в конечном итоге, ускоряет развитие всех игроков с одной стороны и поддерживает их развитие, с другой. Во-вторых, механизм «синергии компетенций» потенциально может быть причиной таких результатов совместной деятельности, результат которых был бы невозможен при работе по-отдельности. В-третьих, механизм «формирования экосистемной среды» приводит к созданию не просто компаний, связанных договорными отношениями, а к созданию заинтересованных в развитии и усилении друг друга организаций, сохраняющих при этом автономность.

На уровне государственного регулирования партнерства фактически признаются одним из приоритетных направлений, что выражается через законодательное закрепление инструментов государственно-частного партнерства и формирование фондов поддержки (в том числе инноваций), включая акселерационные форматы, что в совокупности дает большие результаты при сопоставимом уровне усилий всех участников.

Таким образом, партнерства выступают не только формой реализации сотрудничества, но и эффективным инструментом, в частности, в контексте стимулирования инновационной активности. Учитывая постепенный переход от сугубо конкурентной модели существования к конкуренции, основанной на партнерстве, очевидным становится необходимость изменений и существующих моделей управления, в том числе модели управления инновациями, которая пока не сфокусирована на партнерском взаимодействии.

Настоящее исследование может быть полезно исследователям в данной области как с теоретической, так и практической точек зрения. С учетом полученных результатов актуальными становятся вопросы формирования партнерской сети и управления ею, трансформации и актуализации, а также тезисы, связанные с необходимостью пересмотра существующей модели управления инновациями.

Библиографический список

1. Власова В.В., Гохберг Л.М., Грачева Г.А. [и др.]. (2024). Индикаторы инновационной деятельности 2024: статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ. 260 с.
2. Скорниченко Н.Н., Стрелкова Н.В. (2023). Роль технопарков в развитии инновационной деятельности и укреплении технологического суверенитета России // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. Т. 14. № 2. С. 114–124.
3. Тополева Т.Н. (2021). Региональные фонды поддержки научной и инновационной деятельности: институциональный аспект // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Т. 18. № 4 (118). С. 92–108.
4. Зюкин Д.А., Беляев С.А., Алехина А.А., Репринцева Е.В. (2023). Экономические аспекты активизации инновационного и технологического развития на макроуровне в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 3. С. 59–66.

Информация об авторе

Никита Сергеевич Семушкин – аспирант, Институт экономики Уральского округа Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lavrikova.ug@uiee.ru)

PARTNERSHIP AS A WAY TO DEVELOP INNOVATIVE ACTIVITIES OF DEVELOPMENT COMPANIES IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL GOALS

Abstract. *This article presents the results of an overview study of several large construction companies that have chosen different models for building competitive advantages through the use of partnerships and using their own resources. The author highlights the positive aspects of the innovative development of an organization through the use of this tool, especially in terms of building innovation potential using the example of one of the most traditional sectors of the economy — construction. Finally, the author connects this tool with the implementation of national goals and forms the prerequisites for an updated innovation management model.*

Keywords: *partnership, innovation, innovation activity, development, construction industry, national goals.*

Information about the Author

Nikita S. Semushkin – graduate student, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: lavrikova.ug@uiec.ru)

References

1. Vlasova V.V., Gokhberg L.M., Gracheva G.A. [et al.]. (2024). Indicators of innovation activity 2024: a statistical collection. Moscow: HSE.
2. Skornichenko N.N., Strelkova N.V. (2023). The role of technoparks in the development of innovation and strengthening technological sovereignty of Russia. *Bulletin of Samara University. Economics and management*, 14, 2, 114–124.
3. Topoleva T.N. (2021). Regional funds for support of scientific and innovative activities: an institutional aspect. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 18, 4(118), 92–108.
4. Zyukin D.A., Belyaev S.A., Alyokhina A.A., Reprintseva E.V. (2023). Economic aspects of activating innovative and technological development at the macro level in the Russian Federation. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 3, 59–66.

РОСТ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Выполнен обзор моделей регионального роста. Определены основные тенденции и перспективы роста экономики северных регионов. Решение поставленных задач важно для научного сопровождения разработки мер государственной политики в направлении стимулирования роста региональной экономики.*

Ключевые слова: *теории регионального развития, модели регионального роста, неоклассическая теория, регионы России, северные регионы.*

Основной задачей экономики России является выход на траекторию устойчивых темпов экономического роста. Именно он способствует повышению уровня и качества жизни населения на уровне регионов. Особенно остро эта проблема стоит в регионах Севера, в силу высокой стоимости производства и жизнеобеспечения населения.

Одной из задач, поставленных Президентом России в Указе № 309¹, в рамках достижения национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика», является рост ВВП России выше среднемирового за счет роста производительности труда и при сохранении макроэкономической стабильности и низком уровне безработицы. В то же время высокий уровень межрегиональной дифференциации является одним из наиболее острых вопросов в региональном развитии России. Соответственно, актуальным является нахождение факторов роста экономики, которые могут стать драйверами опережающего роста в отстающих регионах.

Все вышесказанное определило цель исследования – установить применимость существующих моделей регионального роста и определить основные тенденции и перспективы роста экономики северных регионов России. Это важно для научного сопровождения разработки соответствующих мер государственной политики.

В региональной экономической науке насчитывается большое количество теорий регионального развития. Ранее нами были выявлены факторы региональных различий, начиная от обеспеченности природными ресурсами и заканчивая эффективностью политики пространственного развития и задействованием агломерационных эффектов [1]. Всеобъемлющий же обзор выполнен в работе Ю.А. Гаджиева [2], а текущие тенденции развития реального сектора на Севере раскрыты в [3].

Первые модели территориальной организации экономической деятельности, наиболее известные из которых – модель «изолированного государства» Иоганна фон Тюнена и штан-дортная теория Вильгельма Лаунхардта, зародились в первой половине XIX века. Возникновение неоклассической концепции в региональной экономике можно отнести к началу 1920-х гг. (работы Р. Солоу, Ц. Грилихеса, а позднее Р. Холла и Ч. Джонса). Здесь основные факторы роста – накопление капитала и научно-технологический прогресс. Основные факторы роста в кумулятивных концепциях (полюса роста Ф. Перру, модель Г. Мюрдаля) – уникальные ресурсы, инновационная активность и специализация. Наконец, с 1980-х гг. стало разрабатываться больше новых теорий и моделей регионального роста. Среди них можно выделить модели потенциала рынка Ч. Харриса, мультипликатора регионального дохода А. Преда и фундаментальные работы П. Кругмана. Всего же из обзора всех указанных воззрений и концепций можно выделить такие факторы регионального роста, как капитал (основные фонды – здания, сооружения, оборудование), рабочая сила, человеческий капитал, инновационная активность, торговля (в т. ч. внешняя – как экспорт, так и импорт) и институциональная среда.

Значимость физического капитала и рабочей силы как факторов роста экономики подтверждается эмпирически на данных регионов России. В отношении других предполагаемых факторов регионального роста ситуация менее однозначная. Например, уровень инновационной активности организаций не значим во взаимосвязи (парная линейная корреляция) с темпами роста экономики. В целом эмпирически подтверждаются лишь базовые факторы роста экономики, которые предлагаются именно в неоклассической парадигме регионального роста.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309.

Оценка ВРП по расходам показывает, что экономика северных регионов гораздо больше ориентирована на внешние рынки (в т. ч. на другие регионы), чем остальные регионы России. В свою очередь, оценка структуры ВРП по доходам показывает, что в экономике северных регионов формируется заметно большая доля прибыли и смешанных доходов по сравнению с остальными регионами России.

Темпы роста региональных экономик существенно изменяются во времени, что хорошо иллюстрирует прирост ВРП на выборке всех регионов России, начиная с конца 1990-х гг. За исключением кризисных периодов (1998, 2009 и 2020 гг.) средний темп роста и большинство наблюдений колебались в диапазоне от 0 до 10%. В 2000-е гг. вариация в темпах роста региональных экономик была заметно выше, чем в 2010-е гг.

Динамика ВРП северных регионов России в целом повторяет динамику ВВП России (рис. 1). При этом, начиная с 2022 года, на Севере наблюдается стагнация, тогда как по России в целом после падения в 2022 году экономика восстановилась. Здесь и далее темп роста ВРП северных регионов рассчитывался нами как средневзвешенный с учетом абсолютного размера ВРП каждого региона. Так, размер ВРП Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, по данным за 2023 год, в сумме дают почти 60% ВРП по Северу. Порядка 10% каждый составляют удельные веса экономик Республики Саха (Якутия) и Сахалинской области. ВРП Республики Коми, Архангельской области и Мурманской области «дают» каждый около 5%.

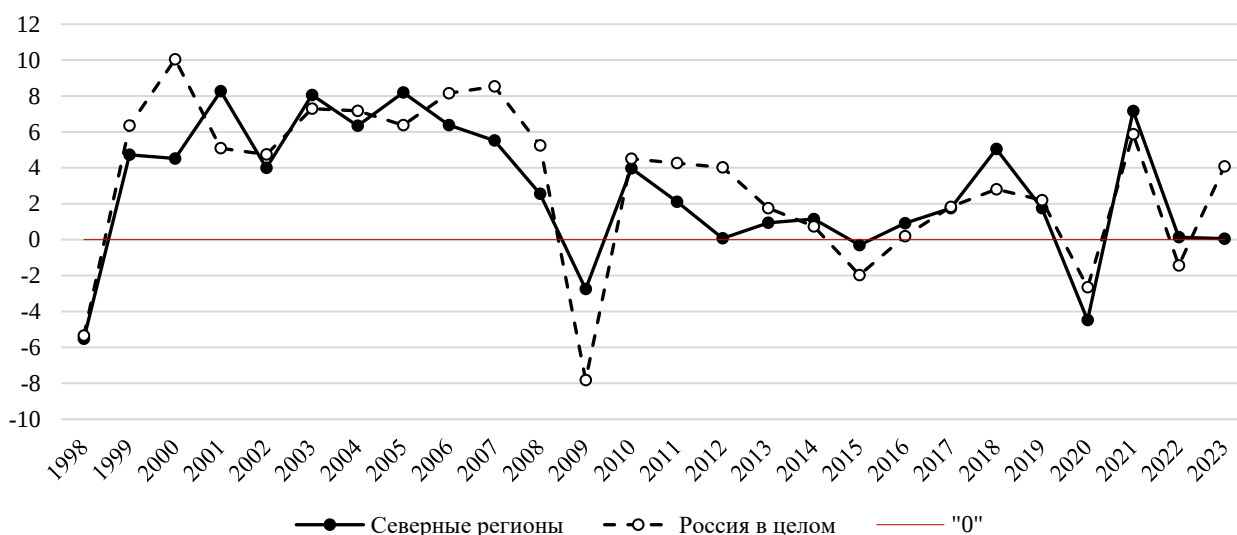

Рис. 1. Рост экономики России и северных регионов

Примечание: показатель для северных регионов рассчитан на основе индивидуальных данных по регионам как среднее взвешенное на абсолютный размер ВРП в соответствующем году.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Для оценки перспектив роста экономики северных регионов были проанализированы прогнозы социально-экономического развития соответствующих территорий. Сбор и анализ данных показал, что в 2025–2027 гг. темп роста экономики на Севере прогнозируется на уровне среднероссийского, что обусловлено восстановлением экономики в регионах, которые сильно пострадали от неблагоприятных внешних факторов в 2022–2023 гг. – Ямало-Ненецкий автономный округ, Мурманская и Сахалинская области.

Таким образом, с точки зрения моделирования роста региональной экономики, эмпирически более надежными представляются неоклассические модели, так как фактические данные по регионам России подтверждают значимость базовых факторов: труда (рабочей силы) и капитала. Экономика северных регионов гораздо больше ориентирована на внешние рынки и создает больший объем прибыли и смешанных доходов по сравнению с фондом оплаты труда. Перспективы роста экономики на Севере связаны с восстановлением валового выпуска в ведущих экономиках после падения в 2022–2023 гг. и полным задействованием как традиционных, так и перспективных факторов роста.

Библиографический список

1. Тимушев Е.Н. (2024). Дифференциация социально-экономического развития регионов России: причины, подходы к анализу и оценка // *Общественные финансы*. № 46. С. 17–34.
2. Гаджиев Ю.А. (2009). Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // *Экономика региона*. № 2 (18). С. 45–62.
3. Шеломенцев А.Г. [и др.]. (2025). Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы. Воронеж: «Строки». 210 с.

Информация об авторе

Евгений Николаевич Тимушев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: evgeny_timushev@mail.ru)

Timushev E.N.

ECONOMIC GROWTH IN THE NORTHERN REGIONS: TRENDS AND PROSPECTS

Abstract. *A review of regional growth models is presented. The main trends and prospects of economic growth in the northern regions are identified. The solution of these tasks is important for scientific support of the development of public policy measures aimed at stimulating the growth of the regional economy.*

Keywords: *theories of regional development, models of regional growth, neoclassical theory, regions of Russia, northern regions.*

Information about the Author

Evgeny N. Timushev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: evgeny_timushev@mail.ru)

References

1. Timushev E.N. (2024). Differentiation of socio-economic development of Russian regions: causes, approaches to analysis and assessment. *Public Finance*, 46, 17–34.
2. Gadzhiev Yu.A. (2009). Foreign theories of regional economic growth and development. *Economy of the region*, 2(18), 45–62.
3. Shelomentsev A.G. [et al.]. (2025). The real sector of the economy of the northern regions of Russia: problems and prospects. Voronezh: "Lines".

ПОТРЕБЛЕНИЕ МЕТАЛЛА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЖЕСТКОЙ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Определены каналы влияния денежно-кредитной политики на потребление металла в РФ. Проведен сравнительный анализ финансовых результатов металлургии, машиностроения и строительства в 2020-х гг. Даны рекомендации по развитию внутреннего рынка металлов, включая корректировку денежно-кредитной политики.*

Ключевые слова: *потребление металла, металлургический комплекс, денежно-кредитная политика, инвестиции в основной капитал.*

Действующие в настоящее время цели денежно-кредитной политики (ДКП) в отношении реального сектора российской экономики нуждаются в корректировке [1]. Важными задачами являются обеспечение инвестиционной поддержки процессов создания материальной основы для решения задач экономического роста и стимулирование переориентации финансовой политики металлургических компаний на решение межотраслевых задач [2].

Ужесточение денежно-кредитных условий (главным образом, повышение реальной ключевой ставки) по-разному влияет на производителей и потребителей металлопродукции, исходя из их различающегося финансового состояния и разной степени влияния внешних условий на металлургический комплекс, машиностроительные виды деятельности и строительство.

Согласно расчетам, выполненным на основе данных Росстата, на металлургический комплекс, включающий в себя добычу металлических руд, производство металлургическое и производство готовых металлических изделий, за 2017–2024 гг. пришлось 12,3% от общей величины прибыли до налогообложения по экономике РФ; 6,4% оборотных активов; 8,7% денежных средств и их эквивалентов.

Наблюдается эффект убывающей доходности по мере углубления переработки металла. В среднем за период 2017–2023 гг. рентабельность активов по добыче железной руды была в два раза выше, чем в производстве чугуна, стали и ферросплавов; в восемь раз выше, чем в производстве готовых металлоизделий и более чем в 13 раз выше, чем в машиностроении.

Ключевое значение для получения позитивных финансовых результатов металлургического комплекса имеют сложившиеся макроэкономические условия. В частности, это поддержание сравнительно низкой налоговой нагрузки (относительно топливно-энергетического комплекса), существенной разницы между курсом и паритетом покупательной способности рубля (от 2,7 до 3,2 раза в 2022–2025 гг.), что в совокупности с благоприятной конъюнктурой на мировом рынке металлов определяет доходность экспортных поставок.

За период 2017–2024 гг. суммарная прибыль до налогообложения организаций металлургического комплекса составила 21,1 трлн руб., что в 2,8 раза превышает аналогичный показатель по машиностроению и строительству вместе взятым (4,3 трлн руб. и 3,3 трлн руб. соответственно).

Основные каналы влияния ДКП на металлургический комплекс включают в себя:

– Высокую реальную доходность размещения средств в рублевых инструментах (депозиты, накопительные счета, фонды денежного рынка, облигации), что позволяет металлургическим компаниям заработать дополнительный доход, не осуществляя инвестиций в основной капитал. В периоды укрепления рубля происходит конвертация валютной выручки в высокодоходные рублевые инструменты.

– Высокую стоимость привлечения заемных средств через рублевые кредиты и облигации. Это способствует росту интереса к выпуску облигаций, номинированных в валюте (юаневые, квазидолларовые облигации), а также повышению финансовой дисциплины, включая пересмотр инвестиционных программ и дивидендной политики.

– Запретительный уровень рыночных ставок по ипотеке (вместе с отменой массовой льготной ипотеки летом 2024 году) привел к снижению спроса на жилье. В результате происходит сокращение количества новых проектов, сокращение запасов и закупок металлопродукции строительными компаниями.

– Высокие ставки по лизингу и автокредиту приводят к сокращению продаж машин, оборудования, транспортных средств в кредит и лизинг по рыночным ставкам, что в дальнейшем ведет к снижению объемов выпуска продукции машиностроения (легковые и грузовые автомобили, сельхозтехника и др.).

В результате сокращается потребление металла на внутреннем рынке и постепенно ухудшаются финансовые показатели металлургических компаний. В частности, прибыль до налогообложения в производстве металлургическом в 2024 году сократилась в номинальном выражении на 9% к уровню 2023 года.

В отличие от 1990–2010-х гг. прямая зависимость между динамикой инвестиций и потребления стали в РФ в 2020-х гг. отсутствует (рис. 1) [3].

Рис. 1. Динамика инвестиций и видимого потребления готовой стальной продукции в РФ
Источник: составлено автором по данным Росстата и WSA.

Видимое потребление стали в РФ практически не растет с 2013 года, что негативно характеризует общую результативность реализованных в этот период мер по развитию внутреннего рынка металла. Согласно прогнозу социально-экономического развития РФ на 2026—2028 гг., по итогам 2025 года темп прироста инвестиций в основной капитал в РФ оценивается в +1,7% (к уровню 2024 года). Одновременно с этим, в потреблении стали ожидается спад на 14% (до 37,8 млн тонн, по оценкам компании «Северсталь»).

Таким образом, жесткая денежно-кредитная политика оказывает опосредованное влияние на металлургический комплекс через сокращение спроса на продукцию отечественных металлопотребляющих отраслей. Материальное наполнение капитальных вложений предполагает восстановление прямой зависимости между динамикой инвестиций в основной капитал и видимым потреблением стальной металлопродукции. Необходимо создание условий для накопления капитала на территории страны, включая выравнивание диспропорций между доходностью смежных видов экономической деятельности, сокращение волатильности и повышение предсказуемости динамики ключевых экономических показателей (курс национальной валюты, ключевая ставка, ставки налогов и сборов, тарифы естественных монополий), снижение реальной ключевой ставки, расширение доступных инструментов финансирования текущей и инвестиционной деятельности, смещение приоритетов государственной политики от поддержки экспортеров к стимулированию развития внутреннего рынка металла.

Библиографический список

1. Медведев И.Д., Солнцев О.Г. (2023). Денежно-кредитная политика Банка России в условиях структурной трансформации экономики // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 2. С. 6–28. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-2-6-28
2. Буданов. И.А. (2023). Выбор цели и ориентиров в отраслевом прогнозе на примере металлургии // Проблемы прогнозирования. № 6 (201). С. 193–206. DOI: 10.47711/0868-6351-201-193-206
3. Буданов И.А., Устинов В.С. (2025). Эффективность накопления основного капитала в России: тенденции и сценарии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 190–205.

Информация об авторе

Василий Сергеевич Устинов – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: ustinovvs@gmail.com)

Ustinov V.S.

METAL CONSUMPTION IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF TIGHT MONETARY POLICY

Abstract. *The channels of monetary policy influence on metal consumption in Russia have been identified. A comparative analysis of the financial results of metallurgy, mechanical engineering and construction in the 2020s has been carried out. Recommendations for the development of the domestic metals market, including monetary policy adjustments, have been given.*

Keywords: *metal consumption, metallurgical complex, monetary policy, investments in fixed assets.*

Information about the Author

Vasily S. Ustinov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: ustinovvs@gmail.com)

References

1. Medvedev I.D., Solntsev O.G. (2023). Monetary Policy of the Bank of Russia in the Conditions of Structural Transformation of the Economy. *Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 2, 6–28. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-2-6-28
2. Budanov I.A. (2023). Choosing a Goal and Benchmarks in an Industry Forecast on the Example of Metallurgy. *Studies on Russian Economic Development*, 34, 6, 861–870. DOI: 10.1134/S1075700723060023
3. Budanov I.A., Ustinov V.S. (2025). Fixed capital formation effectiveness in Russia: Trends and scenarios. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 190–205. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.11

CHINA'S DIGITAL ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

Abstract. *With the rapid development of the global digital economy, China's strategic layout in this sector is becoming increasingly important. This article aims to explore the key elements of China's digital economy development strategy and its implementation effectiveness. First, it analyzes the definition and characteristics of the digital economy, highlighting its disruptive impact on the traditional economy. Second, it elaborates on the Chinese government's policies and measures to promote its development. Finally, it identifies the challenges and opportunities for future digital economic development and calls for joint efforts by all parties to promote the healthy and orderly development of the digital economy.*

Keywords: *digital economy, development strategy, policy measures, technological innovation, sustainable development.*

Strengthening, optimizing, and expanding the digital economy is a strategic focus for building new national competitive advantages in the new era and carries significant strategic implications. This paper proposes a correct understanding of the policy value and strategic significance of strengthening, optimizing, and expanding the digital economy to accelerate the steady, secure, and high-quality development of the digital economy.

Definition and development of digital economy

The term digital economy was first proposed by economist Don Tapscott in the 1990s. He believed that the digital economy is a new form of creating economic value by using digital information networks. It has changed the way businesses and governments operate and the way people live. The digital economy is based on Internet technology and is the core pillar of the new economic era [1, p. 13]. It was subsequently gradually adopted by governments and global economic organizations to describe the corporate, technological, economic and social changes caused by information technology. Based on this definition, organizations and scholars in various countries have given different supplements to the nature of the digital economy based on the actual conditions of the development of the digital economy. Other definitions of the digital economy are summarized in *Table 1*.

Table 1. Definition of digital economy

No	Scholar	Definition
1.	Kim B., Barua A., Whinston A.B. (2002)	Digital economy is a special economy where all goods and services traded are in digital format [2, p. 215]
2.	Kang T.X. (2008)	The digital economy is an independent economic form, which is the sum of economic activities based on digital technology [3, p. 218]
3.	Jing W.J., Sun B.W. (2019)	The digital economy is a new economic form based on the Internet and corresponding emerging technologies [4, p. 66]
Source: own compilation.		

Overall, this article argues that the digital economy is a new economic model that leverages digital technology and digitized information to redefine production, exchange, distribution, and consumption.

The development of the digital economy is a key driver of modern social transformation. Leveraging the widespread application of technologies such as big data, cloud computing, and artificial intelligence, it is reshaping the operating models and business ecosystems of traditional industries. The digital economy is of indispensable importance to China's industries. *Figure 1* shows the share of the digital economy in China's three major industries in 2023–2024.

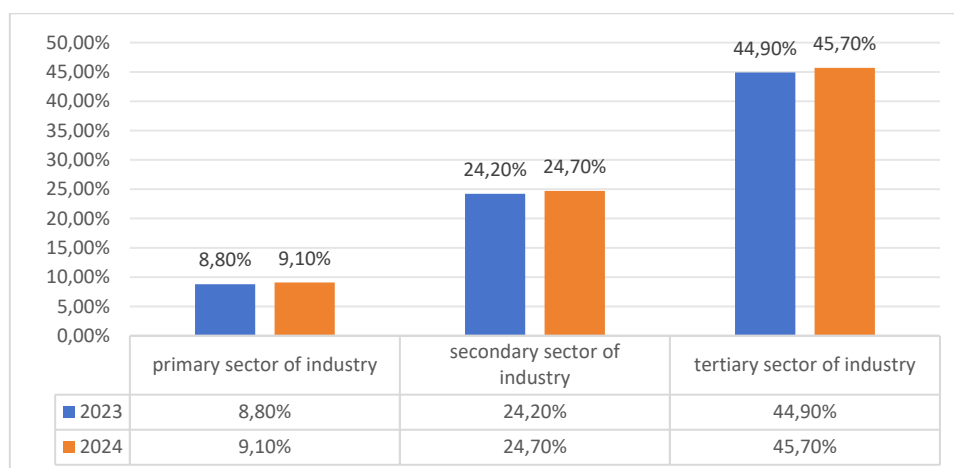

Figure 1. Share of digital economy in the three industries

Source: own compilation.

The digital economy is considered to be the main driving force for economic growth and development in many developed countries. Due to its significant impact on economic and business activities, it is expanding [5, p. 102].

Government policies and measures

The government has adopted a series of comprehensive policy measures to promote the development of the digital economy, mainly focusing on the following aspects.

1. Infrastructure construction. Increase investment in digital infrastructure, especially in areas such as 5G networks, cloud computing and data centers. The construction of these infrastructures not only improves network coverage and transmission speed, but also lays the foundation for the popularization of various digital services.

2. Technological innovation. The government encourages enterprises and scientific research institutions to increase investment in technological research and development, and promotes the innovation and application of cutting-edge technologies such as artificial intelligence, big data, and the Internet of Things by providing financial support, tax incentives and other policies. The advancement of these technologies has provided a strong driving force for the development of the digital economy.

3. Data governance. With the development of the digital economy, data security and privacy protection have become increasingly important. The government has formulated a series of data governance policies to establish and improve the data security management system, promote data sharing and openness, and promote the rational use of data resources.

4. Policies and Regulations. To ensure the healthy development of the digital economy, the government continuously improves relevant laws and regulations to ensure fair competition in the market and protect the rights of consumers. In addition, the government actively participates in the formulation of international rules to enhance China's voice in the global digital economy.

Through these policy measures, the Chinese government is committed to building a comprehensive, open and innovative digital economy ecosystem to promote high-quality economic development.

The positive impact of the digital economy

In recent years, the digital economy has played a positive role in economic growth, employment, and social development. Specifically, by optimizing resource allocation and improving production efficiency, the digital economy has driven rapid development across various industries, injecting new vitality into economic growth. At the same time, digital transformation has brought new opportunities to the job market, created a large number of new digital technology-related occupations, promoted the improvement of workers' skills, and optimized the employment structure. Furthermore, digital technology has played a significant role in sustainable development. Through intelligent manufacturing, green technologies, and digital management, enterprises can better cope with resource shortages and environmental pressures, achieving coordinated development of the economy and the environment.

Future opportunities and challenges

With the continuous advancement of technology and the expansion of application scenarios, the digital economy will bring greater innovation potential and market space to all industries. However, it may also trigger issues such as data security and privacy protection, the widening digital divide, and technological unemployment. To address these challenges, governments, businesses, and all sectors of society need to strengthen cooperation and formulate appropriate policies and measures to ensure the healthy and orderly development of the digital economy.

Conclusion

As a strategic enabler for high-quality development, the digital economy requires sound and comprehensive development. On the one hand, systematic improvements and upgrades should be made across all areas and levels of the digital economy to foster a comprehensive, coordinated, and sustainable development pattern. On the other hand, the development of the digital economy must prioritize both domestic market development and international cooperation. Leveraging China's vast market advantages, with domestic circulation as the primary driver, we should attract global data resources, consolidate and enhance our position as a major digital economy power. Consequently, we should continuously enhance the international competitiveness and influence of China's digital economy.

References

1. Tapscott D. (1996). *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: Mc Graw Hill, 13–42.
2. Kim B., Barua A., Whinston A.B. (2002). Virtual field experiments for a digital economy: a new research methodology for exploring an information economy. *Decision Support Systems*, 32, 3, 215–231.
3. Kang T.X. (2008). Research on the scale of China's digital economy. *Contemporary Finance & Economics*, 3, 118–121.
4. Jing W.J., Sun B.W. (2019). Digital Economy Promotes High-quality Economic Development: A Theoretical Analysis Framework. *Economist*, 2, 66–73.
5. Lei X., Baghaie S., Sajadi S.M. (2023). The digital economy: Challenges and opportunities in the new era of technology and electronic communications. *Ain Shams Engineering Journal*, 102411.

Information about the Author

Zhangpanpan – graduate student, National Research Tomsk State University Institution of Economics and Management (2, Herzen Street, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: zhangpanpanrenzhen@163.com)

СЕКЦИЯ № 2.
РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ В
КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЦЕЛЕЙ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВТОРНЫХ БРАКОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Одной из возможных мер повышения уровня рождаемости является поддержка повторных браков, поскольку многие семьи склонны создавать новые союзы после развода или смерти супруга. Стоит при этом учитывать особенности повторных браков и аспекты, связанные со здоровьем*

Ключевые слова: *повторный брак, демографическая политика, профилактика разводов.*

Исследовательская программа «Проблема социокультурной эволюции России и ее регионов», осуществляемая под эгидой Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, функционирует уже 20 лет. Тульские социологи активно изучают в рамках проекта различные социокультурные аспекты своего региона.

В последние годы нами были проанализированы социокультурные вопросы влияния повторных браков на демографическую ситуацию в России и Тульской области.

Сегодня Россия сталкивается с рядом демографических проблем, среди которых низкая рождаемость, высокая смертность и старение населения. Поэтому Правительством Российской Федерации 15 марта 2025 года была утверждена «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года»¹. Цели Стратегии: сохранение населения за счет повышения уровня рождаемости; охрана, поддержка и защита семьи как фундаментальной основы российского общества; укрепление института семьи и брака. Среди основных задач и приоритетных мер выделено расширение программ психологического сопровождения семей, направленных на сохранение долгосрочных семейных союзов и профилактику разводов.

По данным ВЦИОМ², последние двадцать лет уровень разводов в нашей стране держится на высоком уровне. На фоне урбанизации и роста образования женщин в период 1970–1990 гг., процент распадающихся браков вырос с 30 до 60%. Пик пришелся на 2000-е гг, после преодоления экономического кризиса и повышения уровня жизни люди стали разводиться меньше. Однако в 2020 году пандемия привела к увеличению числа разводов. В 2023 году распадались семь из десяти браков – это регистрация 4,7 разводов на 1000 человек населения при регистрации 6,5 браков. В США аналогичный показатель равен 2,4, в Китае – 3,2 и в Европе – 2.

Одной из возможных мер повышения уровня рождаемости является поддержка повторных браков, поскольку многие семьи склонны создавать новые союзы после развода или смерти супруга. Стоит при этом учитывать особенности повторных браков, которые можно разделить на психологические, финансовые, социальные, юридические и аспекты, связанные со здоровьем.

Для более детального понимания особенностей мотивов и барьеров к повторному браку было проведено полуструктурированное интервью с пятью специалистами с опытом работы в сфере семейного консультирования более трех лет³. Основными барьерами были названы: негативный опыт предыдущих отношений, непрожитые стыд и вина, страх еще одного развода, страх ответственности и обязательств, наличие нажитой собственности, финансовые обязательства у потенциального партнера, потребительское отношение в браке, зависимости, неверность, неумение коммуницировать с партнером, отсутствие понимания ценности брака. Выделены мотивы: потребность в создании семьи, в отношениях, желание завести и воспитывать детей, давление и влияние социума, юридические аспекты при наличии детей и имущества, воспитание и традиции, психологические мотивы, личное решение и желание разделить свою жизнь. Из ответов видно, что и среди мотивов, и среди барьеров к повторному браку преобладают психологические аспекты. Также имеют влияние материальные факторы и влияние социума.

¹ Об утверждении Стратегии действия по реализации семейной и демографической политике, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/

² Развод по-русски. За высокой статистикой разводов скрываются не только демографические тренды, но и ценностные сдвиги в обществе // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvod-po-russki>

³ Антонова О.В. (2024). Социально-психологические особенности повторных браков: цели, мотивы, барьеры: магистерская диссертация по направлению подготовки: 39.04.02 – Социальная работа. Томск. 74 с.

Чтобы выявить влияние причин разводов на вступление в повторный брак, было проведено анкетирование среди 128 человек, мужчин и женщин в возрасте от 25 до 55 лет, имеющих в своем жизненном опыте развод.

Свой первый опыт брака большинство мужчин (66,67%) оценивает как удачный, а большинство женщин (36,96%) – как удачный, но который можно было улучшить. При этом практически столько же женщин (33,7%) считают, что прошлый брак был удачным. Таким образом, получается, что и при достаточной удовлетворенности браком и возможности укрепить отношения, люди готовы на развод. Однако некоторые данные невозможно интерпретировать однозначно, поскольку в опросе участвовал только один партнер, и мы не можем оценить картину в целом, например, на сколько является удовлетворенным прошлым браком второй партнер из этой пары.

По результатам исследования сделаны следующие выводы:

– После развода 78,26% женщин и 77,7% мужчин остаются ориентированными на создание семьи, однако становятся более осмотрительными при выборе партнера и принятии решения заключить брак официально.

– Статистически наиболее важными мотивами для женщин являются совместное развитие (37,42%), любовь (22,31%), психологическая защита и поддержка (21,51%), достаток (19,25%), отсутствие вредных привычек у партнера (12,9%).

– Лидирующими мотивами к заключению повторного брака у мужчин были названы: совместное развитие (48,08%), решение бытовых задач (28,33%), любовь (23,73%), правовая безопасность (16,67%), накопление материальных благ (15%).

– Более четырех из пяти мужчин (83,33%) уверены, что обладают всеми необходимыми знаниями и навыками для вступления в повторный брак, запрос на обучение проявлен у 16,67% мужчин (навыки коммуникации – 11,1%, правовые аспекты – 2,78%, знание психологических особенностей женщин – 2,78%). Большинство опрошенных женщин (89,14%) считают, что им необходимы знания в сфере психологии для повторного вступления в брак; 9,85% имеют запрос на знания и навыки по ведению хозяйства, а 6,89% не хватает знаний в юридической, правовой сфере.

Исследование показало, что существует запрос на изучение правовых и психологических аспектов, развитие коммуникативных навыков. Таким образом, важно разработать практикоориентированные методы работы с различными группами населения, направленными на:

1. Повышение уровня осведомленности о семейном праве. Создание образовательных курсов и консультаций, направленных на повышение правовой грамотности будущих супругов относительно имущественных и юридических аспектов брака.

2. Развитие психолого-педагогической поддержки. Обучение методикам разрешения конфликтов, формирование эффективных моделей взаимодействия внутри семьи, включая семейные консультации и курсы психологической адаптации.

3. Организацию образовательных программ для женщин, включающих как подготовку по вопросам семейной экономики, так и направленных на повышение уверенности в себе, формирование здоровых межличностных связей.

4. Разработку специальных тренингов для мужчин для повышения коммуникационных навыков и эмоционального интеллекта.

Выявленные проблемы и тенденции позволяют сформулировать практические меры по повышению эффективности государственных программ поддержки повторных браков, способствующих укреплению института семьи и позитивному влиянию на реализацию демографической политики государства.

Информация об авторах

Ольга Викторовна Антонова – руководитель Ассоциации специалистов помогающих профессий (Российская Федерация, 301118, Тульская область, д. Медвенка, ул. Солнечная, д. 40; e-mail: aov-86@mail.ru)

Василий Иванович Мосин – кандидат философских наук, доцент; генеральный директор Тульского социологического центра (Российская Федерация, 300001, г. Тула, ул. Гармонная, д. 28; e-mail: mosin55@bk.ru)

Antonova O.V. Mosin V.I.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF REMARRIAGES IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF DEMOGRAPHIC POLICY IN MODERN RUSSIA

Abstract. *One possible measure to increase the birth rate is to support remarriage, as many families tend to form new unions after divorce or the death of a spouse. The specifics of remarriage and health-related issues should be taken into account.*

Keywords: *remarriage, demographic policy, divorce prevention.*

Information about the Authors

Olga V. Antonova – Head of the Association of Specialists in Helping Professions (40, Solnechnaya Street, Medvenka Village, Tula Region, 301118, Russian Federation; e-mail: aov-86@mail.ru)

Vasily I. Mosin – Candidate of Sciences (Philosophical), Associate Professor; General Director of the Tula Sociological Center (28, Garmonnaya Street, Tula, 300001, Russian Federation; e-mail: mosin55@bk.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. *Социально-экономическое развитие России и ее регионов в современных условиях сталкивается с рядом вызовов как глобального, так и национального характера. Адекватным ответом на них может стать применение принципов устойчивого развития в рамках государственной пространственной политики. При этом одним из фундаментальных факторов успешной адаптации экономик регионов выступает культура устойчивого развития, формированию которой должна способствовать, в том числе и академическая наука.*

Ключевые слова: *современные вызовы, культура устойчивого развития, научно-образовательный центр.*

Социально-экономическое развитие России и ее регионов в условиях формирования новой экономической реальности характеризуется высоким уровнем неопределенности, кризисными шоками различного происхождения, изменением климата и др. Кроме того, имеют место проблемы пространственного развития, к числу которых можно отнести чрезмерно высокий уровень межрегиональной дифференциации; высокую неравномерность развития социальной сферы; нежелательные миграционные процессы, ведущие к опустыниванию периферийных территорий; наличие в стране значительного числа экологически неблагоприятных территорий и др.

Характер этих вызовов постулирует о необходимости адекватного ответа, основанного на парадигме устойчивого развития, выступающего в настоящее время идеологической платформой глобального и национального развития [1].

Солидаризируясь с мнением авторитетных российских ученых В.И. Данилова-Данильяна и К.С. Лосева, полагаем, что обеспечение устойчивого развития возможно лишь при условии формирования новой системы ценностей и моральных императивов, то есть культуры человечества [2].

В современных экономических исследованиях культура выступает одним из фундаментальных факторов роста и процветания стран и регионов, наряду с географическим положением и институтами [3].

Однако, по мнению автора данной работы, говоря о культуре как основе перехода на путь устойчивого развития, следует акцентировать внимание на феномене культуры устойчивого развития, понимаемой как ценности и нормы биосоциального восприятия окружающей действительности, основывающихся на солидарных отношениях человека, природы и людей между собой в процессе общественного производства.

В содержательном плане это понятие отражает степень готовности различных экономических агентов соблюдать в своей деятельности принципы и подходы, обеспечивающие устойчивое развитие территорий их присутствия.

Такое понимание культуры устойчивого развития в экономическом дискурсе представляет собой квинтэссенцию экологического сознания, общественного доверия и нравственной модели общественного производства. При этом общественное производство рассматривается в широком смысле как охватывающее все сферы экономических отношений – собственно производство, распределение, обмен и потребление [4].

Экологическое сознание выступает залогом успешной адаптации хозяйственной деятельности человека к современным вызовам, взаимно согласованному изменению природной и общественной систем, что детерминирует его как «основную ось культуры устойчивого развития» [5].

Доверие является одним из ключевых факторов преодоления кризисных ситуаций. В то же время отсутствие доверия в обществе или его недостаток обуславливают рост напряженности и снижения эффективности социально-экономической деятельности.

Текущая социо-эколого-экономическая ситуация убедительно показывает необходимость переосмысления ценностей, лежащих в основе общественного производства. С одной стороны, с ростом экономики связывают и рост благосостояния общества, с другой – происходит и увеличение антропогенной нагрузки на биосферу и среду жизнедеятельности человека, из-за чего страдает качество жизни. Рост производства, в свою очередь, нацелен на удовлетворение возрастающих потребностей общества, что приводит к нерациональному потребительскому поведению в обществе (сверхпотреблению). «Разрыв» этого замкнутого круга видится в нравственных моделях производства и потребления, формировании идеологии коэволюции человека и природы, разумных потребностей человечества.

Обозначенные формы функционирования культуры устойчивого развития неразрывно связаны друг с другом и представляют собой единой целое.

Ключевым «механизмом» устойчивого развития выступает образование как системообразующая основа культуры. На рынке образовательных услуг в России, по данным ESG-центра ВШБ НИУ ВШЭ и Национального ESG-альянса, предлагается более 650 программ обучения в области устойчивого развития.

Значимая просветительская роль в формировании культуры устойчивого развития должна принадлежать и академической науке, представляющей собой авторитетную часть общества, чья ментальность и глубинная идеология во многом способствует формированию институтов. По данным социологических исследований ВолНЦ РАН об отношении населения к действующим в стране общественным структурам и институтам власти в 2024 году 42% жителей Вологодской области оказали доверие научным организациям (в 2018 году – 32,8%). Обладая компетентными знаниями, полученными по результатам собственных исследований, научное сообщество является проводником идеи коэволюционной стратегии развития общества и природы.

Формирование культуры устойчивого развития возможно посредством предлагаемого автором институционального механизма, разработанного на основе системного подхода к подготовке кадров высшей квалификации на базе функционирующего в Вологодском научном центре РАН Научно-образовательного центра (*рис. 1*).

Предлагаемый механизм формирования культуры устойчивого развития основан на процессе обучения в аспирантуре ВолНЦ РАН, его отличительные особенности представлены в статье автора [6], а также регламентирован нормативно-правовой базой. Обозначим процессы по его усовершенствованию с целью внедрения практики по формированию культуры устойчивого развития. Ключевой особенностью процесса являются мероприятия, разработанные с учетом комплексной социоестественной особенности экологии (как биологическое и социальное знание) и направленные на формирование личности, обладающей культурой устойчивого развития.

Таким образом, в условиях новой реальности культура устойчивого развития может способствовать нивелированию текущих кризисов глобального и национального происхождения и обеспечить устойчивость экономической системы на основе комплексного общественного мировоззрения, в то время как недостаток культурных установок порождает многочисленные проблемы современности: экономические, экологические, социальные и др. При этом крайне важно понимать, что формирование культуры устойчивого развития – это неотъемлемая составляющая и залог успешной адаптации экономики российских регионов к современным вызовам.

Рис. 1. НОЦ как институциональный механизм формирования культуры устойчивого развития

Источник: составлено автором.

Библиографический список

1. Гончарова К.С. (2022). Институциональные механизмы адаптации населения в контексте интеграции современных подходов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 5. С. 98–125. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-5-98-125
2. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. (2000). Экологический вызов и устойчивое развитие. Москва: Прогресс-Традиция. 401 с.
3. Acemoglu D., Laibson D., List J. (2019). Economics, Global Edition.
4. Мамедов О.Ю. (2025). Десять классических принципов политико-экономического анализа (републикация) // Вопросы политической экономии. № 2 (42). С. 46–58. DOI: 10.5281/zenodo.15497218
5. Мамедов Н.М. (2021). Концепция устойчивого развития: глобальное видение и российская действительность // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. Т. 2. № 1.
6. Бабич Л.В. (2019). Системный подход в подготовке кадров высшей квалификации – важнейшее направление государственной политики в области развития человеческого капитала // Вестник высшей школы. № 4. С. 22–30

Информация об авторе

Бабич Любовь Васильевна – кандидат экономических наук, первый заместитель директора, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lvbabich@volnc.ru)

Babich L.V.

FORMATION OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT CULTURE IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES

Abstract. *The socioeconomic development of Russia and its regions in the current context faces a number of challenges, both global and national. An adequate response to these challenges can be the application of sustainable development principles within the framework of state spatial policy. A fundamental factor in the successful adaptation of regional economies is a sustainable development culture, the development of which should be fostered, among other things, by academic science.*

Keywords: *contemporary challenges, culture of sustainable development, research and educational center.*

Information about the Author

Lyubov V. Babich – Candidate of Sciences (Economics), first deputy director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lvbabich@volnc.ru)

References

1. Goncharova K.S. (2022). Institutional mechanisms for population adaptation in the context of the integration of modern approaches. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 5, 98–125.
2. Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S. (2000). Environmental challenge and sustainable development. Moscow, Progress-Tradition.
3. Acemoglu D., Laibson D., List J. (2019). Economics, Global Edition.
4. Mamedov O.Yu. (2025). Ten Classical Principles of Political-Economic Analysis (Republication). *Journal Problems of Political Economy*, 2(42), 46–58.
5. Mamedov N.M. (2021). The concept of sustainable development: global vision and Russian reality. *Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice*, 2(1).
6. Babich L.V. (2019). Systematic approach in training of highly qualified scientific personnel as key direction of state policy in the field of human capital development. *Vestnik Vysshei Shkoly*, 4, 22–30.

ПРАКТИКИ КОРПОРАТИВНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: АНАЛИЗ ЗНАЧИМОСТИ ДЛЯ МОЛОДЫХ РАБОТНИКОВ

Аннотация. *Исследование посвящено изучению позиции и ожиданий молодых сотрудников регионов в отношении семейноориентированной поддержки работодателей. По результатам социологического опроса (n = 856) выявлено, что такие меры воспринимаются как значимые и повышающие привлекательность работодателя.*

Ключевые слова: *корпоративная демографическая политика, семейная политика, работодатель, молодые сотрудники, семейноцентричность.*

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 241800854, <https://rscf.ru/project/241800854/>.

В России государство активно развивает курс на формирование семейноцентричного общества, ориентируя все сферы на укрепление института семьи как основы сохранения человеческого капитала¹. В процесс вовлечены различные заинтересованные стороны: органы управления, образования, общественные структуры и бизнес. На экономических форумах объявлены инициативы по оценке вклада компаний в демографическую повестку (ЭКГ² и КПД³-рейтинги), которые также предусматривают государственную поддержку лидеров рейтингов [1]. Также разрабатываются стандарты корпоративной демографической политики, фиксирующие лучшие практики поддержки работников и их семей [2].

Тема включения бизнеса в поддержку государственной демографической политики активно разрабатывается как зарубежными (Fore, Kim и др. [3, 4]), так и отечественными исследователями: Т.К. Ростовская, А.П. Багирова, О.М. Шубат, А.С. Вавилова и др. [5–7].

Молодежь (18–35 лет) рассматривается как ключевой ресурс, способный изменить негативные демографические тенденции. В этих условиях меры, направленные на поддержку семей, становятся не только инструментом социальной ответственности бизнеса, но и важным элементом кадровой политики компаний в новых демографических и экономических реалиях.

Цель данной статьи – определить перспективность и востребованность практик корпоративной поддержки семей для молодых сотрудников региональных компаний в контексте новых реалий взаимодействия бизнеса и государства по вопросам формирования семейноцентричности.

Осенью 2024 года был проведен онлайн-опрос трудоспособного населения трех федеральных округов (СЗФО, УрФО, СибФО), в ходе которого были собраны данные от 2520 респондентов, 856 из которых были молодыми людьми в возрасте от 18 до 35 лет. Соотношение мужчин и женщин – 42,5% к 57,5%. Средний возраст респондентов составил 29 лет, медианный – 30 лет. Половина опрошенных состоит в зарегистрированном браке, 60% на момент исследования имеют детей. Для анализа были выделены четыре группы по критериям наличия и планирования детей. Рассматривался круг вопросов, посвященный, с одной стороны, оценке мер поддержки с точки зрения полезности для работников и повышения привлекательности работодателя, с другой – мнению респондентов о работодателе.

По результатам исследования большинство респондентов считают, что работодатель должен поддерживать сотрудников с детьми. Группы респондентов с детьми и/или планирующие их поддерживают эту идею в 86% случаев, тогда как бездетные и не планирующие детей – 44%. По степени полезности мер ответы опрошенных разнятся (табл. 1).

¹ Совмещение карьеры и семьи – успех демографической и кадровой политики России // Национальные приоритеты. URL: <https://xn--80aapampremcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/semiya/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F%202024.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

² Будут люди – будет бизнес: стратегическая мотивация для частных инвестиций в демографию // ПМЭФ. URL: <https://forumspb.com/programme/business-programme/104236/> (дата обращения: 20.07.2025).

³ На ПМЭФ презентовали первый КПД-рейтинг компаний по поддержке демографии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24277733> (дата обращения: 15.08.2025)

Таблица 1. Оценка мер с точки зрения их полезности для семьи

Группа респондентов	Полезная мера поддержки	Комментарий
Есть дети, Не планируют больше детей	Оплата отдыха и лечения членов семьи, выплат к началу учебного года, возможность удаленного режима работы и консультирование о доступных мерах поддержки.	Выбирают чаще меры материального и организационного характера.
Есть дети, планируют еще детей	Дополнительные отпуска и нефиксированный режим работы, оплата отдыха и лечения членов семьи, выплаты до достижения трех лет ребенка и к началу учебного года.	Проявляют интерес к гибкости работодателя и предоставлению дополнительного свободного от работы времени. Среди приоритетных материальных мер – адресные выплаты.
Нет детей, планируют детей	Оплата отдыха и лечения членов семьи, скидки на продукцию компании.	Выбирают уже знакомые меры, связанные с дополнительным свободным временем и меры поддержки, имеющие более широкий охват и не ограниченные вопросами только помощи детям сотрудников.
Нет детей, не планируют детей	Оплата отдыха и лечения членов семьи, скидки на продукцию компании, дополнительные выходные по семейным обстоятельствам, психологические консультации и помощь в уходе за родственниками.	Демонстрируют наибольший скепсис: практически половина респондентов считают меры бесполезными. Эти участники опроса выделяют значимость материальной поддержки, направленной на укрепление здоровья семьи работника, повышение семейного благополучия, обеспечению баланса между работой и личной жизнью.
Источник: составлено авторами.		

В ходе анализа установлено, что меры поддержки высоко оцениваются респондентами с точки зрения укрепления имиджа работодателя – более 80% отметили их положительное влияние на привлекательность компании. Наибольший отклик вызывают помощь в приобретении жилья, ДМС, а также материальные выплаты семьям с детьми. Группы респондентов с детьми и/или планирующие их ценят гибкие условия труда, помощь при расширении семьи и меры для детей, а также поддержку в переходе к родительству. Участники опроса, которые не имеют детей и не планируют, считают работодателя привлекательным как при реализации универсальных мер поддержки, не связанных с детьми (скидок на продукцию компании, поддержки в уходе за членами семьи), так и при реализации «детских» мер (выплат семьям с детьми до 3-х лет, новогодних подарков детям).

По результатам исследования, отношение к работодателю, реализующему меры поддержки семей с детьми, между группами различается. Так, работники с детьми и/или планирующие их воспринимают такие меры как создание комфортных условий труда, проявление заботы и разделение семейных ценностей, а также способ облегчить родительский труд и дать уверенность в будущем. Респонденты отмечают снижение страха потери работы и снижения страха трудностей при рождении детей. Однако респонденты, которые не имеют детей и не планируют их, чаще считают такие меры попыткой работодателя получить бонусы от государства и показывают безразличие и раздражение по поводу того, что семейные коллеги, по их мнению, получают незаслуженные преимущества.

Корпоративные меры поддержки семей становятся частью кадровой стратегии, влияющей на удержание работников и имидж работодателя, особенно среди молодых сотрудников. Большинство из них признают значимость таких мер, что подтверждает наличие запроса на закрепление семейноориентированных практик в бизнес-среде. При этом респонденты оценивают полезность в зависимости от семейного статуса: чем выше семейная нагрузка, тем сильнее ожидания от работодателя; бездетные чаще остаются нейтральны. Поддержка работодателя усиливает у семейных работников чувство значимости и формирует привлекательный имидж компании с точки зрения социальной ответственности. Результаты исследования подтверждают необходимость развития адресных мер поддержки и расширения мер для построения семейноцентричного общества.

Библиографический список

1. Багирова А.П., Нешатаев А.В. (2024). Российский работодатель как потенциальный субъект влияния на демографическую ситуацию в регионе // Журнал экономической теории. Т. 21. № 2. С. 268–285.
2. Тонких Н.В., Чудиновских М.В., Бегичева С.В. (2024). Интеграция гибких инструментов корпоративной демографической политики в систему управления персоналом // Управление. Т. 15. № 5. С. 87–102.
3. Fore H. (2019). Family-friendly policies benefit all of us. Here are 4 ways to boost them? *Materials of World Economic Forum*. Available at: www.weforum.org/agenda/2019/07/4-ways-to-build-family-friendly-policies-parental-leave/ (accessed: 20.09.2025).
4. Kim J.S., Faerman S.R. (2013). Exploring the relationship between culture and family-friendly programs (FFPs) in the Republic of Korea. *European Management Journal*, 31, 5, 505–521.
5. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 151–164.
6. Багирова А.П., Вавилова А.С. (2021). Корпоративная демографическая политика: оценки и возможности // Human Progress. Т. 7. № 2. С. 1–12.
7. Шубат О.М., Багирова А.П., Янь Д. (2022). Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // Экономика региона. Т. 18. № 4. С. 1121–1134.

Информация об авторах

Ася Сергеевна Вавилова – кандидат экономических наук, доцент, младший научный сотрудник, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19); доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56; e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru).

Анастасия Андреевна Радишевская – аспирант, лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.a.tobysheva@urfu.ru)

Vavilova A.S., Radishevskaya A.A.

PRACTICES OF CORPORATE SUPPORT FOR DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT: AN ANALYSIS OF THE IMPORTANCE FOR YOUNG WORKERS

Absract. The study is devoted to the study of the position and expectations of young employees of the regions in relation to family-oriented support from employers. According to the results of a sociological survey ($n = 856$), it was revealed that such measures are perceived as significant and increase the attractiveness of the employer.

Keywords: corporate social responsibility, corporate demographic policy, young employees, family-centricity.

Information about the Authors

Asya S. Vavilova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Junior Researcher, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation); Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management «NSUEM» (56, Kameenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation; e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru)

Anastasia A. Radishevskaya – graduate student, Junior Researcher, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: a.a.tobysheva@urfu.ru)

References

1. Bagirova A.P., Neshataev A.V. (2024). The Russian employer as a potential subject of influence on the demographic situation in the region. *Journal of Economic Theory*, 21, 2, 268–285.
2. Tonkikh N.V., Chudinovskikh M.V., Begicheva S.V. (2024). Integration of flexible tools of corporate demographic policy into the personnel management system. *The manager*, 15, 5, 87–102.
3. Fore H. (2019). Family-friendly policies benefit all of us. Here are 4 ways to boost them? *Materials of World Economic Forum*. Available at: www.weforum.org/agenda/2019/07/4-ways-to-build-family-friendly-policies-parental-leave/ (accessed: 20.09.2025).
4. Kim J.S., Faerman S.R. (2013). Exploring the relationship between culture and family-friendly programs (FFPs) in the Republic of Korea. *European Management Journal*, 31, 5, 505–521.
5. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Bagirova A.P. (2021). The concept of corporate demographic policy of Russian organizations in the context of business social responsibility. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 14, 5, 151–164.
6. Bagirova A.P., Vavilova A.S. (2021). Corporate demographic policy: assessments and opportunities. *Human Progress*, 7, 2, 1–12.
7. Shubat O.M., Bagirova A.P., Yan D. (2022). Corporate policy focused on employee families: potential for implementation in Russian regions. *The economy of the region*, 18, 4, 1121–1134.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В работе представлены основные аспекты социокультурного подхода к анализу гражданского общества. Обозначено наличие регионального гражданского общества. Показана и проанализирована роль такого фактора как доверие. Исследование выявило барьеры для функционирования регионального гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, регион, региональное гражданское общество, социокультурный подход, ценности, доверие, барьеры развития.

Проблематика гражданского общества в последние годы не звучит в публицистике с высоких трибун так активно, как еще несколько лет назад. Тем самым создается впечатление, что интерес к теме падает, если не исчезает. Однако, на наш взгляд, происходит иной процесс – перемещение данной тематики на научный уровень. Исследователи рассматривают данный феномен с разных методологических позиций [1]. Завоевывает свое место и социокультурный интегративный подход, позволяющий рассматривать социальные процессы с учетом культурных и цивилизационных особенностей.

Социокультурный анализ, основы которого заложены еще П. Сорокиным, дает возможность выйти за границы отдельных социальных наук. У подхода есть свои социально-философские и общетеоретические предпосылки. Опираясь на социокультурный подход, можно взглянуть на гражданское общество как на форму организации социальной жизни или же, как на результат процесса системообразования, являющегося итогом длительного эволюционного пути. У современных авторов наиболее полно этот подход представлен в творчестве Ю.М. Резника [2].

Выделенный нами подход для исследования гражданского общества позволяет рассматривать его как особую область социального пространства, что позволяет не только выделить рамки гражданского общества, но и дистанцировать его от других сфер социума. В этом контексте гражданское общество – это та сфера, где происходит, с одной стороны, воздействие на власть, а с другой – реализуется специфическое управление самого гражданского общества. Ее отличительные черты – полиархичность и независимость, а также активная гражданская позиция субъектов как базовое основание.

Данный подход актуален, поскольку гражданское общество всегда формируется и функционирует в определенных социокультурных условиях, создающих предпосылки возникновения гражданского общества. К их числу можно отнести культурную связь с территорией, проявляющую себя в региональной идентичности, солидарности жителей региона и их территориальных интересах. Важную роль играют социальное самочувствие, сложившаяся система ценностей, сформировавшийся между социальными субъектами уровень межличностного и институционального доверия. Обратим свое внимание на такую характеристику социума как доверие.

Доверие и гражданское общество тесно взаимосвязаны – они взаимно поддерживают и усиливают друг друга. Представляя собой совокупность социально обоснованных и подтвержденных ожиданий со стороны одних индивидов в отношении других индивидов, организаций, учреждений, норм и правил, составляющих фундаментальное содержание жизни, доверие поддерживает устойчивость и интегрированность общества [3, с. 157].

Доверие придает миру вокруг нас предсказуемость. Это особый механизм, который позволяет нам выстраивать круги общения от дружеских и семейных связей до формальных организаций и институтов. Благодаря социальному доверию укрепляются устоявшиеся представления и ментальные модели. Это, в свою очередь, способствует взаимопониманию между разными группами людей.

Доверие помогает субъектам гражданского общества не только институционализировать свое социальное пространство, но и уменьшать уровень неопределенности. Именно поэтому важной исследовательской задачей становится изучение ситуации обобщенного доверия в регионе (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Кому вы можете доверять?», % от числа ответивших

Вариант ответа	2010	2016	2020	2025
В наше время никому нельзя доверять	26,1	21,6	20,5	24,4
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,6	52,3	52,9
Большинству знакомых людей можно доверять	12,8	15,7	18,8	14,0
Большинству, всем людям можно доверять	2,3	5,3	7,3	8,6
Источник: здесь и далее использованы данные Мониторинга общественного мнения, проводимого в Вологодской области. Приведены данные опроса за апрель 2025 года. Выборка репрезентативная, квотированная по полу, возрасту, типу поселения. Опрашивались люди в возрасте старше 18 лет. Объем выборочной совокупности составляет 1500 человек.				

Основную массу жителей области можно отнести к тем, кто готов проявить осторожность. Соответственно, доверие они распространяют прежде всего на свое ближнее окружение, которое составляет устойчивый круг доверия. Полученные данные говорят о сохранении определенного уровня социальной стабильности. Это та среда, где возникают структуры гражданского общества. Вторым важным условием существования гражданского общества является информированность о деятельности его структур и доверие к ним (табл. 2, 3).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы о деятельности в Вологодской области некоммерческих (общественных) организаций (регионального отделения партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций, обществ и т. д.)?», %

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Лично сталкивался, определенно знаю	14,3	15,2	13,2	14,0
Что-то слышал	33,6	41,7	37,1	37,3
Ничего не знаю	33,3	30,8	37,6	34,6
Затрудняюсь ответить	18,8	12,3	12,1	14,1

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Доверяете ли Вы общественным организациям?», %

Вариант ответа	2016	2020	2023	2025
Полностью и в основном доверяю	24	29	39	37
Полностью и в основном не доверяю	76	71	61	63

Недостаточный уровень доверия НКО порождает проблемы, которые ограничивают его развитие и эффективность. Основные из них связаны с низкой гражданской активностью, дефицитом доверия, ресурсными ограничениями и организационными и институциональными барьерами. По мнению респондентов существуют значительные препятствия для работы НКО (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Какие препятствия Вы считаете главными для общественной активности и проявления людьми своей гражданской позиции?», %

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Безразличие к общим делам, индивидуализм	36,7	31,3	35,2	34,6
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	31,9	36,1	37,1	35,4
Отсутствие способности к организации	22,1	30,1	27,2	26,5
Недостаток времени, чрезмерная занятость	34,5	36,9	28,7	32,5
Недостаток знаний, некомпетентность	31,0	32,6	27,9	30,0
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	24,3	39,4	20,8	26,7
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	12,1	10,1	13,0	12,0
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	19,3	20,7	11,4	16,1
Другое	0,2	1,0	0,4	0,5
Затрудняюсь ответить	23,6	18,9	34,4	27,3

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что доверие – это ресурс гражданского общества, который, в свою очередь, представляет собой механизм воспроизводства доверия. Их взаимосвязь носит циклический характер. Это выражается в облегчении самоорганизации граждан, а успешные инициативы укрепляют доверие к людям и институтам. При этом для развития обеих сфер важны как прозрачность государственных и общественных институтов, так и возможность личного участия в принятии решений, позитивные примеры сотрудничества, которые становятся общественными нормами.

Библиографический список

1. Штомпка П. (2012). Доверие – основа общества. Москва: Логос. 445 с.
2. Резник Ю.М. (1998). Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. 1. Москва: МГСУ «Союз». 167 с.
3. Гужавина Т.А. (2014). Доверие и его роль в модернизационном развитии региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (35). С. 156–172.

Информация об авторе

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Guzhavina T.A.

A SOCIOCULTURAL APPROACH TO THE STUDY OF CIVIL SOCIETY

Abstract. *The paper presents the main aspects of the socio-cultural approach to the analysis of civil society. The presence of a regional civil society is indicated. The role of such a factor as trust is shown and analyzed. The study identified barriers to the functioning of regional civil society.*

Keywords: *civil society, region, regional civil society, socio-cultural approach, values, trust, barriers to the development of civil society.*

Information about the Author

Tatiana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophical), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

References

1. Sztompka P. (2012). Trust as the foundation of society. Moscow: Logos.
2. Reznik Yu.M. (1998). Civil society as a phenomenon of civilization. Part 1. Moscow: MGSU «Soyuz» Publishing House.
3. Guzhavina T.A. (2014). Trust and its role in the modernization development of a region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5(35), 156–172.

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей поведения молодежи на рынке труда, что актуализируется проблематикой обострения дефицита кадров в экономике России. На основании анализа научных работ отечественных ученых и собственных исследований выявлены позитивные и негативные проявления поведения молодежи на рынке труда. Предложены мероприятия, направленные на устранение отрицательных проявлений поведения молодых людей.*

Ключевые слова: *труд, трудовые ресурсы, рынок труда, молодежь, поведение молодежи.*

В настоящее время одной из самых острых проблем отечественного рынка труда является дефицит трудовых ресурсов, наиболее выраженный в его молодежном сегменте. Сложившиеся трудности обусловлены неблагоприятной демографической ситуацией, имевшей место в 1990-е гг. В результате наблюдается заметное уменьшение доли молодежи в структуре занятых и безработных.

По данным статистики структура рабочей силы по возрастным группам за десятилетний период 2014–2024 гг. существенно меняется в пользу «старшего» поколения: в возрастной группе 15–19 лет сокращение составило 0,2 п. п. (с 0,8% в 2014 году до 0,6% в 2024 году), 20–24 года – 3,3 п. п. (с 8,5 до 5,2%), 25–29 лет – 5,7 п. п. (с 14,5 до 8,8%), 30–34 года – 0,2 п. п. (с 13,5 до 13,3%). Изменения произошли и в структуре занятого населения: в возрастной группе 15–19 лет сокращение составило 0,1 п. п. (с 0,6 до 0,5%), 20–24 года – 2,9 п. п. (с 7,8 до 4,9%), 25–29 лет – 5,7 п. п. (с 14,5 до 8,8%), 30–34 года – 0,4 п. п. (с 13,6 до 13,2%). Даже в структуре безработных, где традиционно молодежь является наиболее уязвимой категорией на рынке труда, происходит снижение доли безработных: в возрастной группе 15–19 лет сокращение составило 0,3 п. п. (с 4,1 до 3,8%), 20–24 года – 4,5 п. п. (с 20,3 до 15,8%), в группе 25–29 лет – 5,6 п. п. (с 15,9 до 10,3%). Лишь в группе 30–34 года отмечается тенденция роста на 1,4 п. п. (с 12,5 до 13,9%).

Таким образом, экономическая и социальная целесообразность актуализации проблематики положения молодежи на рынке труда и исследование особенностей ее поведения в настоящее время весьма высока.

На основании обобщения исследований отечественных и зарубежных ученых, посвященных изучению особенностей современной молодежи, специфики трудовых ценностей и мотивов трудового поведения [1, 2, 5, 6, 7], а также исследований, проведенных при участии автора [3, 4], были выделены следующие особенности поведения молодежи на рынке труда:

- ориентация на трудовую и территориальную мобильность;
- приоритетное значение при выборе профессии имеет индивидуальный и удаленный характер работы, а также гибкие режимы трудовой деятельности;
- профессиональная гибкость, обучаемость, развитие «soft skills» и цифровые навыки;
- ориентация на творческую и инновационную деятельность;
- высокая значимость наличия на рабочем месте современной техники и технологий;
- ориентация на материальное благополучие, в противовес желанию больше трудиться и прикладывать усилия;
- приоритет индивидуальных ценностей над коллективными, а также личного успеха в противовес коллективному;
- инфантилизм по отношению к труду, что во многом является результатом обесценивания труда в структуре жизненных ценностей молодежи;
- ориентированность на собственные интересы и свободу действий;
- не готовность нести ответственность, склонность к зависимости;
- неприятие положений корпоративных норм и организационных правил.

Таким образом, выявленные особенности поведения молодежи на рынке труда носят как позитивный, так и негативный характер, что обосновывает целесообразность разработки комплекса мероприятий, направленных на устранение отрицательных проявлений поведения молодых людей. Среди таких мероприятий нами предлагаются следующие:

1) Повышение значимости труда в структуре жизненных ценностей, что необходимо реализовать в рамках социальной политики государства. Здесь важна работа по переформатированию культуры как социального института на повышение значимости трудовой деятельности, а не досуговой; традиционных ценностей, сохранение культурного наследия и идентичности народов России.

2) Трансформация модели профессионального поведения, а именно: устранение логической цепочки «материальное благополучие зависит от удачи и не требует образования», внедрение – «материальное благополучие зависит от уровня образования, трудовых достижений и профессионализма». Это позволит сформировать понимание среди представителей всех поколений, что материальное благополучие обеспечивается профессиональной компетентностью.

3) Активизация воспитательной функции во всех образовательных учреждениях России, начиная от дошкольных и завершая высшими. В рамках данной работы важно сохранить культурные традиции и нравственные основы в условиях научно-технологического прогресса; сформировать этическую компетентность и критическое отношение к информации; развивать духовные способности (созерцание, творчество, сопереживание) для нравственного роста.

4) Модернизация кадровых политик, корпоративной культуры и систем мотивации с учетом необходимости развития коммуникативности, коллективизма и ориентации на командные цели.

Библиографический список

1. Андрианова Е.В., Тарасова А.Н., Печеркина И.Ф. (2018). Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг. № 3 (145).
2. Гонская Е.С. (2021). Проблемы трудоустройства современной молодежи // Инновационная наука. № 6.
3. Дашкова Е.С. (2025). Особенности мотивации и стимулирования труда молодых работников: кейс организаций индустрии гостеприимства // Экономика труда. Т. 12. № 9. С. 1349–1362. DOI: 10.18334/et.12.9.123787.
4. Дашкова Е.С., Трубникова О.М., Хромов Н.И. (2024). Особенности трудовой мотивации работников поколения Z // Современная экономика: проблемы и решения. № 1. С. 59–70. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/1/59-70
5. Зинич А.В. (2023). Молодежь на рынке труда: влияние цифровизации и неопределенности мира профессий // Экономика труда. Т. 10. № 9. С. 1353–1366. DOI: 10.18334/et.10.9.119190
6. Радаев В.В. (2018). Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
7. Сигитова М.А., Филиппова К.В. (2021). Ключевые особенности молодежи, определяющие поведение на рынке труда // Общество: социология, психология, педагогика. № 8 (88).

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Дашкова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Воронежский государственный университет (Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1; e-mail: office@main.vsu.ru)

FEATURES OF YOUTH BEHAVIOR IN THE LABOR MARKET: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract. *The article is devoted to the study of the peculiarities of youth behavior in the labor market, which is relevant due to the growing shortage of personnel in the Russian economy. Based on the analysis of scientific works by Russian scientists and own research, the article identifies positive and negative aspects of youth behavior in the labor market. The article proposes measures aimed at eliminating the negative aspects of youth behavior.*

Keywords: *labor, labor resources, labor market, youth, youth behavior.*

Information about the Author

Ekaterina S. Dashkova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of the department, Voronezh State University (1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: office@main.vsu.ru)

References

1. Andrianova E.V., Tarasova A.N., Pecherkin I.F. (2018). Motives and Labor Values of Youth: Paradoxes of Development. *Monitoring*, 3(145)
2. Gonskaya E.S. (2021). Problems of Employment of Modern Youth. *Innovative Science*, 6.
3. Dashkova E.S. (2025). Features of Motivation and Incentives for Young Workers: A Case Study of Hospitality Industry Organizations. *Labor Economics*, 12, 9, 1349–1362. DOI: 10.18334/et.12.9.123787
4. Dashkova E.S., Trubnikova O.M., Khromov N.I. (2024). Features of Labor Motivation of Generation Z Employees. *Modern Economy: Problems and Solutions*, 1, 59–70. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/1/59-70
5. Zinich A.V. (2023). Youth in the Labor Market: The Impact of Digitalization and the Uncertainty of the World of Professions. *Labor Economics*, 10, 9, 1353–1356, DOI: 10.18334/et.10.9.119190
6. Radaev V.V. (2018). Millennials in the Background of the Previous Generations: Empirical Analysis. *Sociological Research*, 3, 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
7. Sigitova M.A., Filippova K.V. (2021). Key Features of Youth Determining Behavior in the Labor Market. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 8(88).

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу трансформационных процессов на российском рынке труда. Дана оценка влияния диверсификации форм занятости населения на трансформацию рынка труда. Оценены масштабы диверсификации форм занятости населения в ряде регионов Российской Федерации, выявлены положительные и отрицательные последствия данного процесса.*

Ключевые слова: *рынок труда, занятость населения, нестандартная занятость населения, диверсификация.*

Процесс диверсификации форм занятости населения развивается в экономике Российской Федерации уже достаточно продолжительное время. Факторы, вызывающие зарождение и распространение тех или иных форм занятости, рост их многообразия, сущностные и содержательные аспекты, положительные и отрицательные последствия масштабирования в экономике выступают объектом научного интереса многих российских ученых, не только специалистов по экономике труда, но и социологов, юристов и иных исследователей. При этом до настоящего времени в науке не сложилось единого подхода к пониманию сущностных и содержательных аспектов многих явлений и процессов, которые аккумулирует в себе процесс диверсификации форм занятости населения.

В настоящее время диверсификация форм занятости населения развивается достаточно активно в основном за счет появления моделей, возникающих под воздействием цифровизации экономики и внедрения технологий ИИ (платформенная занятость). Тем самым данный процесс оказывает определенное воздействие как на конъюнктуру рынка труда, так и на развитие трансформационных процессов на нем (*табл. 1*).

Таблица 1. Влияние диверсификации форм занятости населения на рынок труда

Положительный аспект влияния	Отрицательный аспект влияния
Усиление гибкости и адаптивности рынка труда	Снижение правовой и социальной защищенности работников
Расширение возможностей для трудоустройства, в том числе для лиц с низкой конкурентной позицией	Нестабильность трудовых отношений и доходов
Рост трудовой мобильности	Ухудшение условий труда
Расширение возможностей для привлечения высококвалифицированных работников	Ограничения по карьерному росту
Экономия на издержках	Ограничения по обучению и профессиональному развитию
Источник: составлено автором.	

Изучение процесса диверсификации форм занятости населения и его влияния на рынок труда и на экономику в целом осложнено отсутствием четкого определения (в т. ч. законодательного) многих нестандартных форм занятости, а также релевантной статистической информации о них. Поэтому основным источником данных выступают многочисленные эмпирические исследования.

При этом процесс диверсификации форм нестандартной занятости, в разрезе субъектов Российской Федерации, имеет существенную специфику, что определяет цель настоящего исследования, состоящую в изучении масштабов и особенностей развития данного процесса в Воронежской области и Донецкой Народной Республике (далее – ДНР). Для получения эмпирических данных использован метод экспертного опроса, при реализации которого было опрошено 72 эксперта в ДНР и 49 в Воронежской области [1].

По результатам опроса были сделаны следующие выводы:

- несмотря на существенные различия между исследуемыми регионами, значимых различий в процессе диверсификации форм занятости населения в исследуемых регионах не выявлено;
- в экономиках исследуемых регионов отмечаются стабильные масштабы распространения нестандартной занятости населения;
- в современных условиях доминирует добровольный выбор наемными работниками нестандартной занятости, а не принуждение к ней со стороны работодателей;
- работодатели все чаще внедряют нестандартную занятость, четко осознавая получаемые от этого преимущества;
- наиболее востребованными формами нестандартной занятости являются самозанятость, дистанционный труд и занятость по договору ГПХ.

Таким образом, процесс диверсификации форм занятости активно развивается в экономиках российских регионов, сопровождаясь как положительными, так и отрицательными эффектами и оказывая существенное влияние на трансформацию рынка труда.

Библиографический список

1. Дашкова Е.С., Дорохова Н.В., Петенко И.В., Бунтовская Л.Л., Балтачева Н.А. (2025). Региональные особенности диверсификации форм нестандартной занятости населения в новых экономических условиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 45–56.

Информация об авторе

Наталья Васильевна Дорохова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и основ управления, Воронежский государственный университет (Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: office@main.vsu.ru)

Dorokhova N.V.

TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN LABOR MARKET IN THE CONDITIONS OF DIVERSIFICATION OF EMPLOYMENT FORMS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of transformation processes in the Russian labor market. The impact of diversification of employment forms on the transformation of the labor market is assessed. The extent of diversification of employment forms in a number of Russian regions is evaluated, and the positive and negative consequences of this process are identified.*

Keywords: *labor market, employment, non-standard employment, diversification.*

Information about the Author

Natalya V. Dorokhova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department of Labor Economics and Management Fundamentals, Voronezh State University (1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; email: office@main.vsu.ru)

References

1. Dashkova E.S., Dorokhova N.V., Petenko I.V., Buntovskaya L.L., Baltacheva N.A. (2025). Regional Features of Diversification of Non-Standard Employment Forms in the New Economic Conditions. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 1, 45–56.

ВОЗМОЖНОСТИ ТРУДОВОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ФРИЛАНС В РОССИИ

Аннотация. В материале, на основе эмпирических данных о причинах выбора тюменской молодежью ($n = 200$) фриланса в качестве формы организации своего труда, подтверждается, что потребность реализовать свои склонности и способности является одним из ключевых факторов.

Ключевые слова: Самореализация, фриланс, самозанятость, труд, занятость, молодежь.

Увеличение доли молодых людей, которые верят в возможности самореализации в России, является одной из задач, направленных на достижение национальной цели развития Российской Федерации «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» (на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года)¹. Реализация потенциала и талантов может осуществляться через трудовую деятельность. При этом, как пишут Н.П. Касаткина и Н.В. Шумкова, с хобби или интересом к определенному виду деятельности часто связан добровольный выбор такой формы организации труда как самозанятость [1, с. 215]. И.А. Владимиров и Е.В. Панферов также подтверждают популярность монетизации хобби через самостоятельную занятость по результатам собственного качественного исследования [2, с. 27].

Самозанятость подразумевает под собой самостоятельное обеспечение гражданами трудовой деятельностью и доходом. Большая часть таких работников занята в «сером» секторе экономики, не уплачивает налоги с получаемых доходов и сложно поддается подсчету. В целях институционализации и повышения регулирования государством данной формы организации труда с 2019 года действует специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход», который позволяет самозанятым легализировать свою деятельность (на сегодняшний день в России свыше 12 млн вставших на учет самозанятых). Их пул очень разнороден по своему составу – это и таксисты, и программисты, и доставщики, и переводчики, и др.

В особую группу самозанятых часто выделяют электронных фрилансеров (или просто фрилансеров) – независимых экспертов, занятых преимущественно интеллектуальным трудом, результатом которого часто является цифровой продукт [3, с. 30].

Если, в целом, самозанятость часто рассматривают как прекарную форму занятости (часто такие работники социально незащищены, а их деятельность нестабильна), то на электронных фрилансеров порой смотрят с большим оптимизмом как на высокопрофессиональных автономных экспертов. Так, Д. Пинк называет их «свободными агентами», которые благодаря своей независимости и работе с самыми разными заказчиками имеют большие возможности в достижении удовлетворения, успеха и благополучия, чем традиционные штатные работники (при условии, что «свободный агент» обладает ценными профессиональными навыками) [4].

В ходе опроса самозанятой молодежи г. Тюмень в возрасте от 14 до 35 лет ($n = 200$; выборка целевая), были получены данные, касающиеся причин выхода в самостоятельную занятость. Анализ данных показал, что выбор самозанятости обуславливают: потребность в гибком графике (для 75% опрошенных); потребность реализовать свои склонности и способности (также за счет монетизации хобби; 64%); потребность в независимости, нежелание иметь босса (61%).

Так как анкета не включала вопрос о профессиональной деятельности респондентов, для того чтобы выделить из всего пула опрошенных самозанятых электронных фрилансеров в качестве вопроса-фильтра мы будем использовать вопрос: «Ваша работа в качестве самозанятого больше соответствует: а) физическому (ручному); б) интеллектуальному труду». С определенными допущениями, респондентов, отметивших вариант «б», мы будем считать электронными фрилансерами. Их количество составило 119 человек.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента России. 07.05.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

При анализе ответов тех, кого мы отнесли к группе «электронных фрилансеров», мы получили похожую с общей группой «самозанятых» картину: основными причинами ухода в «свободное плавание» являются потребность в гибком графике (для 72%); потребность реализовать свои склонности и способности (59%); потребность в независимости, нежелание иметь босса (59%).

Таким образом, на основании эмпирических данных, было подтверждено, что потребность в самореализации является частой причиной выхода в фриланс и в самозанятость в общем. Через данную форму занятости молодые люди стараются реализовать свои склонности, способности, монетизируют хобби, которым им интересно заниматься. Следовательно, фриланс является перспективной формой организации труда для достижения самореализации. В целом, возможности трудовой самореализации через фриланс требуют дальнейшего изучения на более репрезентативных выборках.

Библиографический список

1. Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. (2019). Структура и функции молодежной самозанятости в регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. № 4. С. 407–414.
2. Владимиров И.А., Панферов Е.В. (2021). Самозанятость студентов на российском рынке труда как возможность творческой самореализации // Самоуправление. № 1 (123). С. 25–28.
3. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. (2015). Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам переписи фрилансеров). Вып. 16. Москва: НИУ ВШЭ. 225 с.
4. Pink D.H. (2001). Free Agent Nation: How Americans New Independent Workers Are Transforming the Way We Live. New York: Warner Books, Hachette Book Group.

Информация об авторе

Егор Игоревич Елышев – аспирант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: egorelishevigr@gmail.com)

Elyshev E.I.

OPPORTUNITIES FOR SELF-REALIZATION THROUGH FREELANCING IN RUSSIA

Abstract. *The material, based on empirical data on the reasons why Tyumen youth (n = 200) choose freelancing as a form of organizing their work, confirms that the need to realize one's inclinations and abilities is one of the key factors.*

Keywords: *self-realization, freelancing, self-employment, work, employment, youth.*

Information about the Author

Egor I. Elyshev – graduate student, Tyumen State University (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: egorelishevigr@gmail.com)

References

1. Kasatkina N.P., Shumkova N.V. Structure and functions of youth self-employment in the region. *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science*, 4, 407–414.
2. Vladimirov I.A., Panferov E.V. (2021). Self-employment of students in the Russian labor market as an opportunity for creative self-realization. *Self-government*, 1(123), 25–28.
3. Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. (2015). Development of the Russian-language remote work market, 2009–2014 (based on the results of the Freelancer Census). Issue 16. Moscow: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics.
4. Pink D.H. (2001). Free Agent Nation: How Americans New Independent Workers Are Transforming the Way We Live. New York: Warner Books, Hachette Book Group.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Аннотация. В работе показано, что постсоциалистическая ностальгия остается одной из характерных черт современного российского общества, затрагивая не только старшие поколения, но и молодежь. Обосновывается целесообразность изучения постсоциалистической ностальгии в терминах теории культурной травмы.

Ключевые слова: постсоциалистическая ностальгия, распад СССР, культурная травма, российское общество.

После распада СССР прошло более 30 лет, но современное российское общество все еще обращается к социалистическому прошлому, о чем свидетельствуют и данные социологических опросов населения. По оценкам ВЦИОМ за 2022 год, каждый второй россиянин убежден, что в СССР было больше хорошего (51%) и только 5% говорят об обратном, еще 38% полагают, что хорошего и плохого было поровну¹. Обнаруживается связь с возрастом: чем старше человек, тем выше он оценивает достоинства ушедшей эпохи. О преобладании позитивных моментов во времена СССР чаще говорят граждане, характеризующие свое материальное положение как плохое. Оценки ФГБУН ВолНЦ РАН, полученные на материалах опроса жителей Вологодской области в 2023 году, в значительной степени подтверждают общероссийскую картину [1]. Это свидетельствует о том, что социальное явление постсоциалистической ностальгии не утратило своей актуальности и сегодня.

Постсоциалистическая ностальгия представляет собой наблюдаемый в обществе феномен актуализации воспоминаний о советском периоде отечественной истории, а также конструирования коллективных представлений о нем как наиболее благоприятной для жизни эпохе и, вместе с тем, признании драматичности распада СССР, желании вернуть ряд аспектов социальной и экономической жизни, характерных для данного периода, или воссоздать его образ в том или ином виде. Постсоциалистическая ностальгия обнаруживалась не только в российском обществе, но в бывших странах социалистического лагеря, в частности в Польше, где, согласно исследованиям Д. Бартмански, ее провоцирующим фактором стал демонтаж материальных объектов (светофоры и неоновые вывески), созданных в период социалистического режима [2].

На наш взгляд, наиболее продуктивным методологическим основанием для исследования постсоциалистической ностальгии является теория культурной травмы, разработанная в конце 1990-х гг. коллективом социологов под руководством Дж. Александера (Р. Айерман, П. Штомпка, Н. Смелзер и др.). Заметную попытку применить данный подход к пониманию постсоциалистической ностальгии предпринял П. Штомпка, однако данное направление исследований и сегодня включает большой потенциал [3, 4].

Александр противопоставляет собственное понимание травмы традиционным интерпретациям – популярной и психоаналитической [5]. С его точки зрения, травма как социокультурный феномен является продуктом интеллектуальных усилий творческой интеллигенции, деятелей культуры, гражданских активистов (по Р. Айерману – интеллектуалов), а также реализации коммуникационных, политтехнологических схем правящих элит [6]. Культурная травма – это социокультурный процесс, инициированный пережитым сообществом (или его предками) драматическим инцидентом и состоящим в его интерпретации, осмыслении его важности для сообщества, что в конечном итоге приводит к перестройке идентичности группы.

¹ 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>

С этих позиций события начала 1990-гг. могут рассматриваться как культурная травма российского общества, а постсоциалистическая ностальгия – ее главный симптом. Драматическим инцидентом, предшествовавшим развитию постсоциалистической травмы, стал распад СССР, по праву именовавшегося последней в истории человечества империей [7]. Это повлекло за собой фундаментальные изменения в обществе, экономике и даже в международной геополитической обстановке. Важно, что распад СССР и падение берлинской стены в 1989 году ознаменовали собой закат одной из влиятельнейших идеологий XX века, представивших собой единственную на тот момент альтернативу либеральной демократии. Однако это явление само по себе не стало бы достаточным основанием для развития травмы без усилий «групп носителей» и «интеллектуалов», которые, обладая доступом к широкой аудитории и известными коммуникативными талантами, тем самым формировали общественное мнение.

Процесс травмы – это, по словам Дж. Александера: «Разрыв между событием и его репрезентацией» [5]. Иными словами, это то, как указанный инцидент (или его образ) транслируется референтной группе или обществу в целом. «Рупорами» постсоциалистической травмы стали представители как публичной власти (депутаты в составе КПРФ), так и гражданского общества. В качестве наиболее ярких представителей: А. Зиновьев, А. Проханов, которые в течение многих лет после распада СССР активно транслировали свои прокоммунистические взгляды в СМИ. Среди современных «интеллектуалов», также подпитывающих и пробуждающих в российском обществе (прежде всего среди молодежи) постсоциалистическую ностальгию, стоит отметить Д. Пучкова, А. Рудого, С. Васильева, К. Семина, которые ведут активную публицистическую деятельность в интернете, систематично отстаивая преимущества советского строя.

В российском обществе существуют и другие культурные травмы, как сопутствующие процессу постсоциалистической ностальгии, так и идущие с ней вразрез. Первая из них – травма Великой отечественной войны (драматический инцидент – ВОВ как событие, кардинально изменившее идентичность народа), вторую травму можно назвать «социалистической» (в этом случае драматическим инцидентом рассматривается революция 1917 года). Наибольший исследовательский интерес вызывают исследования того, каким образом конкурирующие травмы развиваются, подпитывая или, напротив, конфликтуя друг с другом, и каким образом заявления интеллектуалов, в том числе в контексте дискуссии с идеологическими противниками, влияют на целевую аудиторию и вызывают к жизни тоску по социалистическому прошлому, особенно среди молодого населения, не имеющего опыта жизни в тот период отечественной истории.

Библиографический список

1. Калашников К.Н. (2023). Постсоциалистическая ностальгия в современном российском социуме // Социальное пространство. Т. 9. № 2. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.9
2. Bartmansi D. (2011). Successful icons of failed time: rethinking post-communist nostalgia. *Acta Sociologica*, 54, 3, 213–231.
3. Штомпка П. (2001a). Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.
4. Штомпка П. (2001b). Социальное изменение как травма. Статья первая // Социологические исследования. С. 6–16
5. Александер Дж. (2013). Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. Москва: «Праксис». 640 с.
6. Айерман Р. (2013). Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. Т. 12. № 1. С. 121–138.
7. Гайдар Е.Т. (2006). Гибель империи. Уроки для современной России. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 448 с.

Информация об авторе

Константин Николаевич Калашников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

POST-SOCIALIST NOSTALGIA IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. *The paper shows that post-socialist nostalgia remains one of the characteristic features of modern Russian society, affecting not only the older generations, but also the youth. The expediency of studying post-socialist nostalgia in terms of the theory of cultural trauma is substantiated.*

Keywords: *post-socialist nostalgia, the collapse of the USSR, cultural trauma, Russian society.*

Information about the Author

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

References

1. Kalashnikov K.N. (2023). Post-Socialist Nostalgia in Contemporary Russian Society. *Social area*, 9(2). DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.9.
2. Bartmanski D. (2011). Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia. *Acta Sociologica*, 54(3), 213–231.
3. Sztompka P. (2001a). Cultural trauma in a post-communist society (article two). *Sociological Studies*, 2, 3–12.
4. Sztompka P. (2001b). Social change as trauma (article one). *Sociological Studies*, 6–16.
5. Alexander J. (2013). *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow: Praksis.
6. Eyerman R. (2013). Social theory and trauma. *Sociological Review*, 1(12), 121–138.
7. Gaidar E.T. (2006). *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКА И ВОЛОГДЫ

Аннотация. В статье анализируются причины различий в судьбах памятников деревянного зодчества Архангельска, где большая их часть оказалась утраченной либо находится в аварийном состоянии, и Вологды, нашедшей успешную модель сохранения и реставрации деревянных объектов культурного наследия. Делается вывод о социокультурных особенностях обоих городов, определяющих позицию общественности, власти и бизнеса в решении вопроса о судьбе деревянных объектов культурного наследия.

Ключевые слова: Вологда, Архангельск, социокультурные особенности, памятники деревянного зодчества, объекты культурного наследия, градозащитная активность, «Настоящая Вологда».

Благодарность

Работа выполнялась по заказу АНО МЦСЭИ «Леонтьевский центр» в рамках научного направления «Гений места и Дух времени».

Вологда и Архангельск одни из древнейших городов российского Северо-Запада, некогда почти полностью деревянные, но по-разному распорядившиеся своим архитектурным наследием.

Вологда смогла стать городом, который нашел эффективную модель сохранения, реставрации и контекстуальной презентации объектов деревянного зодчества, а также сформировал соответствующий дизайн-код нового строительства в историческом центре, для которого принят «малоэтажный» высотный регламент.

В Архангельске же ситуация едва ли не обратная. Степень сохранности деревянных зданий и мостовых в городе на Северной Двине оценивается как неудовлетворительная и самими горожанами, и внешними наблюдателями. В связи с этим группой регионально-цивилизационных исследований МЦСЭИ «Леонтьевский центр» была предпринята попытка сравнительного анализа восприятия жителями Архангельска и Вологды проблемы сохранения городского деревянно-архитектурного наследия. В качестве исследовательского метода был использован прием социокультурного портретирования, основанный на глобально-регионалистском подходе и включающий изучение научной и научно-популярной литературы, выборочный анализ пространства СМИ и сетевых ресурсов, а также наблюдение за повседневной и праздничной жизнью городов и углубленные беседы с их жителями [1].

Несмотря на то, что теме архангельского и вологодского деревянного зодчества посвящено немало научных работ [2, 3, 4], аспект отношения самих горожан к памятникам городской деревянной архитектуры специальному рассмотрению до сих пор не подвергался.

Исключением является статья М.А. Бахаревой и Е.С. Садовой [5], в которой, однако, подробно рассмотрен лишь вопрос о том, является ли вологодский «Том Соьер Фест», в ходе которого были отреставрированы два деревянных исторических здания, «третьим местом» в терминологии американского социолога Рэя Ольденбурга.

Как представляется, формирование сравнительно благоприятного социокультурного климата, в котором существуют памятники деревянного зодчества в Вологде, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, сыграло роль то обстоятельство, что в значительной степени под влиянием «писателей-деревенщиков» и, прежде всего, Василия Белова, у Вологды не сложилось «комплекса деревенской/деревянной неполноценности». Напротив, генетическая связь Вологды с окружающей ее «деревней» стала предметом особой гордости и культурного самосознания вологжан. Жители не стесняются говорить о своем городе как о «большой деревне»: «...Почти все наши информанты ощущают существование этого городского сообщества... Некоторые из них называли Вологду “большой деревней”, где все друг друга знают и со всеми знакомы» [5, с. 4].

Наталья Мелехина, журналист, писатель: «Вологду однозначно можно рассматривать как квинтэссенцию деревни. Вологда такой город, который рожден на [фундаменте] деревенской цивилизации. Есть очень интересное рассуждение об этом писателя Юрия Жукова. Он примерно в 1970–1980 гг. приехал сюда, чтобы понять, в чем заключаются причины Вологодского феномена в русской литературе. Почему Вологда в XX веке дала столько громких имен ведущих писателей: это и Фокина, и Рубцов, и Белов, и Астафьев, который сюда специально приехал, и Шукшин. Почему Вологда стала центром тяготения именно тех писателей, которых называют деревенщиками. Сами они не любили это слово, и я тоже к нему сложно отношусь. Но, тем не менее, факт остается фактом. Здесь снимали “Калину Красную”, на Вологодской земле. Здесь лучшие произведения написаны деревенской прозы. Здесь центр тихой лирики. И вот он приехал сюда, чтобы понять, в чем дело. И сделал вывод, что Вологда аккумулировала в себя выходцев из деревень, когда началось это великое переселение из деревень в города. И, придя сюда, они сохранили свою деревенскую культуру. И начали трансформировать ее в городских условиях... И люди, которые здесь живут, они по своему мироощущению и мироосознанию сохраняли эти деревенские архетипы. И отношение до сих пор к деревне в Вологде такое, знаете, как к цивилизации. Это фундаментальная вещь, на которой растет мироосознание, миропонимание вологжан. Хотя, казалось бы, уже столько поколений сменилось...»¹.

Наталья Боева, директор «Музея кружева»: «Налет деревенской жизни, он до сих пор в некоторых районах Вологды чувствуется. Вот где я сейчас живу, это бывший поселок Водники. Хотя там появляется новая застройка, но, если прогуляться по району, это прямо такая деревня-деревня: там двухэтажная деревянная застройка. Сохранилось очень много мест, где дворiki, котики, сиреньки, бабушки. Какие-то интересные личности, которые у подъезда просто сидят, живут свою лучшую жизнь. И это в разных уголках Вологды: и в центре, в центральной части, оно сохраняется»².

По мнению историка и археолога Александра Суворова, «деревенскость» ментальности вологжан сказывается в их некоторой градостроительной ограниченности: «У вологжан, в принципе, простые и такие примитивные представления о городских пространствах. Они везде хотят, побольше зелени чтобы было. Понятие “площадь” для них абсолютно чуждо. На Дворцовую площадь [вологжанам] смотреть неуютно: знаете, вот тут бы фонтанчик, а вот здесь бы кустиков, и лавочки обязательно, чтобы можно было посидеть»³.

Впрочем, по мнению автора книг о Вологде и экскурсовода Александра Сазонова, Вологда чисто эстетически «отделилась» от деревни еще на рубеже XVIII–XIX вв.: «Если, допустим, в середине XVII века городские и сельские избы были неотличимы друг от друга: подклет, жилая часть – хорома, хозяйственная, то уже с конца XVIII века деревянное зодчество Вологды приобрело свое лицо. Сначала мы подражали классицизму, который в конце XVIII – начале XIX вв. в каменном зодчестве развивался, и постепенно вышли на свой вологодский тип дома»⁴.

В итоге, как это ни парадоксально на первый взгляд, Вологда, благодаря своей глубинной связи с деревней, органически и творчески переработанной «на городской лад», смогла состояться как полноценный современный город. С местами не чуждой идеалам градозащиты политикой местных властей (притом еще с начала 1970-х гг.), с градозащитно отзывчивым бизнесом и, что самое главное, с активной и даже «агрессивной» (в оппозиционно-конструктивном смысле) «интеллигентской» общественностью.

Дарья Гуторова, краевед, экскурсовод: «Настоящая Вологда» существует с 2011 года. Я принимала участие в создании [этой организации], стояла у истоков, так сказать. Все началось со сбора подписей в защиту деревянного зодчества. Тогда мы собрали около трех тысяч подписей. И вот, возможно, благодаря этому градусу общественного мнения [полагавшего], что: “деревяшки – это ненужные гнилушки, их надо все сжечь и построить новые дома”, немножко я вздвинулась, [решила доказать] что, ух ты, у нас классное деревянное зодчество, давайте его сохранять, давайте реставрировать. Это было в 2010–2011 гг. До этого пытались бороться за сохранение деревянного зодчества, но как-то вяло. А тут собралась инициативная группа. Причем из молодежи тогда была только я, остальные люди уже за 35, наверное: Оля Смирнова, Саша Дуднев, Лена Смиренникова. И мы стали рассказывать, что у нас крутое деревянное зодчество»⁵.

¹ Полевые материалы авторов (ПМА). Наталья Мелехина.

² ПМА. Наталья Боева.

³ ПМА. Александр Суворов.

⁴ ПМА. Александр Сазонов.

⁵ ПМА. Дарья Гуторова.

Координатор движения «Настоящая Вологда» Ольга Смирнова: «В конце концов, начало меняться общественное мнение с: “Когда же снесут эти деревяшки?”, на “А как их сохранить?”»⁶.

Сравнивая ситуацию в Вологде и в Архангельске, Дарья Гуторова прямо называет роль активной градозащиты в качестве ключевого фактора в деле спасения памятников деревянного зодчества: «В Архангельске должны быть такие же градозащитники, как в Вологде. Чтобы дома реставрировали, чтобы нашлись меценаты на эти дома. Чтобы город развивал свой туристический потенциал. И я считаю, что у нас в городе все это во многом благодаря “Настоящей Вологде”. Потому что мы писали письма. Мы ходили, объясняли. Мы делали информационные посты. Лично я бросалась под ковш экскаватора. Ездила в отделение милиции (тогда еще). Писала заявления»⁷.

Журналист и издатель газеты «Бизнес-класс» Алексей Липницкий подтверждает мнение, высказанное вологодской градозащитницей: «С федерации и спрос небольшой, тут надо себе пеплом голову посыпать. Потому что градозащитного экспертного сообщества: историков, архитекторов, краеведов, к авторитетному консолидированному мнению которых бы прислушивались, к сожалению, нет, оно как-то рассыпалось. В Москве Лужков не церемонился с градозащитниками: что хотел, все равно все построил. А здесь, в Архангельске, как бы готовы были прислушиваться, но градозащитного движения сейчас нет, к сожалению»⁸.

Атмосфера, которую создали вологодские градозащитники, вовлекла в общее дело спасения деревянной архитектур людей из самых разных социальных и профессиональных слоев:

Заведующая литрезиденцией Елена Волкова: «Заслуга нашей власти в деле сохранения деревянного зодчества в том, что она не мешает меценатам и всячески их поддерживает. Я помню, когда Г.П. Якимов первый дом сдавал – Дом с лилиями. Я была тогда журналистом и на одной из планерок в высоких кабинетах сказали: «Завтра Якимов открывает дом после реставрации». Ответ был: «Ну и что?» Вот такое тогда было непонимание. Зато второй дом уже торжественно открывал глава города. А сейчас Герман Петрович – уже почетный гражданин Вологды. Так что инициатива шла и “изнутри”, от власти»⁹.

Наталья Мелехина: «Герман Якимов, предприниматель, который выкупает все эти дома, вот, мог бы он их не выкупать, а как-то иначе свой бизнес вести? Да, конечно, мог бы, и гораздо проще! Потому что столько возни... Даже дело не в том, что это дорого, дело в том, насколько это трудоемко. Кто-то скажет: “Я и за бесплатно это делать не буду”. А он [Якимов] уж занимается. И это идет “снизу”, потому что настал какой-то такой момент, когда стало понятно: мы можем вообще без деревянных домов остаться, потому что их разжигали... [И в итоге к общему градозащитному делу подключились] совершенно разные люди. Допустим, Александр Иринеич Сазонов, писатель, краевед, сейчас экскурсовод. Он когда начал эту тему поднимать, не был ни писателем, ни краеведом, ни экскурсоводом. Он был главой местной Антимонопольной федеральной службы – ФАС. Герман Якимов – предприниматель. Кто-то, кто начал это делать “снизу” [развивать градозащитную активность], это были, в том числе, просто люди с какими-то рабочими профессиями – рабочие, кружевницы, журналисты, те же писатели. Борьба за сохранение деревянной архитектуры – это пример самоорганизации»¹⁰.

Во-вторых, колоссальную роль в развитии романтизированного «деревянного самосознания и самоощущения» вологжан сыграла песня Б. Мокроусова и М. Матусовского «Вологда», исполненная ВИА «Песняры» в 1976 году и ставшая одним из главных советских хитов 1970–1990-х гг., превратившаяся в итоге в неформальный гимн г. Вологды. Ключевой смыслообразующей фразой песни стала строчка про «город, где резной палисад». И хотя резных палисадов в Вологде в 1970-х гг. уже практически не оставалось, именно эта строка явилась мощным триггером, сориентировавшим и городские власти, и общественность, и, позднее, бизнес на бережное и любовное отношение к «деревяннорезному» наследию города.

⁶ ПМА. Ольга Смирнова.

⁷ ПМА. Дарья Гуторова.

⁸ ПМА. Алексей Липницкий.

⁹ ПМА. Елена Волкова.

¹⁰ ПМА. Наталья Мелехина.

Говоря о причинах, по которым Архангельск оказался менее ментально и институционально готов к тому, чтобы сохранить большую часть своих памятников деревянного зодчества и разработать план по сбережению средовой деревянной застройки, необходимо выделить несколько факторов.

Во-первых, для архангелогородцев характерна не вполне сложившаяся общегородская идентичность, на фоне которой районная, островная и слободская идентичности выглядят как более укорененные и прочные. Об этом говорили практически все наши собеседники. Данное обстоятельство явилось фактором, снижающим способность и готовность жителей Архангельска к созданию активного и сплоченного градозащитного сообщества. Примечательно, что сами архангелогородцы видят в этом свое отличие от жителей Северодвинска, расположенного всего в 40 км.

Ирина Ефимова, фотограф: «В Северодвинске равнодушные граждане создали общество защиты Ягринского бора. Они ходят, сами периодически чистят пляж, чистят бор, пишут заявки на гранты, чтобы сделать там экотропы. Они работают на основной работе и, плюс ко всему этому, проводят бесконечное количество мероприятий. Например, когда были выпускные, они патрулировали Ягринский бор, чтобы там не жгли костры, не мусорили и так далее. Это как пример. Или сообщество “Тайбола”, с которым мы общаемся. Они рисуют муралы. Потрясающе совершенно!»¹¹.

Илья Верецагин, к. и. н., доцент кафедры философии и социологии САФУ: «В Северодвинске между Центральным универмагом и театром драмы был пустырь. Компания “Аквилон Инвест” приобрела у города этот участок. Назвали это инвестиционным проектом “Квартал 100”. Решили построить кучу домов. Местные жители Северодвинска категорически были против. Они выходили на митинги, собирали подписи. Хотели организовывать городской референдум. Правда, им никто не разрешил, но тем не менее. Они организовывали там даже какие-то городские праздники на этом пустыре, чтобы показать, что он им нужен: “Мы здесь гуляем, мы здесь отдыхаем. Нам не нужно застраивать это пространство огромными домами. Город от этого ничего не получит”. Да, они, конечно, не выиграли. Понятно – крупная компания, местная власть, все наплевали на протесты. Но то, что северодвинцы вот так выступили и действительно активно боролись, мне лично это говорит о том, что у них в Северодвинске идентичность крепкая. Хотя городу всего около 90 лет, его жители чувствуют свою самость. А у нас, в Архангельске, поскольку [в отличие от Северодвинска] одно поколение, одна группа сменяется совершенно другой, не вырастается эта самая идентичность...”¹².

Во-вторых, дефицит общегородской идентичности рождает своего рода «комплекс городской неполноценности», побуждающий, в свою очередь, Архангельск как можно скорее избавиться от своих «недогородских» деревенских/деревянных «одежд», к тому же полусгнивших и имеющих непрезентабельный вид. Весьма характерными в этой связи представляются рассуждения архитектора Ю.А. Барашкова: «Архангельск был самым большим деревянным городом в мире. Современный вид он принял не так давно, постепенно вылезая из деревенских одежд...Когда Хрущев приехал в Архангельск в 1962 году, он застал умирающий город. По итогам поездки в Москве было издано постановление об ускоренном развитии Архангельска. Это совпало с общей тенденцией архитектурно-строительной практики СССР... Город – это не только диалог поколений, но и диалог материалов. На смену дереву пришел камень. Процесс перерождения города из деревянного в современный продолжается по сей день. И чем быстрее это произойдет, тем лучше»¹³.

В-третьих, изменчивость как институциональное культурно-историческое качество Архангельска (о чем также говорили многие наши собеседники) представляет собой еще один фактор, ослабляющий приверженность горожан «старине» во всех ее обликах и повышающий готовность к обновлению.

¹¹ ПМА. Ирина Ефимова.

¹² ПМА. Илья Верецагин.

¹³ Григорьева А. Снести и забыть. Архитекторы – о судьбе «деревянного» Архангельска // 29.RU. URL: <https://29.ru/text/realty/2018/02/14/53519961/>

Владислав Дреко, экскурсовод: «Главная особенность Архангельска – это его изменчивость... Вот тут хотим, все вот наше, а потом не наше. Ворота в Арктику, блин, нет, не ворота в Арктику. Еще что-нибудь – и опять не наше. Мы всегда меняемся. То лесопилка, то порт, то джаз, то еще что-нибудь... Душа архангельская – любовь к изменчивости»¹⁴.

Илья Верещагин: «Город Архангельск меняется постоянно... В Архангельске когда-то город позиционировался как город рыбаков и многое с этим было связано. Но, на самом деле, город, как мне кажется, уже не живет морем. И здесь все поменялось»¹⁵.

В-четвертых, «философское» отношение архангелогородцев к тому, что «старые дома уходят, а новые приходят», отчасти является элементом культурно-исторической памяти города, который постоянно горел и потом быстро отстраивался заново: «Город не раз горел. Все авторы, прямо или косвенно, упоминают о таком бедствии для деревянного города как пожар, видят их следы» [6].

Наконец, в-пятых, как можно предположить, дополнительным обстоятельством, снизившим как общегородскую самоорганизованность жителей Архангельска (включая представителей интеллигенции), так и их готовность к активной борьбе за спасение деревянной архитектуры, явилось то, что в середине «нулевых» была жестко пресечена «сверху» «поморская идея». Как гражданская и социокультурно консолидирующая идейная сила, по причине возникшей с т. з. власти оппозиционной политизации данного феномена. В то же время есть основания полагать, что у «поморской идеи» с ее колоссальным запасом «деревянного» обаяния (деревянные кочи и карбасы, деревянные дома поморов, деревянная поморская «щепная птица счастья» и т.д.) были все шансы стать для Архангельска тем же связующим звеном с «народным»: торгово-промыслово-крестьянским культурным базисом, каким для Вологды стала «деревенская идея» Василия Белова и других писателей-деревенщиков, а также знаменитая композиция «Песняров».

Библиографический список

1. Коцюбинский Д.А. (2024). Поиск оптимального языка для описания и изучения культурных кодов гражданско-территориальных сообществ в контексте глобально-регионалистского подхода: материалы XXII Ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения». Санкт-Петербург: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». 275 с.
2. Бодэ А.Б., Ермакова А.А., Ханова О.И. (2023). Сохранение памятников деревянного зодчества русского севера. Пути, возможности, инициативы: материалы передвижной выставки по музеям Русского Севера. Москва: Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества «Традиция». 80 с.
3. Глибкина Т.М. (2023). Развитие стиля классицизм в деревянной жилой застройке Вологды XIX века // *Architecture and Modern Information Technologies*. № 2 (63). С. 25–40.
4. Ходаковский Е.В. (2021). Деревянная церковная архитектура Русского Севера XIX – начала XX в.: метаморфозы традиции. Санкт-Петербург: Издательский дом «Коло». 264 с.
5. Бахарева М.А., Садова Е.С. (2021). «Том Сойер Фест» В Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города // *Городские исследования и практики*. Т. 6. № 3. С. 7–21.
6. Третьякова С.Н. (2013). Архангельск. Город на краю Европы // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. № 3. С. 34–44.

Информация об авторах

Даниил Александрович Коцюбинский – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Леонтьевский центр (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25а; e-mail: kd1965@yandex.ru)

Марта Александровна Сюткина – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Российская Федерация, 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7; e-mail: tempustress@mail.ru)

¹⁴ ПМА. Владислав Дреко.

¹⁵ ПМА. Илья Верещагин.

THE PROBLEM OF PRESERVING WOODEN ARCHITECTURE MONUMENTS AS PERCEIVED BY RESIDENTS OF ARKHANGELSK AND VOLOGDA

Abstract. *This article analyzes the reasons for the disparities in the fates of wooden architectural monuments in Arkhangelsk, where most have been lost or are in a state of disrepair, and Vologda, which has found a successful model for preserving and restoring wooden cultural heritage sites. It also explores the sociocultural characteristics of both cities that shape the positions of the public, government, and businesses in deciding the fate of wooden cultural heritage sites.*

Keywords: *Vologda, Arkhangelsk, socio-cultural characteristics, wooden architecture monuments, cultural heritage sites, urban conservation activities, «Real Vologda».*

Information about the Authors

Daniil A. Kotsiubinsky – Candidate of Sciences (Historical), Researcher, Leontief Center (25a, 7th Krasnoarmeyskaya Street, St. Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: kd1965@yandex.ru)

Marta A. Syutkina – graduate student, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (7, Petrozavodskaya Street, St. Peterburg, 197110, Russian Federation; e-mail: tempustress@mail.ru)

References

1. Kotsyubinsky D.A. (2024). Search for an Optimal Language for Describing and Studying the Cultural Codes of Civil-Territorial Communities in the Context of a Global-Regionalist Approach: Proceedings of the XXII Annual Conference from the Leontief Readings Series. St. Petersburg: International Center for Social and Economic Research “Leontief Center”.
2. Bode A.B., Ermakova A.A., Khanova O.I. (2023). Preservation of wooden architecture monuments of the Russian North. Paths, possibilities, initiatives: materials of the traveling exhibition of museums of the Russian North. Moscow: Research and restoration of wooden architecture monuments "Tradition".
3. Glibkina T.M. (2023). Development of the classicist style in wooden residential buildings of Vologda in the 19th century. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2 (63), 25–40.
4. Khodakovsky E.V. (2021). Wooden Church Architecture of the Russian North of the 19th – Early 20th Centuries: Metamorphoses of Tradition. St. Petersburg: Kolo Publishing House.
5. Bakhareva M.A., Sadova E.S. (2021). «Tom Sawyer Fest» in Vologda: the experience of citizens' participation in preserving the historical appearance of the city. *Urban research and practices*, 6, 3, 7–21.
6. Tretyakova S.N. (2013). Arkhangelsk. City on the Edge of Europe. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 3, 34–44.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕННОЙ» МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции и структурные изменения на рынке труда Республики Беларусь в условиях перехода к «зеленой» модели экономики. Анализируются демографические вызовы, региональные и отраслевые диспропорции, меры государственного регулирования, а также потенциал создания «зеленых» рабочих мест.

Ключевые слова: рынок труда, «зеленая» экономика, занятость, экологизация, устойчивое развитие, «зеленые» рабочие места.

Рынок труда Беларуси в настоящее время сталкивается с рядом структурных и демографических вызовов. Согласно статистическим данным, в 2024 году уровень официально зарегистрированной безработицы в Беларуси составил 0,1%, тогда как по методологии Международной организации труда этот показатель достигал 3,1% среди населения в трудоспособном возрасте. Наблюдается сокращение как трудовых ресурсов, так и занятости: за период с 2021 по 2024 гг. численность трудовых ресурсов снизилась на 108,9 тыс. человек, а занятых в экономике – на 190 тыс. человек¹. Ситуацию усугубляют рост неформальной занятости, высокая текучесть и дефицит кадров рабочих профессий, что на фоне депопуляции и старения населения создает дополнительные риски для экономики.

Сохраняются значительные региональные и отраслевые диспропорции. В 2024 году наибольший дисбаланс между спросом и предложением труда наблюдался в таких сферах, как рабочий персонал, продажи, транспорт и строительство².

Государственное регулирование рынка труда включает меры по стимулированию занятости, поддержке доходов и созданию новых рабочих мест. В условиях перехода к «зеленой» модели экономики актуальным становится создание новых рабочих мест, способствующих снижению негативного воздействия на окружающую среду³.

Принципиально важными чертами «зеленой» экономики являются: переход к рациональному управлению природными ресурсами, что подразумевает их эффективную эксплуатацию и сохранение; минимизация всех форм негативного антропогенного воздействия на окружающую среду; предотвращение утраты биоразнообразия и деградации экосистемных услуг.

В социально-экономическом аспекте «зеленая» экономика подразумевает инновационный тип развития, который стимулирует рост доходов населения и создание новых рабочих мест. Стимулирование создания «зеленых» рабочих мест способно оказать комплексное положительное воздействие на рынок труда Республики Беларусь.

Во-первых, это позволит смягчить последствия структурных диспропорций, создав новые точки роста в перспективных секторах. Среди перспективных направлений – органическое сельское хозяйство, электротранспорт, «зеленая» энергетика, переработка отходов, «зеленое» финансирование и научные проекты в области экологии. Согласно мировому опыту, именно эти сектора демонстрируют высокий потенциал роста занятости.

Это не только компенсирует сокращение занятости в традиционных отраслях, но и может решить проблему дефицита кадров, ориентируя систему образования и переподготовки на запросы новой экономики.

¹ Статистика труда. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1060402>. (дата обращения: 20.10.2025).

² «Есть сферы, где конкуренция за места высокая». Что сейчас происходит на рынке труда // Сетевое издание Onliner.by. URL: <https://money.onliner.by/2025/09/01/rynok-truda-2025>. (дата обращения: 18.09.2025).

³ О Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 гг: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2021 г. № 710. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100710>

Во-вторых, «зеленая» трансформация способствует снижению негативного воздействия на окружающую среду, что напрямую коррелирует с национальными приоритетами сохранения населения и повышения его благополучия.

В-третьих, развитие «зеленых» направлений, часто требующих высокой квалификации, будет стимулировать рост производительности труда и доходов населения, а также замедлит отток квалифицированных кадров за рубеж, создавая для них новые карьерные перспективы внутри страны.

Таким образом, экологизация экономики выступает не экологической нагрузкой, а стратегическим инструментом для достижения сбалансированности, устойчивости и качественного развития рынка труда. Переход к «зеленой» модели экономики требует комплексного подхода, включающего не только создание новых рабочих мест, но и адаптацию существующих трудовых практик, развитие «зеленых» компетенций и устранение региональных диспропорций.

В рамках исследования нами были выделены следующие направления «зеленой» экономики, по которым наиболее перспективно в ближайшее время разрабатывать методику преобразования и создания новых «зеленых» рабочих мест в Республике Беларусь. К ним относятся: органическое сельское хозяйство, электротранспорт и обслуживающая инфраструктура, энергетика, промышленное производство, переработка отходов, «зеленое» финансирование. Создание и преобразование рабочих мест в данных отраслях будет способствовать развитию самих отраслей, росту производства и обеспечению экономической безопасности страны.

Информация об авторе

Марина Викторовна Лебедевич – научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: Lebedevich_marina@mail.ru)

Lebedevich M.V.

NATIONAL FEATURES OF THE LABOR MARKET IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO A GREEN ECONOMIC MODEL

Abstract. *The article examines the main trends and structural changes in the labor market of the Republic of Belarus during the transition to a "green" economic model. It analyzes demographic challenges, regional and sectoral imbalances, state regulation measures, and the potential for creating "green" jobs.*

Keywords: *labor market, green economy, employment, greening, sustainable development, green jobs.*

Information about the Author

Marina V. Lebedevich – Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: Lebedevich_marina@mail.ru)

ФОКУС НА НАСЛЕДИИ И НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *Город, как и живой организм, обладает собственной уникальной ДНК, которая формируется под воздействием двух ключевых спиралей: «Ценностно-культурной» и «Рыночно-клиентской». Только сбалансированное развитие обоих направлений позволит укрепить ДНК города и создать прочный фундамент для его будущего.*

Ключевые слова: *ДНК города, формула лояльности населения.*

Исследовательская программа «Проблема социокультурной эволюции России и ее регионов», осуществляемая под эгидой Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, работает уже 20 лет. Тульские социологи активно изучают в рамках Программы различные социокультурные аспекты своего региона.

В данной работе мы введем такое понятие как «ДНК города» и сформулируем формулу лояльности населения, которая будет отражать мнение человека от первого знакомства с городом до дальнейшего проживания в нем.

В основе нашей концепции лежит идея о том, что город, как и живой организм, обладает собственной уникальной ДНК. Она формируется под воздействием двух ключевых спиралей: «ценностно-культурной» и «рыночно-клиентской». Первая – это внутренний код города, определяющий его идентичность, традиции, историческое наследие и ценности, разделяемые его жителями. В случае Тулы, это история оружейного дела, самоварные традиции, историческая архитектура и дух мастеровых людей. Вторая же, напротив, ориентирована вовне. Она отражает восприятие города внешним миром, его привлекательность для туристов, инвесторов и новых жителей. Это развитая инфраструктура, современные сервисы, возможности для бизнеса и комфортная среда для жизни. В контексте Тулы это развитие туристической инфраструктуры вокруг исторических памятников, создание новых рабочих мест в инновационных отраслях, благоустройство городских пространств и повышение уровня сервиса в сфере услуг.

Формула лояльности

Очень многие спорят на счет того, что самое важное для населения, чем обусловлен туристический поток и какие факторы влияют на уровень жизни и на рождаемость?

В нашей работе сформулирована данная задача довольно простой формулой: лояльность (населения) = надежность (системы обеспечения качества жизни). Эта надежность, в свою очередь, раскладывается на шесть ключевых критериев, которые мы образно представили как две переплетающиеся спирали ДНК города: внутреннюю «Ценностно-культурную» и внешнюю «Рыночно-клиентскую».

Далее в статье рассмотрим эти критерии.

Эволюция ДНК Тулы: от архивного кода к коду будущего. Демонстрация проявления нового кода проведена на примере 6 критериев оценки системы качества жизни (надежности).

– Рыночно-клиентская спираль: внешняя привлекательность и ухоженность городских пространств. В Туле происходит переосмысление городского пространства через проекты, отражающие ключевые черты города. Проект «Октава» демонстрирует уважение к индустриальному прошлому: старый завод не был разрушен, а превращен в современное образовательное и культурное пространство. Музей оружия «Шлем» архитектурно выражает оружейное мастерство города, его форма – метафора защитного шлема. Набережная реки Упы стала воплощением гостеприимства, предлагая благоустроенные места для отдыха, развлечений и культурных событий, расширяя традиционное понимание гостеприимства за пределы кулинарии. Эти проекты подчеркивают стремление Тулы к сохранению идентичности и созданию комфортной городской среды.

– Статус и амбиции. Мы больше не только кузница оружия, но и кузница кадров, технологий, креативных индустрий. Наши амбиции – это код, который заставляет нас ставить высокие цели: стать IT-хабом, центром современной промышленности, точкой притяжения для талантов. В Туле в 2025 году начал работать Московский международный университет информационных технологий «Академия ТОП». В 2025 году сообщалось о планах построить в Тульской области завод по производству автомобильных компонентов и трансмиссий на территории индустриального парка «Узловая».

– Щедрость и готовность вкладываться. В 2024 году Тульская область подписала 21 соглашение по реализации инвестпроектов на 98 млрд рублей. Губернатор Тульской области Дмитрий Миляев считает инвестиционную политику одним из ключевых направлений развития региона. Правительство Тульской области видит свою задачу в создании наиболее благоприятной среды для предприятий, которые решили развивать свой бизнес именно здесь. С этой целью была учреждена «Региональная Корпорация развития и поддержки Тульской области» (АО «КРТО»), чья деятельность направлена на привлечение инвестиций в регион.

– Ценностно-культурная спираль: верность традициям и предсказуемость в управлении. В Туле и окрестностях, в частности на улице Metallistov, а также по всему городу местные магазины предлагают знаменитые тульские пряники и жамки. Кроме того, доступны мастер-классы по их изготовлению. Город также гордится музеем самоваров и музеем оружия, где проводятся увлекательные экскурсии. Для комфортного размещения гостей построено множество современных гостиниц. Все это вместе формирует основу идентичности города, отвечая на вопрос о его сущности.

– Ответственность в сложной ситуации: реализация обещанного. Строительство «Октавы», музея «Шлем», благоустройство набережной – это публичные заявления, которые были материализованы.

– Реактивная ответственность: действия в сложной ситуации. Когда возникает проблема (авария, ЧП, кризис), ген ответственности блокирует режим оправданий и включает режим «что мы можем сделать прямо сейчас».

– Забота о нуждах горожан – основа гуманистического подхода в управлении городом. Она проявляется в различных инициативах и программах, направленных на улучшение жизни населения. Кластер «Мой бизнес» предоставляет начинающим предпринимателям бесплатные услуги, включая создание веб-сайтов и рекламных материалов. Региональная программа поддержки рождаемости выплачивает матерям, родившим двойню (третьего и четвертого ребенка до 28 лет), по миллиону рублей на каждого ребенка. Онлайн-платформа «Решаем вместе» служит инструментом обратной связи, позволяя горожанам сообщать о проблемах. Открытый диалог между властью и населением поддерживается через бизнес-клубы, такие как «Эволюция», и «Точку кипения».

Таким образом, для повышения лояльности населения Тулы необходимо уделять внимание как сохранению и развитию ценностно-культурного наследия, так и созданию современной, комфортной и привлекательной среды для жизни и работы. Только сбалансированное развитие обоих направлений позволит укрепить ДНК города и создать прочный фундамент для его будущего.

Информация об авторах

Василий Иванович Мосин – кандидат философских наук, доцент; генеральный директор Тульского социологического центра (Российская Федерация, 300001, г. Тула, ул. Гармонная, д. 28; e-mail: mosin55@bk.ru)

Анна Андреевна Юдачева – директор маркетингового агентства «Оранжевый Дождь» (Российская Федерация, 300041, г. Тула, ул. Пионерская, д. 1; e-mail: aaa_71@inbox.ru)

Mosin V.I., Yudacheva A.A.

FOCUS ON HERITAGE AND NEW IDENTITY (USING THE EXAMPLE OF THE CITY OF TULA AND THE TULA REGION)

Abstract. *A city, like a living organism, has its own unique DNA. This DNA is shaped by two key helices: the “Value-Cultural” and the “Market-Customer” helices. Only the balanced development of both directions will strengthen the city’s DNA and create a solid foundation for its future.*

Keywords: *city DNA, population loyalty formula.*

Information about the Authors

Vasily I. Mosin – Candidate of Sciences (Philosophical), Associate Professor; General Director of the Tula Sociological Center (28, Garmonnaya Street, Tula, 300001, Russian Federation; e-mail: mosin55@bk.ru)

Anna A. Yudacheva – Director of the marketing agency “Orange Rain” (1, Pionerskaya Street, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: aaa_71@inbox.ru)

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ

Аннотация. *Рассмотрены проблемы обеспечения кадрами отрасли железнодорожного машиностроения в связке со стратегическими национальными приоритетами: дефицит рабочих и инженерных кадров, демографические и региональные перекосы, разрыв между системой образования и потребностями предприятий. Охарактеризованы меры, направленные на устранение таких дисбалансов.*

Ключевые слова: *железнодорожное машиностроение, кадровый дефицит, региональное развитие, цифровизация, технологический суверенитет.*

Развитие промышленного потенциала России, повышение экспорта высокотехнологичной продукции и достижение технологического суверенитета провозглашены одними из ключевых стратегических приоритетов страны. Машиностроительный комплекс (МСК), включая железнодорожное машиностроение (ЖДМ), ориентирован на рост производительности труда, широкое внедрение роботизации и цифровых технологий, создание инновационной техники [1].

Значение железнодорожного машиностроения в развитии страны велико: отрасль обеспечивает железнодорожный транспорт техникой – это локомотивы, пассажирские и грузовые вагоны, путевая техника, комплектующие. Особенно это актуально сейчас, когда возможности производств машин другого транспорта из-за санкций ограничены. Таким образом, ЖДМ играет огромную роль в обеспечении национальной безопасности и пр., что подтверждается включением отрасли в список проектов технологического суверенитета. Соответственно, требуются кадры высокой и отвечающей «вызовам повестки современной экономики» квалификации.

ЖДМ тесно связано с другими отраслями МСК, соответственно, наблюдаются и общие проблемы в разрезе обеспеченности трудовыми кадрами. Это, например, высокая конкуренция предприятий между собой за «рабочие руки». Сейчас к естественному оттоку кадров прибавляются такие причины как отправление людей на СВО (ввиду высокой оплаты), переходом на предприятия ВПК и др. Характерная проблема ЖДМ – это отсутствие высокого престижа профессии во взаимосвязи с не очень высокой оплатой труда. При этом разобрать, что причина, а что следствие, достаточно сложно. Руководители МСК не привыкли инвестировать на регулярной основе в повышение квалификации простых работников. Такой тренд только набирает обороты.

Сейчас ЖДМ, согласно опросам предприятий, нуждается в рабочих специалистах, инженерах, айти-специалистах, научных кадрах. Анализ показывает, что на площадках хотели бы видеть мужчину в возрасте 42 лет, при этом диплом об окончании института совсем не обязателен; специалиста в айти-сфере – в возрасте 35 лет с высшим образованием. Разница социальных групп или статуса должна учитываться при урегулировании дисбалансов в адресном пакете для кандидата. Выборка рыночных предложений ЖДМ показывает, что присутствует большой разрыв оплаты между вакансией на производственную площадку (сварщик на полуавтомате) и той, где напрямую не требуются физические усилия. Это подтверждает, что «работа на местах» оценивается традиционно ниже, что недопустимо при острой необходимости таких специалистов.

В разной оплате труда в мегаполисах и в регионах по одной и той же вакансии выражена мерами нефинансового стимулирования, а именно – адресный социальный пакет в рамках дифференцированной оплаты труда. Именно на этом необходимо сосредоточить наибольшее внимание: важно смотреть на возраст кандидата, его социальное положение, на его цели при трудоустройстве, желание продвигаться по карьерной лестнице. Кого-то заинтересуют оплата съемного жилья, наличие спортивных секций, ротация между предприятиями холдинга. Кого-то – наличие медицинской страховки, ежегодная путевка в санаторий, стабильный оклад без премиальной части, но с фиксированной ежемесячной суммой, нежели меньший оклад с нестабильной премиальной частью. По вакансиям в регионах зачастую скрывают оплату, это можно рассматривать как уловку или как верный подход к подготовке конкретного предложения под конкретного кандидата.

Оплата труда в ЖДМ занимает среди прочих показателей МСК «серединную позицию». Согласно данным Росстата, средняя оплата труда – 90 тыс. руб., а портал HeadHunter дает оценку ниже на 10% и более. Численность занятых в ЖДМ и изменение оплаты труда говорят о том, что только в 2024 году число сотрудников перестало сокращаться. Увеличение числа занятых за последний год фиксируется в УФО – оплата труда в 2024 году по сравнению с 2022 годом выросла заметнее всего в сравнении с другими федеральными округами (на 57%). Но увеличение средней оплаты фиксируется и в других округах (СЗФО – 46%, ПФО – 44% ЦФО – 40%), а численность кадров по итогу не возросла. Это может свидетельствовать о том, что финансовая составляющая – не единственный стимулирующий фактор удержания.

Согласно проведенному отраслевому интервью, успешная работа с современными электропоездами невозможна без постоянного обучения. Практика показывает, что освоить профессию можно непосредственно на производстве благодаря наставничеству. Но для карьерного роста требуется наличие профильного высшего образования. Интервью «подсветило» проблему – не все работники проявляют инициативу и готовы развиваться, хотя техника постоянно усложняется (новые чертежи, инструкции). Цифровизация формирует новые вызовы: нужен работник, способный непрерывно учиться. В противном случае разрыв между требованиями и возможностями персонала будет расти.

Кадровый дефицит в ЖДМ способен затормозить реализацию национальных целей – от развития регионов до повышения производительности и технологической независимости. Для преодоления выявленных дисбалансов необходимы скоординированные усилия государства, образовательных институтов и бизнеса. Модернизация системы образования [2]: программы техникумов и вузов следует перестроить в соответствии с перспективными потребностями МСК. Расширение проекта «Профессионалитет» на длительный срок позволит выпустить не одно поколение квалифицированных рабочих кадров. Важна производственная практика с элементами дуальной системы: вовлечение студентов в работу в ходе обучения, наставники из числа опытных работников. Хороший пример – «Уральские локомотивы» совместно с Уральским университетом создали авторский курс для будущих специалистов инженеров ВСМ.

Второе – это развитие корпоративных учебных центров. ЖДМ целесообразно инвестировать в собственные центры переподготовки и повышения квалификации персонала.

Третье – это дифференцированная мотивация и социальная адресная поддержка. Для привлечения и удержания сотрудников различных категорий необходим адресный подход. Расширение социальных льгот (ДМС, жилье, транспорт, детские сады) особенно важно в регионах, чтобы нивелировать отток кадров в центры. Формирование позитивной корпоративной культуры и командного духа также повышает лояльность работников и их отдачу.

Четвертое – это сотрудничество с внешними талантами. В условиях острой нехватки узкопрофильных специалистов стоит использовать потенциал внешнего рынка труда, а также использовать опыт других стран (Китай, США).

Пятое, это оптимизация регулирования и поддержка инноваций. Государству следует устранить избыточные бюрократические барьеры, а также не исключать из поля зрения проекты от небольших инновационных компаний.

Ключевым условием технологического суверенитета становится формирование квалифицированного кадрового резерва. В настоящее время темпы роста персонала составляют примерно 1,5% в год (2,5 тыс. чел за 2024 год), что не соответствует растущим потребностям, так как по оценкам отрасли потребуется порядка 40 тыс. новых сотрудников к 2030 году. Из них около 30% составят рабочие специальности, 35% – специалисты с высшим образованием, еще 35% – прочие категории работников (ИТ-специалисты, управленцы, сотрудники смежных сервисных служб). Такая оценка строится на потребностях увеличения выпуска продукции, неотвратимой вовлеченности цифровизации, но все же понимании, что для полной автоматизации промышленных процессов необходимо гораздо больше времени, нежели пять лет. Особенно актуальным представляется необходимость в кадрах с высшим образованием – инженеры и конструкторы будут востребованы и через пять лет. Процесс импортозамещения и развитие индустриальных зон за территорией России определяются приоритетными задачами ЖДМ.

Библиографический список

1. Фролов И.Э., Белоусов Д.Р., Артеменко В.Г. [и др.]. (2022). О долгосрочном научно-технологическом развитии России. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 168 с.
2. Плотникова Д.А. (2025). Дисбалансы в обеспечении отечественного железнодорожного машиностроения трудовыми кадрами // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 3. С. 87–109. DOI: 10.47711/2076-3182-2025-3-87-109

Информация об авторе

Дарья Александровна Плотникова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: aleksandrovnadp@gmail.com)

Plotnikova D.A.

PERSONNEL POTENTIAL OF RAILWAY ENGINEERING IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S STRATEGIC PRIORITIES

Abstract. *This article examines the challenges of staffing the railway engineering industry in relation to strategic national priorities: shortages of blue-collar workers and engineers, demographic and regional imbalances, and the gap between the education system and enterprise needs. Measures aimed at eliminating these imbalances are described.*

Keywords: *railway engineering, personnel shortages, regional development, digitalization, technological sovereignty.*

Information about the Author

Daria A. Plotnikova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economic Forecasting RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: aleksandrovnadp@gmail.com)

References

1. Frolov I.E., Belousov D.R., Artemenko V.G. [et al.]. (2022). On the long-term scientific and technological development of Russia. Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.
2. Plotnikova D.A. (2025). Disbalances in Providing Domestic Railway Engineering with Labor Staff. *Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 3, 87–109. DOI: 10.47711/2076-3182-2025-3-87-109

КОНСОЛИДАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ПРОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье анализируются особенности процессов консолидации региональных сообществ. На основе проведенного исследования, доказываемся консолидация региональных сообществ через ценности и мировоззрение, а также необходимость, которую обозначают органы власти. Связующим элементом реализации консолидации региональных сообществ выступают просоциальные практики местных жителей.

Ключевые слова: консолидация, региональные сообщества, просоциальные практики.

Консолидация региональных сообществ является приоритетной сферой социального развития. Это обусловлено социокультурным (взаимодействием истории, культуры и религии разных народов, населяющих регионы страны), экономико-политическим (потребность минимизации конфликтов и экономического развития), экологическим опытами (сохранение экологии в условиях техногенного развития общества) и многими другими условиями.

Социальная консолидация может выступать основой естественного стремления людей быть вместе (в виде группы), решать общие задачи. Конформизм и сотрудничество дают больше шансов на адаптацию к меняющимся условиям, нежели эгоизм. Личные выгоды человека от социального взаимодействия лишь дополняют общие групповые интересы сообщества [1].

Более того, социальная консолидация помогает обеспечить безопасность личности в условиях нестабильности социальных систем [2]. Это личностная основа социального взаимодействия, которая развивается через призму социального моделирования общественным воспроизводством.

Консолидация региональных сообществ становится основой социальной безопасности общественного развития. Начиная от осознания своей гражданской идентичности и социальной ответственности за настоящее и будущее общества, заканчивая реализацией конкретных просоциальных практик, направленных на развитие социальной активности различных сообществ.

Просоциальные практики выступают связующим механизмом деятельности граждан, направленной на решение социально актуальных вопросов. Просоциальная активность показывает вовлеченность населения в решение разнообразных задач для общего блага. Объединение граждан может происходить из необходимости и из убеждений. Просоциальные практики выступают способом сплочения граждан, основанном на мировоззрении, ментальном и ценностном единстве по поводу понимания существующих проблем и способов их решения. Поэтому, мы полагаем, что существует приоритет развития просоциальной активности: чем больше на ценностном уровне формируется понимание социальной активности, тем более сплоченным выступает общество в длительной перспективе; объединение из необходимости (внешних условий, например, СВО, экономические санкции и т. д.), социальная активность в просоциальной деятельности также может повышаться, но будет локальной и ограниченной по времени.

В подтверждение данного положения приведем результаты исследования региональной консолидации и просоциальной активности 2025 года. В нем приняло участие 1500 человек в возрасте от 18 до 65 лет: 55% женщин и 45% мужчин, занятых в разных секторах экономики и имеющих разный уровень образования. Исследование проводилось в Иркутской области, Красноярском и Забайкальском краях, Республиках Бурятия и Саха (в каждом регионе по 300 человек).

Отвечая на вопрос о том, что делает жителей регионов сообществом (единство, скрепленное общими интересами, идеями, ценностями), респонденты говорили о самоназвании (в национальных регионах это естественно, например, «буряты», «якуты», хотя и представители других народов и культур там также проживают), но для многонациональных регионов (Красноярский и Забайкальский края, Иркутская область) это была фиксация с регионом – «красноярцы», «забайкальцы», «иркутяне». Чем больше респонденты себя идентифицировали с жителями региона, тем больше готовы были включаться в социально активную деятельность. Также говорили о территориальных метках (объектах природы или культуры, которые ассоциируются с данной территорией).

Чем чаще респонденты идентифицируют себя с жителями региона (считают регион проживания «своим регионом»), тем больше солидарности испытывают. Более того, те, кто вовлечен в просоциальную деятельность, в два раза чаще чувствуют консолидацию между собой и региональным сообществом. Региональная идентичность становится залогом солидарности и готовности вовлекаться в социально активную деятельность, направленную на решение актуальных вопросов. Это фиксация личных ценностей человека или сообщества на готовности лично включаться в решение социальных вопросов (активизация социальной ответственности за себя, сограждан, регион и страну в целом).

Примерами данных утверждений являются ответы на следующие открытые вопросы: «Я – иркутянин, поэтому готов делать для своих сограждан то, что могу, вне зависимости от того какие проблемы придется решать». «Я – якут, как и мои предки, для меня честь сделать что-то хорошее для тех моих сограждан, кто оказался в беде».

Политика идентичности также на региональном уровне выступает рычагом формирования консолидации. Это организованные проекты органами власти и бизнеса (Форум «Байкал 2020», Байкальский экономический форум и т. д.), а также личные инициативы граждан и НКО (Байкальская экологическая тропа, Сибирскими тропами и пр.). Политика на поддержание «уникального места» формирует вокруг множество просоциальных активностей, выработку общих ценностей, сплочение сообщества в целом.

Просоциальные практики, направленные на конструирование и поддержание региональной или территориальной идентичности, фиксируют значимость местных сообществ. Например: «Мы – сибиряки, поэтому отличаемся от других своим менталитетом, мышлением, духом; готовы укреплять преемственность поколений и поддержку современников в любых действиях», «Байкал – озеро, которое влияет на менталитет всех, кто живет вокруг него, это люди особой силы, особого духа. Они готовы делать все, для сохранения социокультурного уникального пространства», «Красноярские столбы – это символ перехода победы духа и воли человека над природой».

Также присутствуют ответы о консолидации региональных сообществ с позиции «необходимости». Чаще всего для минимизации экстремистской ситуации в регионах, снятия национально-культурного и межконфессионального напряжения, которое возникает в период обострения социально-экономических или политических условий. Например, «Единство народов – залог процветания Бурятии», межконфессиональный диалог в Иркутской области всегда проводится открыто и публично. Хотя, стоит признать, примеры такого типа консолидации чаще давали респонденты, имеющие отношение к органам власти (профессионально обусловленные). Через данный тип солидарности формируется принцип нормативного поведения (норм и правил, которые необходимы для соблюдения порядка). Просоциальная активность в данном контексте проявляется в организации волонтерской деятельности в рамках государственных праздников и других проектов (флешмобы ко Дню Победы (9 мая), различные конкурсы ко дню Народного единства (4 ноября), Дню конституции (12 декабря), Дню России (12 июня) и пр.).

Таким образом, солидарность как система правил и стандартов, определяющих поведение граждан, формируется через личную и групповую инициативу, отраженную в просоциальной активности. Она строится на ценностях и убеждениях, а также необходимости соблюдения определенного солидарного поведения. Региональные сообщества солидарны в силу соединения мировоззренчески-ценностных и организационно-властных решений, поддерживающих просоциальную активность на местах.

Библиографический список

1. Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Серкина Я.И., Шаповал Ж.А. (2025). Проблемы консолидации региональных сообществ: позиция социального реализма // Социологическая наука и социальная практика. Т. 13. № 1. С. 48–73.
2. Ардашев Р.Г., Адилев А.Н. (2025). Социальная безопасность общественного развития // Социология. № 7. С. 6–11.

Информация об авторе

Оксана Александровна Полюшкевич – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук, Иркутский государственный университет (Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; e-mail: okwook@mail.ru)

Polyushkevich O.A.

CONSOLIDATION OF REGIONAL COMMUNITIES: PROSOCIAL PRACTICES

Abstract. *This article analyzes the specifics of regional community consolidation processes. Based on the research conducted, it demonstrates the consolidation of regional communities through values and worldviews, as well as the need identified by government bodies. The prosocial practices of local residents serve as a connecting element in the implementation of regional community consolidation.*

Keywords: *consolidation, regional communities, prosocial practices.*

References

1. Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Serkina Ya.I., Shapoval Zh.A. (2025). Problems of Consolidation of Regional Communities: The Position of Social Realism. *Sociological Science and Social Practice*, 13, 1, 48–73.
2. Ardashev R.G., Adilov A.N. (2025). Social Security of Public Development. *Sociology*, 7, 6–11.

Information about the Author

Oksana A. Polyushkevich – Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor of department of State and Municipal Management Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (1, Karl Marx Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation; e-mail: okwook@mail.ru)

АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОДДЕРЖКУ РАБОТАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация. Исследование направлено на изучение изменения мер поддержки работающих родителей в рамках пронаталистской политики России в постсоветский период. Анализ показал эволюционность мер, нацеленных на сохранение баланса между профессиональной деятельностью и воспитанием детей.

Ключевые слова: пронаталистская политика, работающие родители, корпоративный стандарт, ЭКГ-рейтинг, КПД-рейтинг.

Современная демографическая ситуация в России характеризуется устойчивым процессом естественной убыли населения, вызванным превышением уровня смертности над рождаемостью. В ответ на данную тенденцию власти активно внедряют пронаталистские меры, направленные на повышение рождаемости и укрепление семейных ценностей.

Мнения экспертов относительно эволюции российской демографической политики существенно различаются. Одни считают, что такая политика развивалась постепенно, другие видят резкие перемены, обусловленные крупными политическими и социальными потрясениями [1, с. 90]. И.Е. Калабихина выделяет шесть этапов эволюции политических мер и программ, разработанных властями СССР и РФ в целях регулирования численности и состава населения [2]. С учетом периодизации демографической политики в России И.Е. Калабихиной, нами проведен анализ трех ее этапов – 1990–1999 гг.; 2000–2009 гг.; 2010 год и позднее, с точки зрения развития мер, направленных на поддержку работающих родителей.

В табл. 1 приведен основной результат исследования – систематизация этапов пронаталистской политики по мерам, направленным на работающих родителей. Охарактеризуем изменения на каждом этапе более подробно.

Таблица 1. Изменение мер пронаталистской политики в Российской Федерации, направленных на поддержку работающих родителей, в 1990–2025 гг.

Этап	Содержание меры
I этап (1990-е годы)	Введение повышенных мер охраны труда для женщин, работающих в тяжелых или опасных условиях, предоставление возможности использования гибкого графика работы для родителей, предоставление дополнительных отпусков для родителей.
II этап (2000-е годы)	Предоставление налоговых вычетов на детей, временное освобождение от уплаты подоходного налога для семей с низким доходом.
III этап (2010-е годы и позднее)	Создание благоприятных условий для совмещения женщинами профессиональных и материнских обязанностей, поддержка развития семейного предпринимательства, строительство новых и реконструкция существующих детских садов и дошкольных учреждений, внедрение цифровых платформ дистанционного обучения для детей, административные и юридические гарантии в разрешении споров, связанных с защитой прав родителей и детей, внедрение системы «удаленной работы», разработка и внедрение корпоративного демографического стандарта, внедрение ЭКГ-рейтинга и КПД-рейтинга.
Источник: составлено автором по [2].	

I этап (1990–1999 гг.)

Появилась возможность использования гибкого графика работы для родителей маленьких детей. Такие меры стали основой для развития практики домашнего труда и частичной занятости, что способствовало сохранению профессиональной активности родителей [3, с. 7]. Отметим, что исследования зарубежных ученых связывают рост производительности труда с достижением компромисса между гибкостью рабочих часов и уровнем усилий персонала [4, р. 93] и фиксируют востребованность гибкости рабочего режима в первую очередь женщинами. В России такие меры стали основой для развития практики домашнего труда и частичной занятости, что способствовало сохранению профессиональной активности родителей даже в сложных обстоятельствах.

Еще одной составляющей социальной политики 1990-х годов стали меры, предоставляющие дополнительный отпуск по уходу за ребенком продолжительностью до трех лет для родителей, наряду с обязательством работодателя сохранять рабочее место. Этот отпуск также предусматривал выплату ежемесячного пособия на ребенка. Для второго и последующих детей размер пособия увеличивался, позволяя семьям поддерживать минимальный уровень дохода даже в условиях уменьшения заработной платы.

II этап (2000–2009 гг.)

В данный период появились стандартизированные налоговые вычеты на детей. Они позволили уменьшить налогооблагаемую базу физических лиц, что способствовало улучшению финансового положения семей с ребенком. Размер вычета зависел от количества детей и категории налогоплательщика. С середины 2000-х годов эти вычеты кратно увеличились.

III этап (с 2010 года)

В этот период происходит значительная трансформация демографической политики – существенно увеличено число инструментов поддержки работающих родителей. В 2012 году принято решение создать условия, позволяющие женщинам совмещать работу и семейные обязанности. Затем появляется концепция демографического корпоративного стандарта, представляющего собой свод рекомендаций и норм, обеспечивающих баланс интересов сотрудников и работодателей, имеющих детей. Для объективной оценки усилий предприятий разработан специальный инструмент – ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса, охватывающий ключевые сферы деятельности компаний: экология, кадры и взаимодействие с государством [5, с. 79]. Этот рейтинг помогает компаниям формировать социальный капитал и повышать доверие общественности, ориентируясь на принципы устойчивого развития [6, с. 148]. С 2025 года действует программа внедрения комплексного показателя поддержки демографии (КПД-рейтинг), оценивающая вклад компаний в улучшение демографической ситуации. Компании-лидеры этого рейтинга получают право на государственные преференции, включая налоговую поддержку.

Выводом из нашего анализа является понимание развития представления об учете интересов работающих родителей и эволюционности мер их поддержки.

Библиографический список

1. Рабжаева М.В. (2004). Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. № 6. С. 89–97.
2. Калабихина И.Е. [и др.]. (2022). Демография: учебник. Москва: МГУ. 560 с.
3. Хасбулатова О.А., Смирнова А.В. (2008). Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века (Историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. № 3. С. 3–14.
4. Kelliher C., Anderson D. (2010). Doing more with less? Flexible working practices and the intensification of work. *Human Relations*, 63, 1, 83–106. DOI: 10.1177/0018726709349199
5. Ниязметов А.К. (2025). Национальный стандарт оценки деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности на основе ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса и направления его развития // Экономика. Налоги. Право. № 18 (2). С. 77–89. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-77-89
6. Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. (2024). Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8

Информация об авторе

Оксана Николаевна Пономаренко – соискатель ученой степени кандидата социологических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: city2402@yandex.ru)

ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF PRO-NATALIST POLITICS USING THE EXAMPLE OF MEASURES AIMED AT SUPPORTING WORKING PARENTS

Abstract. *The research is aimed at studying the changes in measures of support for working parents within the framework of Russia's pro-natalist policy in the post-Soviet period. The analysis showed the evolutionariness of measures aimed at maintaining a balance between professional activity and parenting.*

Keywords: *pronatalist policy, working parents, corporate standard, ECG-rating, KPD-rating.*

Information about the Author

Oksana N. Ponomarenko – Candidate of Sciences (Sociological) degree seeking applicant, Ural Federal University (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: city2402@yandex.ru)

References

1. Rabzhaeva M.V. (2004). Historical and social analysis of family policy in Russia of the XX century. *Sociological research*, 6, 89–97.
2. Kalabikhina I.E. [et al.]. (2022). Demography: textbook. Moscow: Moscow State University.
3. Khasbulatova O.A., Smirnova A.V. (2008). The evolution of state policy towards the family in Russia in the XX – early XXI century (Historical and sociological analysis). *A woman in Russian society*, 3, 3–14.
4. Kelliher C., Anderson D. (2010). Doing more with less? Flexible working practices and the intensification of work. *Human Relations*, 63, 1, 83–106. DOI: 10.1177/0018726709349199
5. Niyazmetov A.K. (2025). National standard for assessing the business reputation of business entities based on the ECG rating of responsible business and the direction of its development. *Economy. Taxes. Right*, 18(2), 77–89. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-77-89
6. Bagirova A.P., Vavilova A.S., Blednova N.D. (2024). Corporate demographic policy as a tool for realizing the strategic interests of the state, business and staff. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 17, 3, 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Рассмотрены теоретические основания, объясняющие феномен социокультурной фрагментации общества в условиях глобальных изменений. Дается анализ подходов в рамках социологических, культурологических, политологических, психологических постмодернистских концепций.

Ключевые слова: социальная интеграция, социальная дифференциация, разделенное общество, социокультурная фрагментация, идентичность.

Осмысление процессов интеграции/дифференциации времени позднего модерна привело к выявлению признаков фрагментации общества и его отдельных подсистем [1, 2], идеологической сегментации массовых слоев [3], социальной и психологической поляризации [4]. Для социальной фрагментации как промежуточной формы дифференциации общества: «Характерны образование множества изолированных элементов и структур, мозаичность оснований социальной идентичности, частичный или полный разрыв социальных связей» [5, с. 127–128]. Эта проблема касается не только России. В докладе о глобальных рисках Всемирного экономического форума (WEF) от 20 января 2025 года, посвященном рискам в краткосрочной и долгосрочной (на десять лет) перспективе, заявляется, что pressing-риском на 2025 год являются углубляющаяся геополитическая напряженность и фрагментация в мире¹. Социальная поляризация входит в тройку главных рисков, а дезинформация, как основная причина социальной и политической поляризации, выходит на второе место за текущий период и последующие два года. Усиление экологических, технологических и социальных проблем (ухудшение здоровья и благополучия, социальное неравенство), по мнению 2/3 экспертов спрогнозируют к 2035 году турбулентный или штормовой глобальный ландшафт [6]. Социальными предпосылками актуализации проблемы социальной фрагментации стали: становление общества постмодерна и постпостмодерна, появление новых видов неравенства, усиление негативных эффектов мультикультурализма и кризис социальной солидарности в обществе. Обозначим возможные направления теоретического поиска факторов латентного влияния на процесс социальной фрагментации в социальных группах и обществе в целом.

Мы учитываем позиции социологов о том, что на изменение социальной ткани российского общества оказывают влияние такие факторы, как «переходное состояние» (А.А.Зиновьев, П. Штомпка), «социальная травма», «культурная травма», «промежуточной модальности развитие» (Т. Парсонс, Ж.Т. Тощенко). Системные элементы эволюционных трансформаций современных обществ политологами описываются понятиями социальных размежеваний, идейно-политических противостояний, социокультурных расколов. При этом «феномен разделенности» уже прочно включен посредством информационных потоков в сферу массового сознания и стал неотъемлемым атрибутом современной социально-политической реальности, элементом повседневности [7, с. 57].

Среди социальных изменений под воздействием процессов глобализации актуализируется проблема трансформации национальных культур и традиционных внутренних ценностей. Речь идет о ценностно-смысловых изменениях социальных представлений в терминологии С. Московичи [8]. При построении картины мира в сознании индивида происходит смешение знакового и символического уровней отражения реальности [9], что приоритетно для исследования внутрикультурных ценностно-смысловых кодов различных модальностей, а также для воспроизводства культуры на определенном историческом этапе.

¹ The Global Risks. Report 2025. 20th Edition. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

Усиление фрагментарности и разрывов социальной ткани любого общества детерминруется наличием в обществе (помимо социальной группы, с которой индивиды себя идентифицируют) другой группы людей, имеющей иной статус или занимающей противоположную мировоззренческую позицию по вопросам культурных норм, ценностей, экономики, политики, отношении к войне, и, конечно, с разной травматичностью пережитого опыта. Применяя макропсихологический подход [10], феномен социальной фрагментации изучается через анализ психологического состояния общества [11]. Благодаря оценке «поляризационной модели», основанной на концепции психологической поляризации и разработанной психологом С. Московичи и соавторами, был выявлен феномен групповой поляризации [12]. Массовые и коллективные эмоциональные состояния, установки, представления, ценности влияют на состояние социальной ткани. При этом военные конфликты, как показывают мета-аналитические исследования и наши данные [13], оказывают разнонаправленное влияние на сплоченность общества. С одной стороны, растет внутригрупповая солидарность, с другой стороны – снижается генерализованное доверие. Поэтому важно в методологическом плане, опираясь на политико-социологические традиции исследований «политических и социальных размежеваний», выявить условия консолидации и сплоченности общества. Также, в рамках теории социальных представлений, выявлять смыслы, латентные образы своей страны, ассоциативные ряды архетипических пластов сознания для прогнозирования выражения культурной национальной идентичности на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях.

Библиографический список

1. Пантин В.И. (2020). Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. № 3. С. 23–41.
2. Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. (2016). Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: Международный и российский контексты // Новое литературное обозрение. № 2. С. 16–32.
3. Тихонова Н.Е. (2024). Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // Полис. Политические исследования. № 5. С. 136–153. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.09
4. Лебедев А.Н. (2022). К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. Т. 2. № 1. С. 2–19.
5. Сашенко Н.П. (2022). Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии // Наука. Культура. Общество. Т. 28. № 4. С. 22–35. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.2
6. Амбарова П.А. (2022). Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. № 1. С. 41–51.
7. Семененко И.С. (2012). «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. № 3. С. 9–25.
8. Московичи С. (1995). Методологические и теоретические проблемы психологии. // Психологический журнал. Т. 16. № 2. С. 3–14.
9. Матвеева Л.В., Анисеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е. (2014). Категориальная структура образа России и образов других стран в менталитете жителей страны и союзного государства Белоруссии. Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография. Иркутск: ИГУ. С. 64–112.
10. Журавлев А.Л., Юревич А.В. (2012). Макропсихология современного российского общества. Москва: Издательство Института психологии РАН. 352 с.
11. Юревич А.В. (2014). Психология социальных явлений. Москва: Институт психологии РАН. 348 с.
12. Moscovici S., Zavalloni M. (1969). The group as a polarizer of attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 12(2), 125–135.
13. Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.]. (2025). Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: бюллетень. Москва: ФНИСЦ РАН. 106 с.

Информация об авторе

Наталья Петровна Сашченко – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра исследований социально-политических процессов, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24, корп. 5; e-mail: nsaschenko@mail.ru)

Sashchenko N.P.

TO THE QUESTION OF METHODOLOGY FOR RESEARCHING THE SOCIOCULTURAL FRAGMENTATION OF RUSSIAN SOCIETY

Abstract. *This article examines the theoretical foundations that explain the phenomenon of sociocultural fragmentation of society in the context of global change. It analyzes approaches within the framework of sociological, cultural, political, and psychological postmodernist concepts.*

Keywords: *social integration, social differentiation, divided society, sociocultural fragmentation, identity, sociological theory.*

Information about the Author

Natalia P. Sashchenko – Candidate of Sciences (Psychological), Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Center for Research of Socio-Political Processes, Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (24/5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: naschenko@mail.ru)

References

1. Pantin V.I. (2020). Value cleavages and splits in modern societies: Impact on socio-political development. *History and Modernity*, 3, 23–41.
2. Abramov R., Gruzdev I., Terentyev E. (2016). Anxiety and enthusiasm in discourses about the academic world: International and Russian contexts. *New Literary Review*, 2, 16–32.
3. Tikhonova N.E. (2024). Ideological segmentation of mass strata of the population in the context of escalating confrontation with the West (an empirical analysis). *Polis. Political Studies*, 5, 136–153. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.09
4. Lebedev A.N. (2022). On the Theory of Value-Affective Polarization of Social Groups. *Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, 2, 1, 2–19.
5. Sashchenko N.P. (2022). Integration/Differentiation Processes in Russian Society: Methodological Issues. *Science. Culture. Society*, 28, 4, 22–35. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.2
6. Ambarova P.A. (2022). Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of a sociological theory. *Sociological studies*, 1, 41–51.
7. Semenenko I.S. (2012). “Political Man” in the Face of Alternatives of Social Transformations: An Experience of Rethinking the Individual Dimension of Politics. *Polis*, 3, 9–25.
8. Moskvich S. (1995). Methodological and theoretical problems of psychology. *Psychological journal*, 16, 2, 3–14.
9. Matveeva L.V., Anikeeva T.Ya., Mochalova Yu.V., Petrakova E.E. (2014). Categorical structure of the image of Russia and images of other countries in the mentality of residents of the country and the union state of Belarus. Images, traditions and culture of interethnic peace and harmony: Monograph. Irkutsk: Irkutsk State University, 64–112.
10. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (2012). Macropsychology of modern Russian society. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
11. Yurevich A.V. (2014). Psychology of social phenomena. Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
12. Moscovici S., Zavalloni M. (1969). The group as a polarizer of attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 12(2), 125–135.
13. Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. [et al]. (2025). How are you, Russia? Express information. Stage 55 of the All-Russian sociological monitoring, May 2025: bulletin. Moscow: FNISC RAS.

ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ НА ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ НА КИТАЙСКОМ ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В РОССИИ

Аннотация. Основываясь на концепции «ориентированности на человека», китайский путь модернизации сформировал модель развития человеческих ресурсов, включающую приоритет образования, координацию науки и технологий, а также лидерство в развитии талантов. Статья основана на таких политических документах, как «Основы плана построения страны, сильной в сфере образования (2024–2035 гг.)», в которых анализируется опыт Китая в построении системы образования, непрерывном обучении, профессиональном образовании и развитии инновационных талантов. В статье отмечается, что механизм интеграции образования, технологий и талантов способствовал повышению качества человеческого капитала и развитию новых производственных возможностей. Исследование, основанное на «Концепции технологического развития России до 2030 года», показывает наличие недостатков в структуре образования, профессиональной подготовке и взаимосвязи между системами инноваций в России. Опыт Китая следует использовать для создания концепции развития, ориентированной на человека, совершенствования системы непрерывного обучения, содействия интеграции промышленности и образования, достижения регионального образовательного баланса, а также создания системы управления человеческими ресурсами, поддерживающей технологический суверенитет.

Ключевые слова: китайская модернизация, люди на первом месте, развитие человеческих ресурсов, центр образования, Россия, Технологический суверенитет.

Введение

В процессе модернизации Китай сформировал систему развития человеческих возможностей, опыт которой имеет важное значение для России. Китай придерживается концепции, при которой именно люди являются ключевым стратегическим ресурсом в развитии страны. При этом идет создание новой парадигмы высококачественного развития граждан на основе приоритетов в области образования, науки и техники и координации талантов.

Опыт развития людских ресурсов китайского пути к модернизации

Ключевым является реализация приоритетной стратегии в области образования. Принятый «План строительства образовательной державы»¹ и другие национальные стратегии, определяют основную вспомогательную роль образования в модернизации, в содействии преобразования развития людских ресурсов от масштабного расширения к качественному улучшению и глубоко интегрировать концепции «Людей Лидеров», «Интеграция науки и образования», «Интеграция производства и образования» во весь процесс подготовки кадров [1, с. 97].

Во-вторых, создание трехстороннего синергического механизма образования, талантов, науки и техники. Формирование полной цепочки от подготовки кадров до научно-технических инноваций и промышленного развития. Реализация научно-технических достижений, которые благотворно влияют на обновление образовательной системы. В то же время идет активное продвижение создания системы обучения на протяжении всей жизни с реформами профессионального образования. Идет подготовка большого количества высококвалифицированных технических специалистов для промышленной трансформации и модернизации [2, с. 38].

В-третьих, систематическое воспитание молодых ученых благодаря таким крупным проектам, как строительство «Двойного класса». Создание механизма оценки, ориентированного на инновационную деятельность и ее практический вклад. Открытие исследовательской среды, которая поощряет попытки и допущенные ошибки, которые в будущем обеспечат поддержку для роста молодых талантов [3, с. 163].

¹ Обзор плана построения сильной страны в области образования (2024–2035). Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202501/content_6999914.htm

Вдохновение китайского опыта для России

В процессе продвижения стратегии «технологического суверенитета» Россия сталкивается со структурными трудностями, такими как разъединение образовательных и промышленных потребностей, разделение научно-исследовательских и производственных систем, а также утечка мозгов среди молодежи. Опыт Китая дает важные уроки:

– Установление философии развития, при которой основной акцент идет на человека, рассматривая его как важнейший стратегический ресурс. Россия должна опираться на опыт Китая в подготовке молодых кадров и укреплять воспитание у нового поколения чувства национальной идентичности и социальной ответственности.

– Создание системы глубокой интеграции. Можно извлечь уроки из китайских моделей «интеграции науки и образования», «интеграции производства и образования», а также «инновационная зона интеграции производства и образования». Содействовать совместному строительству лабораторий и центров технологической трансформации университетами в ключевых промышленных зонах. Сосредоточиться на искусственном интеллекте, новых источниках энергии и других стратегических областях для создания дисциплинарных кластеров.

– Ускорение создания системы пожизненного обучения для всех. Россия должна как можно скорее создать цифровую обучающую платформу государственного уровня с акцентом на развитие профессионального образования, ориентированного на цифровую и «зеленую» экономику, сформировать замкнутое кольцо «обучение–сертификация–занятость–продвижение», повысить адаптивность рабочей силы к модернизации промышленности [4].

– Усилия по устранению диспропорций в региональном развитии. Повышение уровня человеческого капитала в отдаленных районах с помощью финансовых трансфертных платежей, ротации выдающихся учителей, совместного использования цифровых ресурсов и других средств, чтобы заложить более широкую географическую основу для технологического суверенитета.

– Активное использование цифровых инструментов и укрепление международного сотрудничества. Россия может участвовать в Глобальном альянсе цифрового образования для совместной разработки онлайн-курсов и виртуальных лабораторий. Сотрудничество в рамках «Пояса и пути» по созданию зарубежных центров профессионально-технической подготовки. В то же время, опираться на опыт Китая в использовании больших данных и искусственного интеллекта для мониторинга динамики населения и точного распределения ресурсов.

Вывод

Модель развития человеческих ресурсов в современном китайском стиле, основанная на ориентации на людей как ядре, сформировала системную структуру приоритетов в области образования, научно-технической координации и руководства талантами. Ключом к тому, чтобы Россия извлекла уроки из опыта Китая, является создание концепции развития, ориентированного на человека, формирование механизма интеграции образования, науки и техники, совершенствование системы обучения на протяжении всей жизни, стимулирование инновационной жизнеспособности, чтобы осуществить переход от ресурсосберегающей экономики к инновационной модернизации.

Библиографический список

1. Цао Я. (2025). Исследования по развитию и практике китайского пути к модернизации отрасли услуг в области людских ресурсов // Модернизация торговых центров. № 3. С. 97–100. DOI: 10.14013/j.cnki.scxdh.2025.03.006
2. Ян В. (2024). Ускорение формирования современных людских ресурсов // Рукопись Красного флага. № 13. С. 38–41. DOI: CNKI:SUN:HQQWG.0.2024 -13-009
3. Тао Л., Чан Л., Сяо С., Шэн Д. (2025). Некоторые мысли о введении и выращивании молодых талантов в китайских университетах с точки зрения планирования людских ресурсов // Журнал высшего образования. № 20. С. 163–170.
4. Цю К., Ян Л., Цинь Ш., [и др.]. (2025). Вызовы и пути реагирования на высококачественное развитие населения и ресурсов на пути китайской модернизации // Журнал природных ресурсов. URL: <https://link.cnki.net/urlid/11.1912.N.20250919.1254.002>

Информация об авторах

Ян Хуавей – аспирант, Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, д. 36; e-mail: yanghuaw1999@163.com)

Научный руководитель: Елена Михайловна Рождественская – кандидат экономических наук, доцент, Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, д. 36; e-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com)

Huawei Y.

HUMAN ORIENTED DEVELOPMENT: EXPERIENCE OF HUMAN RESOURCES DEVELOPMENT IN CHINESE PATH TO MODERNIZATION AND ITS ENLIGHTENMENT TO RUSSIA

Abstract. *With the core concept of "people centered", Chinese path to modernization has formed a human resources development model featuring education priority, science and technology coordination, and talent leadership. This article is based on policy texts such as the "Outline of the Plan for Building an Education Strong Country (2024–2035)", analyzing China's experience in education system construction, lifelong learning, vocational education, and innovative talent cultivation. It points out that the integration mechanism of education, technology, and talent has promoted the improvement of human capital quality and the development of new productivity. Based on Russia's "2030 Technological Development Concept", research suggests that there are shortcomings in Russia's education structure, skills training, and innovation system connection. China's experience should be referenced to establish a people-oriented development concept, improve the lifelong learning system, promote the integration of industry and education and regional education balance, and build a human resources system that supports technological sovereignty.*

Keywords: *chinese modernization, putting people first, human resource development, education powerhouse, Russia, technological sovereignty.*

Information about the Authors

Yang Huawei – graduate student, Tomsk State University (36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: yanghuaw1999@163.com)

Scientific Supervisor: Elena M. Rozhdestvenskaia – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Tomsk State University (36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com)

References

1. Cao Y. (2025). Research on the development and practice of Chinese path to modernization human resources service industry. *Modernization of shopping malls*, 3, 97–100. DOI: 10.14013/j.cnki.scxdh.2025.03.006.
2. Yang W. (2024). Accelerate the shaping of modern human resources. *Red Flag Manuscript*, 13, 38–41. DOI: CNKI:SUN:HQWG.0.2024-13-009
3. Long T., Liu C., Xiao X., Du S. (2025). Some Thoughts on the Introduction and Cultivation of Young Talents in Chinese Universities from the Perspective of Human Resource Planning. *Journal of Higher Education*, 20, 163–170.
4. Cui C., Yang L., Qing S. [et al.]. (2025). Challenges and Response Paths for High-quality Development of Population and Resources towards the Chinese Path to Modernization. *Journal of Natural Resources*. URL: <https://link.cnki.net/urlid/11.1912.N.20250919.1254.002>

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИОСФЕРЕ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам применения искусственного интеллекта (ИИ) в социальной сфере. Показано, что автоматизация задач на основе ИИ оптимизирует процессы в образовании, медицине, но продуцирует социальные риски. Отмечена необходимость защиты данных, прозрачности алгоритмов, контроля внедряемых решений.*

Ключевые слова: *образование, культура, медицина, ИИ-технологии, социальные риски.*

Многогранная проблематика, связанная с интенсивностью процессов технологизации и цифровизации, приобретает все большую актуальность по мере становления информационного общества, развития всех типов и способов коммуникаций. Все чаще в научном поле звучит тезис о том, что современный человек живет в цифровом виртуализированном мире.

Основными сферами, в наибольшей степени оказывающие влияние на формирование и развитие как самого человека, так и социального капитала страны, являются культура, образование и здоровьесбережение. Именно значимость данных областей для качественной жизнедеятельности индивида в современном мире повышает объемы и темпы внедрения цифровых инновационных продуктов в данные компоненты социосферы.

Сама идея реального взаимодействия и существования личности в мире неестественном (компьютерном), имеющая на сегодняшний день фактическое подтверждение, еще недавно казалась преувеличением [1]. Отметим, что под естественными условиями существования человека понимается окружающая среда с ее ландшафтом, климатом, флорой и фауной. Непосредственно в условиях природы происходило целостное формирование как человеческого организма, так и его мировоззрения, духовности. Полученные знания и опыт сохранялись, передавались и воспроизводились с помощью особого механизма – культурного (информационного) кода, в котором, по аналогии с природой, используются разнообразные методы криптографии [1]. К основным способам сохранения и передачи информации в поле культуры можно отнести идеи, понятия, смыслы, модели, ценности, паттерны, мотивы, память и другие, понятные и принятые большими массами людей.

Современность, связанная с развитием электронной коммуникацией и технологиями искусственного интеллекта, сформировала среду цифрового кодирования, которая кардинально отличается от естественной по своей природе (создана самим человеком) и формату (виртуальность, вседоступность), но оказывает на развитие и становление человека как духовного индивида колоссальное воздействие, постепенно меняя общество в целом. Стремительно меняется сфера повседневной жизни человека: образование, быт, коммуникация, медицина, что со временем приведет к возникновению новой формации людей, мышление и культура которых будет существенно отличаться от сегодняшних.

Так, изменится подход к получению образования, в системе которого искусственный интеллект сменяет педагогов алгоритмами – адаптивное программное обеспечение выявляет пробелы в знаниях, оценивает прогресс и корректирует уроки при минимальном контроле со стороны человека.

Использование искусственного интеллекта в образовании прирастает невероятными темпами во всем мире. Так, например, в США, в одном только Калифорнийском государственном университете на базе программного обеспечения обучаются и взаимодействуют 500 000 студентов и преподавателей. В Китае был установлен мировой рекорд Гиннеса по самому масштабному онлайн-уроку математики: за 24 часа к нему подключились 112 718 студентов [2]. Машинное обучение, взамен классическому академическому способу получения знаний и оценке их результативности, сегодня отвечает за успех на экзаменах, может определить будущую карьеру и социальную мобильность человека.

Одной из главных ценностей также является здоровье. Именно на основе хорошего самочувствия человек может активно трудиться, способен создать семью, заниматься образовательной и инновационной активностью. В современном мире сфера медицины и здоровьесбережения также стала полем активного внедрения цифровых инноваций. При этом, ввиду значимости здоровья для человечества, масштабы проникновения ИИ-технологий в эту сферу поразительны. Совсем недавно произошло открытие первой в мире больницы, где диагностика, лечение и наблюдение пациентов в значительной степени осуществляются виртуальными врачами с искусственным интеллектом (ИИ). По заявленным данным такие системы могут обслуживать до 3 000 пациентов в день, обеспечивая непрерывную работу в оказании медицинских услуг [2]. Сам социальный проект данного типа характеризуется как легкий, с большой скоростью и приемлемыми затратами, масштабируемый в любых требуемых количествах и для любых территорий. На его основе происходит обеспечение возможности обслуживать тысячи пациентов в сутки без усталости персонала и снижения качества обработки данных. Применение и разработка единых алгоритмов диагностики и лечения должны снизить риск врачебных ошибок, связанных с человеческим фактором, а также накопление и анализ данных для улучшения прогнозирования и профилактики заболеваний.

Определены и четко обозначены положительные эффекты от реализации данного проекта для пациентов:

- диагностика на основе системной обработки естественного языка, компьютерного зрения и анализа биосенсорных данных, которая позволяет быстро собирать анамнез, интерпретировать результаты анализов и формировать предварительный диагноз;
- в режиме виртуальности доступны консультации с медицинскими специалистами-людьми при выявлении сложных случаев;
- роботы-помощники обеспечивают своевременное выполнение простых процедур (измерение жизненных показателей, доставка лекарств) [3].

В тоже время, несмотря на указанные преимущества использования ИИ-технологий в медицине, образовании, культуре, значимыми из которых, по нашему мнению, является только доступность в регионах с нехваткой специалистов и более низкая стоимость, в сравнении с классическими институтами, представляется важным отметить также вызовы и риски, связанные с интеграцией ИИ в социосферу.

– Этическая проблематика. Остро стоит вопрос об ответственности за ошибки ИИ в клинических решениях, приводящие к ухудшению здоровья пациента. В образовании также пока не существует единых программ обучения по средствам ИИ-технологий, нет контролирующего органа, обеспечивающего единые стандарты содержания курсов интернет-школ и ВУЗов [3].

– Адаптационная проблематика. Готовность доверять «виртуальному врачу», «виртуальному учителю» или «виртуальному собеседнику, консультанту» на данный момент сильно различается между поколениями и культурами.

– Безопасность. Медицинские данные, данные социального паспорта – самые ценные цели для хакеров, следовательно, требуется разработка и применение системы многоуровневой сложной защиты.

– Несовершенство ИИ-алгоритмов. Даже самые безукоризненные ИИ-системы пока не способны заменить клинический опыт квалифицированного врача при сложных многофакторных случаях, педагогическое внимание и энтузиазм по развитию персональных способностей и талантов каждого отдельного ученика, самостоятельно сгенерировать произведение искусства.

Однако, цифровые технологии уже с нами, они прочно и безвозвратно вошли в нашу реальность, изменили ее таким образом, что перспектива развития в данном ключе представляется в виде формирования центров гибридной медицины, где ИИ выполняет большую часть обыденной монотонной работы, а врачи сосредоточены на сложных интеллектуальных аспектах диагностики и лечения, систем гибридного обучения, где образовательную программу демонстрирует ИИ-ассистент, а преподаватель осуществляет контроль за усвоением информации учеником, наполнением содержания программы, а также выявляет одаренных студентов, персонализирует обучение для них [4].

Проекты, реализуемые в социосфере с применением искусственного интеллекта, являются не только технологическим экспериментом, а, скорее, этапом к трансформации всей структуры социального обеспечения, что, в свою очередь, требует разработки новых правовых, этических и образовательных стандартов для интеграции ИИ в социальную сферу.

Библиографический список

1. Шавель С.А. (2017). Методологические аспекты социологического исследования цивилизационно-культурного кода. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение: коллективная монография. Минск: «Беларуская навука». С. 64–88.
2. Марр Б., Уорд М. (2020). Искусственный интеллект на практике. 50 кейсов успешных компаний: монография. Москва: Манн, Иванов и Фербер. 320 с.
3. Лекторский В.А., Васильев С.Н., Макаров В.Л. [и др.]. (2022). Человек и системы искусственного интеллекта. Санкт-Петербург: «Юридический центр». 328 с.
4. Саден Э. (2025). Среди призраков: рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха. 272 с.

Информация об авторе

Наталья Ивановна Яковлева – научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: an.nata.an@gmail.com)

Yakauleva N.I.

SOCIAL RISKS OF THE USE OF AI TECHNOLOGIES IN THE SOCIOSPHERE

Abstract. *This article explores the application of artificial intelligence (AI) in the social sphere. It is shown that AI-based task automation optimizes processes in education, medicine, but it creates social risks. The need for data protection, transparency of algorithms, and oversight of implemented solutions was noted.*

Keywords: *education, culture, medicine, AI technologies, social risks.*

Information about the Author

Natallia I. Yakauleva – Researcher, The Academy of Sciences of Belarus, (1/2 Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: an.nata.an@gmail.com)

References

1. Shavel S.A. (2017). Methodological aspects of the sociological study of the civilizational and cultural code. Belarusian society in the context of the civilizational and cultural code: sociological dimension: collective Monograph. Minsk: "Belarusian Science". 64–88.
2. Marr B., Ward M. (2020). Artificial Intelligence in Practice. 50 Cases of Successful Companies: Monograph. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
3. Lektorsky V.A., Vasiliev S.N., Makarov V.L. [et al.]. (2022). Man and Artificial Intelligence Systems. St. Petersburg: Publishing House "Legal Center".
4. Saden E. (2025). Among the Ghosts: Reflections on the Age of the Metaverse and Generative Artificial Intelligence. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House.

СЕКЦИЯ № 3.
РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ:
ВЫЗОВЫ И ТОЧКИ РОСТА

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСХОДНОГО МАТЕРИАЛА ЯЧМЕНЯ ЯРОВОГО
(*HORDEUM VULGARE* L.) ПО ОСНОВНЫМ ПРИЗНАКАМ ДЛЯ СЕЛЕКЦИИ В
УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ**

Аннотация. В статье представлено изучение 24 сортов ячменя ярового (*Hordeum vulgare* L.) коллекции Всероссийского института генетических ресурсов имени Н.И. Вавилова. В результате исследований выявлены скороспелые, продуктивные сорта ячменя ярового с высокой массой 1000 зерен.

Ключевые слова: сорт, урожайность, скороспелость, стандарт, вегетационный период.

Благодарность

Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУН ФИЦКИА УроРАН по теме № FUUW-2024-0004.

Эффективность селекции во многом зависит от ценности родительских форм, включаемых в скрещивание. Для этой цели необходимо перед включением генотипов в гибридизацию изучить их по комплексу хозяйственно-ценных признаков, определить характер наследования, основные генетические параметры в местных условиях [1, с. 9]. При этом нужно иметь в виду, что проявляется высокая степень изменчивости характера наследования под влиянием внешней среды [2, с. 1156; 3, с. 5]. Для достижения этих целей селекционерам необходимо использовать широкий спектр генетических ресурсов, где важным этапом является проведение многолетних испытаний скороспелых сортов ячменя в различных экологических зонах Северного региона [4, с. 23; 5, с. 141]. Первостепенное значение предназначается теоретически обоснованному и фактически подтвержденному подбору исходного материала [6, с. 11].

Цель исследований – выявление наиболее перспективных сортов для использования в селекционной работе для северного земледелия.

Изучение коллекционного материала в количестве 24 сортов разного экологического происхождения (стандартный сорт Таусень – Архангельская область), проводили согласно «Методическим указаниям по селекции ячменя и овса», при использовании Широкого унифицированного классификатора СЭВ на базе ФГБУН ФИЦКИА Уро РАН. Период изучения с 2023 по 2025 гг. Метеоусловия за период изучения были различны, что способствовало объективной оценке изучаемому материалу. Результаты агрометеорологических исследований предоставлены ФГБУ «Северное УГМС» Гидрометцентра по агрометеопосту Курцево. Гидротермический коэффициент определяли по методике Селянинова. ГТК в годы изучения варьировал от 1,1 до 1,7. Для роста и развития растений ячменя в течение вегетационного периода выявлены наиболее благоприятные сезоны по агрометеоусловиям – 2023 и 2025 гг., с коэффициентом ГТК 1,7 и 1,5 соответственно.

В результате исследований за 2023–2025 гг. вегетационный период варьировал от 69 до 108 дней. В 2024 году низкие температуры во II–III декадах июня замедлили рост и развитие растений, поэтому вегетационный период получился очень растянутым и составил 100–108 дней. Так как для изучения были выбраны скороспелые сорта коллекции ВИР, то в среднем за три года изучения вегетационный период варьировал незначительно – от 83 до 90 дней. Выявили 8 сортов с большей скороспелостью стандарта Таусень на 1–3 дня, из них самый скороспелый сорт финской селекции Tammi – 83 дня (табл. 1).

Таблица 1. Длина вегетационного периода наиболее скороспелых из изучаемых сортов по годам изучения, дней

Сорт	Происхождение	2023	2024	2025	Среднее	Отношение к стандарту, +/-	
						Продуктивность, г/м ²	Масса 1000 зерен, г
Tammi	Финляндия	69	100	79	83	+13	-5,8
Hellas	Швеция	71	100	80	84	+3	+1,4
Миар 2	Оренбургская область	70	101	80	84	-32	+10,1
Муссон	Приморский край	73	100	80	84	+28	+1,4
Беркут	Самарская область	72	100	81	84	-42	+3,5
Ворсинский	Алтайский край	73	100	81	85	-17	+4,7
Соболек	Красноярский край	73	100	82	85	+143	+0,4
Тонус	Ростовская обл.	73	100	82	85	-34	+6,8
Стандарт Таусень	Архангельская область	74	101	83	86	0	0
НСР ₀₅						59,9	6,5
Источник: составлено авторами.							

По продуктивности среди скороспелых сортов, выделился сорт Соболек (Красноярский край), превысив стандарт на 65,9%.

Урожайность изучаемых образцов варьировала по годам исследований: за 2023 год от 130 г/м² (Одон (Бурятия)) до 460 г/м² (Соболек (Красноярский край)) (табл. 2). В 2024 году минимальная урожайность составила 90 г/м² (Одон (Бурятия)) и максимальная 350 г/м² (Barke (Швеция)), в 2025 году – 140 г/м² (Бархатный (Тюменская область)) и 308 г/м² (Ворсинский (Алтайский край)). В среднем за три года изучения урожайность варьировала от 130 г/м² (Одон (Бурятия)) до 333 г/м² (Соболек (Красноярский край)).

Таблица 2. Скороспелые сорта с высокой продуктивностью, г/м²

Сорт	Происхождение	2023	2024	2025	Среднее	Отношение к стандарту, +/-
Соболек	Красноярский край	460	260	280	333	+116
Талер	Беларусь	330	240	280	283	+66
Barke	Швеция	190	350	260	267	+50
Ястреб	Самарская обл.	240	260	250	250	+33
Муссон	Приморский край	190	300	250	247	+30
Pongo	Швеция	220	220	300	247	+30
Сигнал	Алтайский край	280	240	190	237	+20
Калита	Свердловская обл.	220	220	270	237	+20
Ворсинский	Алтайский край	200	200	308	236	+19
Салаир	Алтайский край	240	260	190	230	+13
Мишка	Мурманская обл.	250	160	260	223	+6
Стандарт Таусень	Архангельская обл.	210	190	250	217	-
НСР ₀₅		49,6	66,8	49,0	52,4	-
Коэффициент вариации, %		22,2	32,1	21,6	23,2	-
Источник: составлено авторами.						

В пределах ошибки опыта только два сорта достоверно превысили стандарт Таусень по продуктивности в среднем за три года изучения – Соболек (Красноярский край), Талер (Беларусь). Самый высокий коэффициент вариации отмечен в 2024 году, в среднем за три года изучения он составил 23,2%.

Масса 1000 зерен как важнейший элемент структуры урожая характеризует крупность и выполненность зерна. Выраженность признака зависит от генетической информации, заключенной в генотипе, и от условий внешней среды, складывающихся в онтогенезе в период налива и созревания зерна. Достоверно, в пределах ошибки опыта превысили стандарт по массе 1000 зерен, в среднем за три года, шесть сортов (табл. 3). Наиболее высокая масса 1000 зерен у изучаемых сортов отмечена в 2023 году у сорта Миар 2 (Оренбургская область), которая достигла 61,8 г.

Таблица 3. Сорта с высокой массой 1000 зерен, г

Сорт	Происхождение	2023	2024	2025	Среднее	Отношение к стандарту, +/-	
						Масса 1000 зерен, г	Урожайность, г/м ²
Анакин	Дания	63,2	58,5	52,3	58,0	+11,3	-47
Миар 2	Оренбургская обл.	61,8	59,9	48,6	56,8	+10,1	-32
Памяти Родины	Кировская обл.	58,4	56,3	49,5	54,7	+8,1	-40
Калита	Свердловская обл.	57,5	58,1	45,1	53,6	+6,9	+20
Ястреб	Самарская обл.	56,7	59,3	44,6	53,5	+6,8	+33
Тонус	Ростовская обл.	58,3	52,5	49,7	53,5	+6,8	-34
Стандарт Таусень	Архангельская обл.	50,6	47,3	42,1	46,7	-	-
НСР 05		4,9	4,3	4,9	6,5	-	-
Источник: составлено авторами.							

Заключение

Таким образом, можно выделить несколько сортов особенно ценных для применения в качестве источников на скороспелость, продуктивность и крупность зерна для северного земледелия. Сорт Соболек (Красноярский край) самый продуктивный, обладающий длиной вегетационного периода 83 дня, массой 1000 зерен – 47,1 г; сорт Талер (Беларусь) – длиной вегетационного периода 84 дня, массой 1000 зерен – 51,4 г. С длиной вегетационного периода 79 дней выявлен сорт Тамми (Финляндия). По высокой массе 1000 зерен и продуктивности, превышающей стандарт, отмечены сорта Ястреб (Самарская область) и Калита (Свердловская область). Выделившиеся сорта включены в план гибридизации для дальнейшей селекционной работы.

Библиографический список

1. Хангильдин В.В., Никонов В.И., Шаяхметов И.Ф. (1980). Комбинационная способность и гомеостатичность сортов яровой мягкой пшеницы // Научно-техническая бюллетень ВСГИ. Вып. 4. С. 9–14.
2. Калашник Н.А., Смяловская Я.Э. (1986). Селекционно-генетический анализ продуктивности гибридов ячменя // Генетика. Т. 22. № 7. С. 1155–1162.
3. Давыдова Н.В., Казаченко А.О. (2013). Особенности подбора исходного материала для склейки яровой мягкой пшеницы в условиях Центрального Нечерноземья // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. № 5 (103). С. 5–9.
4. Левакова О.В. (2023). Хозяйственно ценные признаки и селекционные индексы сортов ячменя ярового разного эколого-географического происхождения в условиях Рязанской области // Аграрный научный журнал. № 7. С. 22–28. DOI: 10.28983/asj.y2023i7pp22-28
5. Максимов Р.А. (2015). Изучение сортообразцов ячменя мировой коллекции ВИР в условиях Среднего Урала // АПК России. Т. 74. С. 141–144.
6. Батакова О.Б., Корелина В.А., Зобнина И.В. (2025). Перспективный селекционный материал ячменя ярового для экстремальных северных условий РФ // Аграрный научный журнал. № 1. С. 11–16. DOI: 10.28983/asj.y2025i1pp11-16

Информация об авторах

Ольга Борисовна Батакова – кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 163032, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: obb05@bk.ru)

Валентина Александровна Корелина – кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий лабораторией, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 163032, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: 19651960@mail.ru)

Ирина Валентиновна Зобнина – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 163032, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: 19651960@mail.ru)

Алексей Николаевич Носков – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 163032, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: 19651960@mail.ru)

Batakova O.B., Korelina V.A., Zobnina I.V., Noskov A.N.

THE RESULTS OF THE STUDY OF THE SOURCE MATERIAL OF SPRING BARLEY (*HORDEUM VULGARE* L.) ACCORDING TO THE MAIN CHARACTERISTICS FOR BREEDING IN NORTHERN AGRICULTURE

Abstract. *The article presents a study of 26 varieties of spring barley (*Hordeum vulgare* L.) from the collection of the Russian Institute of Genetic Resources named after N.I. Vavilov. As a result of the research, early-ripening productive varieties of spring barley with a high weight of 1000 grains were identified.*

Keywords: *variety, field, precocity, standard, growing season.*

Information about the Authors

Olga B. Batakova – Candidate of Sciences (Agricultural), Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163032, Russian Federation; e-mail: obb05@bk.ru)

Valentina A. Korelina – Candidate of Sciences (Agricultural), head of laboratory, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163032, Russian Federation; e-mail: 19651960@mail.ru)

Irina V. Zobnina – Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163032, Russian Federation; e-mail: 19651960@mail.ru)

Alexey N. Noskov – Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163032, Russian Federation; e-mail: 19651960@mail.ru)

References

1. Hangildin V.V., Nikonov V.I., Shayakhmetov I.F. (1980). Combinational ability and homeostaticity of spring soft wheat varieties. *Scientific and technical bulletin VSGI*, 4, 9–14.
2. Kalashnik N.A., Smyalovskaya Ya.E. (1986). Breeding and genetic analysis of hybrid productivity of barley. *Genetics*, 22, 7, 1155–1162.
3. Davydova N.V., Kazachenko A.O. (2013). Features of the selection of the starting material for the collection of spring soft wheat in the conditions of the Central Non-Chernozem region. *Bulletin of the Altai State Agrarian University*, 5(103), 5–9.
4. Levakova O.V. (2023). Economically valuable traits and breeding indices of spring barley varieties of different ecological and geographical origin in the Ryazan region. *Agrarian Scientific Journal*, 7, 22–28. DOI: 10.28983/asj.y2023i7pp22–28
5. Maksimov R.A. (2015). Study of variety samples of barley from the world collection VIR in the conditions of the Middle Urals. *Agroindustrial Complex of Russia*, 74, 141–144.
6. Batakova O.B., Korelina V.A., Zobnina I.V. (2025). Promising breeding material of spring barley for extreme northern conditions of the Russian Federation. *Agrarian Scientific Journal*, 1, 11–16. DOI: 10.28983/asj.y2025i1pp11-16

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ТВОРОЖНЫХ И СЫРНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СНЕКОВ ДЛЯ БЫСТРОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ СИЛ ЛЮДЕЙ, РАБОТАЮЩИХ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Людям, работающим в экстремальных условиях, требуется быстрое восстановление сил. Предложено производить функциональные снеки из творога и сыра в сочетании с натуральными ингредиентами. По сравнению с продуктами-аналогами, предложенные обладают большим содержанием молочного белка и имеют более низкую цену. Актуальность производства творожных и сырных снеков можно спрогнозировать с учетом социально-экономического эффекта.

Ключевые слова: экстремальные условия, восстановление сил, творожные и сырные снеки, актуальность производства.

Сохранение здоровья населения трудоспособного возраста – основа социально-экономического благополучия и важный вопрос формирования здорового образа жизни нации [1]. Болезни пищевого происхождения приводят к снижению работоспособности и продолжительности жизни, поэтому поиск решений по улучшению качества питания с помощью функциональных пищевых продуктов – актуальная и важная задача. В группе риска по развитию заболеваний ЖКТ находятся представители IV и V группы населения по уровню физической активности (спасатели, военные, спортсмены, горняки и др.).

Иногда полноценный прием пищи, с учетом неотрывности от работы, для них невозможен [2]. Одно из решений этой проблемы – перекус снеками, являющимися перспективным видом питания, сочетающим питательную ценность и удобство использования.

Вологодской ГМХА для производства высокобелковых функциональных снеков предлагается использовать обезжиренный сыр для плавления и высокобелковый творог, обогащенный концентратом молочных белков. Из немолочного сырья для производства снеков используются только натуральные ингредиенты: льняное и кунжутное семя; овсяная и тыквенная мука; ячменный, овсяный, финиковый, черничный сиропы, овощные и фруктовые пюре, пчелиный мед, соль с пониженным содержанием натрия, витаминно-минеральные премиксы. Высушивание продуктов проводится по технологии пастилообразования при пониженных температурах (не выше 50 °С), позволяющих сохранять полезные свойства сырья.

Большинство продуктов-аналогов (чипсов или снеков) на рынке имеют злаковую природу (т. е. в их основе лежит углеводная составляющая) или содержат растительный белок.

Как видно из табл. 1, новые творожные снеки отличаются высоким содержанием белка, который имеет животное происхождение. С учетом рассчитанной себестоимости, цена таких снеков ниже цены продуктов-аналогов.

**Таблица 1. Информация о сухих белковых продуктах
(цены взяты при расчете на апрель 2025 года)**

Название продукта	Состав	Содержание белка в 100 г.	Цена, руб. (в пересчете за 100 г.)
Чипсы протеиновые цельнозерновые BOMBERS, нежный сыр	Крупа рисовая, крупа кукурузная, гороховый белок, вода, ароматизатор «Сыр Чеддер», соль, гидролизат коллагена, масло подсолнечное рафинированное, дезодорированное	15	162
Соевый снек	Соя, пшеничная мука, вода, растительное масло, соль, сахар, кунжут, перец, специи, пищевые добавки	7,4	100
Творожные снеки	Творог, сметана (сливки), молотые овсяные хлопья, семя льна, сироп ячменя, подсластитель на фруктозе	19	90
Источник: составлено авторами.			

Актуальность производства творожных и сырных снеков можно спрогнозировать с учетом социально-экономического эффекта:

Трудовой потенциал: сохранение здоровья населения трудоспособного возраста специально обученных людей, имеющих определенный опыт в профессии, работающих в экстремальных условиях.

Производственно-технический потенциал: снеки можно производить на уже имеющихся предприятиях, выпускающих аналогичную продукцию. При организации производства снеков на существующих предприятиях рентабельность продуктов составит 11%.

Экспортный потенциал: поставки в страны СНГ и БРИКС с аналогичными потребностями. В настоящее время Россия наращивает торговлю пищевыми продуктами с Китаем. В сегменте «Закуски», включая снеки, на рынке продуктов питания Китай находится на 2 месте после США¹ [3]. Годовой доход за 2024 год – 30,79 млрд долларов. При разнообразии вкусов творожных и сырных снеков, возможно, в дальнейшем их экспортирование для различных групп населения.

Библиографический список

1. Бухтияров И.В., Кузьмина Л.П., Измерова Н.И. [и др.]. (2022). Совершенствование механизмов выявления ранних признаков нарушения здоровья для сохранения трудового долголетия // Медицина труда и промышленная экология. Т. 62. № 6. С. 377–387.
2. Володько О.А. (2023). Правильное питание при повышенных физических нагрузках. Стратегия формирования здорового образа жизни населения: экосистемный подход: материалы XXI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти д. п. н., профессора В.Н. Зуева. Тюмень: Вектор Бук. С. 437–442.

Информация об авторах

Александра Георгиевна Бойцова – студент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина (Российская Федерация, 160555, Вологодская область, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: academy@molochnoe.ru)

Екатерина Константиновна Сенина – студент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина (Российская Федерация, 160555, Вологодская область, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: academy@molochnoe.ru)

Елена Юрьевна Неронова – кандидат технических наук, доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина (Российская Федерация, 160555, Вологодская область, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: academy@molochnoe.ru)

Boitsova A.G., Senina E.K., Neronova E.Y.

THE RELEVANCE OF THE PRODUCTION OF COTTAGE CHEESE AND CHEESE FUNCTIONAL SNACKS FOR THE RAPID RECOVERY OF PEOPLE WORKING IN EXTREME CONDITIONS

Abstract. *People who work in extreme conditions require rapid recovery. It is proposed to produce functional snacks from cottage cheese and cheese in combination with natural ingredients. Compared to its analogues, new products rich in milk protein have a lower price. The relevance of the production of cottage cheese and cheese snacks can be predicted taking into account the socio-economic effect.*

Keywords: *extreme conditions, recuperation, cottage cheese and cheese snacks, relevance of production.*

¹ China Snacks Food Market Size, Share & Forecast to 2033 // ResearchAndMarkets. URL: <https://www.researchandmarkets.com/report/china-snacks-market> (дата обращения: 25.11.2025).

Information about the Authors

Alexandra G. Boytsova – student, Vologda State Dairy Farming Academy by N.V. Vereshchagin (2, Schmidt Street, Village Molochnoe, Vologda Region, 160555, Russian Federation; e-mail: academy@molochnoe.ru)

Ekaterina K. Senina – student, Vologda State Dairy Farming Academy by N.V. Vereshchagin (2, Schmidt Street, Village Molochnoe, Vologda Region, 160555, Russian Federation; e-mail: academy@molochnoe.ru)

Elena Y. Neronova – Candidate of Sciences (Technological), Associate Professor, Vologda State Dairy Farming Academy by N.V. Vereshchagin (2, Schmidt Street, Village Molochnoe, Vologda Region, 160555, Russian Federation; e-mail: academy@molochnoe.ru)

References

1. Bukhtiyarov I.V., Kuzmina L.P., Izmerova N.I. [et al.]. (2022). Improving the mechanisms for detecting early signs of health disorders to preserve working longevity. *Occupational Medicine and industrial Ecology*, 62, 6, 377–387.
2. Volodko O.A. (2023). Proper nutrition with increased physical activity. Strategy of formation of a healthy lifestyle of the population: Ecosystem approach: Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V.N. Zuev. Tyumen: Vector Books, 437–442.

ПРОДУКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛОШАДЕЙ МЕЗЕНСКОЙ ПОРОДЫ

Аннотация. *Изучена мясная продуктивность и качество мяса мезенского молодняка в возрасте 6 и 18 месяцев, выращенного при конюшенно-пастбищной и табунной системах содержания. Наиболее экономически выгодным является получение мяса от молодняка в возрасте отъема при табунном содержании.*

Ключевые слова: *мезенская порода лошадей, продуктивное коневодство, система содержания, мясная продуктивность, экономическая эффективность.*

Формирование мезенской породы лошадей, являющейся локальной аборигенной породой Архангельской области, проходило под действием природно-климатических условий Крайнего Севера. Отличительными особенностями породы являются хорошая резистентность к заболеваниям, неприхотливость к условиям кормления и содержания, высокие нагульные качества, разносторонняя работоспособность. С 1993 года Архангельским НИИ сельского хозяйства ведется работа, направленная на восстановление и сохранение генофонда мезенских лошадей. В ее основе лежит метод чистопородного разведения, а селекционные мероприятия направлены на типизацию конепоголовья с одновременным поддержанием широкого генетического разнообразия в породе. В настоящее время популяция малочисленна и согласно классификации пород по степени риска, представленной в отчете ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) в 2015 году, входит в категорию «критический статус» (количество самок менее 200 голов)¹ [1]. На начало текущего года поголовье мезенок на исторической родине (в Мезенском районе) составило 244 головы, в том числе 114 кобыл.

Увеличить численность поголовья можно за счет продуктивного коневодства. Ежегодно хозяйства, занимающиеся разведением мезенских лошадей, получают по 80–90 жеребят в расчете на 100 маток. Жеребчики и кобылки, наиболее полно отвечающие породным требованиям, могут поступать в расширенное воспроизводство хозяйств, а сверхремонтный молодняк использоваться для производства мяса-конины. Положительными факторами для развития продуктивного коневодства в районе являются наличие значительных площадей естественных пастбищ и отличная приспособленность мезенских лошадей к условиям Крайнего Севера. Кроме того, конина может стать одним из продуктов питания для жителей Мезенского района, который территориально отдален от областного центра.

Нами проведены исследования по изучению продуктивных качеств молодняка мезенских лошадей и определению экономической целесообразности выращивания его на мясо при двух имеющихся системах содержания лошадей в Мезенском районе – конюшенно-пастбищной и круглогодичной пастбищной (табунной).

Динамику изменений живой массы молодняка в возрасте отъема 6 месяцев и в полутора года (18 месяцев) изучали по результатам контрольных взвешиваний в хозяйствах: СПК «Рыбколхоз «Север» (конюшенно-пастбищная система) и КФХ А.П. Локтева (табунная система). Исследования проводили в соответствии с действующим ГОСТом 32225-2013 «Лошади для убоя. Конина и жеребятина в полутушах и четвертинах. Технические условия» и общепринятыми методиками в отрасли коневодства. Химический состав мяса молодняка проводили в ФГБУ САС «Архангельская», аминокислотный – в испытательной лаборатории ООО «Лига-Серт» (г. Москва). Расчет производственных затрат и экономической эффективности выращивания молодняка проводили на основе данных бухгалтерского учета хозяйств.

Проведенные исследования показали, что мезенский молодняк до полуторогодовалого возраста обладает высокой энергией роста и хорошими нагульными качествами. При этом жеребчики и кобылки круглогодичного пастбищного содержания имеют достоверное преимущество по живой массе и привесам перед сверстниками конюшенно-пастбищного содержания (табл. 1).

¹ The Second Report on the State of the World's Animal Genetic Resources for Food and Agriculture. FAO Commission on Genetic Resources for Food and Agriculture Assessments. Rome. URL: <http://www.fao.org/3/a-i4787e/index.html>.

Таблица 1. Динамика живой массы и привесов молодняка в 6 и 18 месяцев при разных системах содержания

Система содержания	п	Контрольный период, дней	Средняя живая масса, кг		Привес, кг	Среднесуточный привес, кг
			на начало периода	на конец периода		
6 месяцев						
Конюшенно-пастбищная	16	159	63,8 ± 2,53	193,7 ± 3,97	129,9	0,817 ± 0,02
Табунная	12	127	84,6 ± 2,87	220,5 ± 3,83	135,9	1,070 ± 0,02
18 месяцев						
Конюшенно-пастбищная	15	170	215,9 ± 4,73	341,7 ± 6,92	125,8	0,740 ± 0,01
Табунная	10	125	252,1 ± 3,24	362,5 ± 4,77	111,1	0,894 ± 0,02
Источник: составлено авторами.						

Молодняк мезенских лошадей имеет хорошие показатели мясной продуктивности. В лучшую сторону выделяются животные табунного содержания. В 6 месяцев, при среднем живом весе в $204,7 \pm 5,67$ кг, предубойная живая масса жеребчиков составила $199,0 \pm 5,1$ кг, убойная – $104,5 \pm 3,4$ кг, убойный выход – $52,8 \pm 0,6\%$. Аналогичные показатели их сверстников конюшенно-пастбищного содержания несколько ниже и равны $196,3 \pm 8,7$ кг, $190,6 \pm 7,9$ кг, $98,7 \pm 4,7$ кг и $51,8 \pm 1,1\%$ соответственно. В 18 месяцев средний вес табунного молодняка ($368,7 \pm 15,7$ кг) на 23,7 кг превышает данный показатель сверстников, полученных при конюшенно-пастбищной системе. При разнице в 20,4 кг по массе туши ($184,3 \pm 13,3$ кг и $163,9 \pm 8,4$ кг соответственно) убойный выход у молодняка табунного содержания на 3,5% был выше, чем у животных конюшенно-пастбищной системы ($50,7 \pm 0,8\%$).

По морфологическому составу туши, шестимесячные жеребчик табунного содержания выделялись наличием жировых отложений, которые в общей массе туши составили 3,7%, или $3,9 \pm 0,48$ кг. У их сверстников при контрольном забое жировая ткань на тушах полностью отсутствовала. Средний выход чистого мяса в обеих группах был примерно одинаков и составил $67,3 \pm 1,87$ кг (пастбищное содержание) и $66,9 \pm 3,26$ кг (конюшенно-пастбищное содержание). В 18 месяцев большие различия вновь были выявлены по жировой ткани. Если у табунного молодняка жир равномерно покрывал всю тушу и составлял 4,2% (7,7 кг) в ее структуре, то у жеребчиков конюшенно-пастбищного содержания он присутствовал лишь в области гребня шеи, крестца и вдоль позвоночного столба, занимая в общей массе туши 0,8% (1,4 кг). Следует отметить, что жировые отложения, выполняющие тепловую и питательную функции, необходимы для животных, особенно для разводимых в условиях круглогодичного пастбищного содержания. Средний выход мяса у табунного молодняка составил $123,5 \pm 10,16$ кг, что на 13,1 кг выше, в сравнении с данным показателем молодняка конюшенно-пастбищного содержания – $110,4 \text{ кг} \pm 6,06$ кг.

По химическому составу мясо молодняка имеет высокую пищевую и биологическую ценность. В силу возрастных причин к 18 месяцам в мясе жеребчиков отмечается небольшое снижение влаги (с 74,3 до 69,9%), увеличение жира (с 3,8 до 6,5%) и калорийности (с 1222,6 до 1518,8 калорий). Содержание незаменимых аминокислот в мясе молодняка, в сравнении с эталоном ФАО/ВОЗ, выше на 44,4% [1], а по количественному содержанию аминокислот в белке мясо мезенских лошадей по 13 из 17 исследованных кислот в 1,1–1,6 раза превосходит говядину и в 1,2–2,2 раза свинину и мясо птицы. По наличию вредных и опасных для человека веществ мясо молодняка соответствует СанПиНу 2.3.2.-1078-01, а количественное содержание тяжелых металлов (ртуть, свинец, кадмий, мышьяк, цезий-137) и пестицидов в продукте (во всех исследованиях) значительно ниже уровня предельно допустимой концентрации (ПДК).

Наиболее оптимальным вариантом при производстве мяса является получение продукции от молодняка в возрасте 6 месяцев, выращенного табунным способом. В этом случае выручка от реализации мясной продукции, полученной от одной головы, в 3 раза превышает ее себестоимость. К 18 месяцам затраты на содержание одной головы увеличиваются, что влияет на соотношение между ее себестоимостью и доходом, которое составляет 1,7 раза (табл. 2).

Таблица 2. Экономическая эффективность производства мяса от одной головы молодняка разных систем содержания в возрасте 6 и 18 месяцев

Показатель	6 месяцев		18 месяцев	
	Конюшенно-пастбищная	Табунная	Конюшенно-пастбищная	Табунная
Себестоимость 1 головы, руб.	15978	7859	30365	20358
Себестоимость 1 ц привеса живой массы, руб.	7228	2204	9656	5465
Живая масса, кг	196,0	204,7	345,0	368,7
Масса туши, кг	98,0	104,5	164,0	184,3
Стоимость реализованной продукции, руб.	29400	31350	31350	55290
Доход от реализации продукции, руб.	13422	23491	985	34942
Источник: составлено авторами.				

Полученные результаты свидетельствуют о возможности сохранения и расширения популяции мезенских лошадей путем увеличения численности конепоголовья и, в первую очередь, маточного состава за счет технологии табунного содержания животных с одновременным использованием сверхремонтного молодняка для организации производства диетического мяса-конины в условиях Мезенского района.

Библиографический список

1. Кобцев М.Ф., Рагимов Г.И., Захаров Н.Б., Борисов Н.В. (2014). Мясная продуктивность крупного рогатого скота и технология производства говядины. Новосибирск: НГАУ. 88 с.

Информация об авторах

Наталья Владиславовна Вдовина – старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 163032, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: vdovina.natali2014@yandex.ru)

Ирина Борисовна Юрьева – кандидат сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 163032, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: arhel@mail.ru)

Vdovina N., Yuryeva I.

PRODUCTIVE USE MEZEN BREED OF HORSES

Abstract. *The meat productivity and quality of meat from 6- and 18-month-old Mezen young animals raised under the stable-pasture and herd-based systems have been studied. The most cost-effective method is to obtain meat from young animals at weaning age under the herd-based system.*

Keywords: *mezen horse breed, productive horse breeding, housing system, meat productivity, economic efficiency.*

Information about the Authors

Natalya V. Vdovina – Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163032, Russian Federation; e-mail: vdovina.natali2014@yandex.ru)

Irina B. Yurieva – Candidate of Sciences (Agricultural), Leading Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163032, Russian Federation; e-mail: arhel@mail.ru)

References

1. Kobtsev M.F., Ragimov G.I., Zakharov N.B., Borisov N.V. (2014). Beef productivity of cattle and beef production technology. Novosibirsk: NGAU.

РОЛЬ ОРГАНИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РАЗВИТИИ АПК РОССИИ

Аннотация. После принятия ГОСТов по органическому сельскому хозяйству в 2016 и 2021 гг. объемы сертифицированной продукции увеличились, включая как крупные холдинги, так и ИП в 54 субъектах Российской Федерации. В данной работе рассматриваются различные аспекты вклада органического сектора в развитие агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: сертифицированная продукция, агропромышленный комплекс, органическое сельское хозяйство, устойчивое земледелие, Российская Федерация.

Введение

Вслед за органическими стандартами 2016 года (ГОСТ 33980 и ГОСТ Р 57022), устанавливающими правила производства, переработки, маркировки, реализации, а также порядок добровольной сертификации органической продукции, органический сектор российского сельского хозяйства начал устойчиво расти. В 2021 году был введен ГОСТ Р 59425 о правилах сбора, заготовки, переработки, хранения, транспортировки и маркировки органической продукции из дикорастущего сырья, что стало кульминацией регулирования органического подсектора и предоставило платформу многим фермерам для трансформации своих методов производства в сторону сертифицированного органического производства. По состоянию на 2020 год на долю России приходилось всего 0,15% от общего объема органического рынка [1, с. 220], но к 2022 году [2, с. 2] прогнозировалось 10–12% годовых темпов роста органического сектора России [3, с. 1]. Вследствие было обнаружено, что органическое производство в России разделено между растениеводством (62%), переработкой (27%) и животноводством (9%). Эти подсекторы по отдельности вносят вклад во всю цепочку создания стоимости в сельском хозяйстве, создавая нишевый рынок с высокой ценой и устойчивыми перспективами роста. В соответствии с Приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 19 ноября 2019 г. № 633, Министерство сельского хозяйства ведет Единый государственный реестр производителей органической продукции в России. По состоянию на 5 ноября 2025 года количество выданных и завершенных сертификаций составило 699 органических сертификатов. Из них 349 (50%) являются действующими, 344 (49%) – недействующими, 6 (1%) – приостановлены. Общее количество действующих сертификаций принадлежит 264 компаниям, 43 из которых являются иностранными. Объединяя данные¹ по отдельным культурам, подчеркивается вклад органического подсектора в общее развитие агропромышленного комплекса Российской Федерации, а также рассматриваются конкретные проблемы.

Результаты

Органическое сельское хозяйство способствовало:

1. Развитию сельских районов и занятости. В настоящее время сертифицированное органическое сельское хозяйство практикуется в 54 из 85 субъектов Российской Федерации. На первом месте находится Воронежская область с 25 сертифицированными производителями (рис. 1). Регион также лидирует в оказании поддержки производителям органической продукции [3, с. 1]. Несколько других регионов, таких как Алтайский и Краснодарский края, Тульская и Калужская области, продвигают органическое сельское хозяйство в рамках местных стратегий развития. В Краснодарском Крае действуют местные правила развития органической продукции (Закон Краснодарского Края № 4077-КЗ, июль 2019 год) в рамках государственной поддержки регионального развития. Между тем, в Туле распространен агротуризм под эгидой «оздоровительного туризма», способствующий диверсификации региональных доходов. Кроме того, органическое сельское хозяйство более трудоемко, что является предпосылкой для регионального развития за счет увеличения занятости в фермерских сообществах.

¹ Единый государственный реестр производителей органической продукции // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <http://opendata.mcx.ru/opendata/7708075454-organicprod>; Статистика FiBL – Площадь под отдельными культурами // Научно-исследовательский институт органического сельского хозяйства FiBL. URL: <https://statistics.fibl.org/world/selected-crops-world.html>

Рис. 1. Региональное распределение производителей органической продукции в России
Источник: составлено автором.

Данные на *рис. 2* показывают, что в 2011 году общая площадь органических сельскохозяйственных культур составляла около 5 800 гектаров, а к 2021 году достигла рекордно высокого значения в 576 000 гектаров. Основными сельскохозяйственными культурами являются зерновые, масличные, бобовые и белковые культуры. Также существует потенциал для роста производства фруктов и овощей, хотя в настоящее время их масштабы невелики. Однако данные Органического регистра показывают, что многие фермеры диверсифицируют производство, переходя на выращивание винограда, яблок, гороха, тыквы и т. д. Более того, развивается отрасль органической переработки: мукомольные комбинаты, переработка растительного масла, производство соков и спирта получили особое распространение благодаря разнообразию доступного сырья. Диверсификация первичного производства может изменить направление развития перерабатывающей промышленности.

Рис. 2. Распределение органического производства и переработки по секторам
Источник: составлено автором.

2. Улучшение систем управления фермерским хозяйством. Органическое сельскохозяйственное производство в России представлено несколькими типами фермерских хозяйств: от крупных агропромышленных холдингов до небольших индивидуальных фермерских хозяйств. В частности, 44% активно зарегистрированных органических фермеров являются обществами с ограниченной ответственностью, а 33% – индивидуальными фермерами. На крестьянские (фермерские) хозяйства и открытые акционерные общества приходится по 7%.

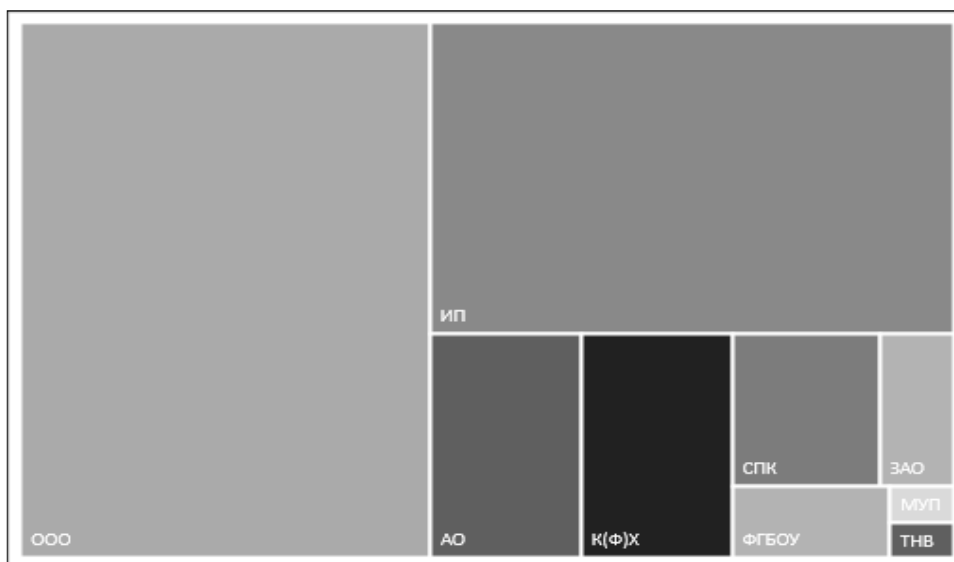

Рис. 3. Распределение систем управления фермерским хозяйством

Источник: составлено автором.

Наличие нескольких типов фермерских хозяйств открывает простор для инноваций в применении органических методов. Это также способствует развитию сотрудничества с научно-исследовательскими институтами (ФГБОУ), что является необходимым условием развития органического агропромышленного сектора.

3. Развитие агентств по органической сертификации и прослеживаемости для повышения качества продуктов питания. Другим направлением развития является институционализация органического подсектора в форме государственных организаций, ответственных за контроль качества органического производства и переработки. Работа этих организаций, с одной стороны, способствует доверию потребителей к органической продукции, а с другой – дает возможность производителям органической продукции устанавливать высокие цены. Органические сертификаты, представленные в данном исследовании, были выданы семью органами по сертификации, каждый из которых специализируется на разных направлениях. Наиболее активным (60%) является «Роскачество», 21% и 11% сертификатов были выданы ООО «Органик-Сертификация» и ФГБУ «ВГНКИ». Помимо сертификации, институционализация органического сельского хозяйства осуществляется в рамках стандартов (ГОСТ).

Таблица 1. Органы органической сертификации в Российской Федерации

Орган по сертификации	Количество компаний	Фокус
АНО «Российская система качества»	134	Растениеводство, животноводство, переработка, пчеловодство, аквакультура, дикорастущие растения
ООО «Органик-Сертификация»	47	Растениеводство, животноводство, переработка, грибоводство, пчеловодство, сбор дикорастущего сырья, производство экологически чистых продуктов питания и кормов
ФГБУ «ВГНКИ»	24	
ФГБУ «ВНИИЗЖ»	2	
ФГБУ «Российский сельскохозяйственный центр»	7	Растениеводство (полный цикл)
АО «Тест-Татарстан»	5	
Донской филиал ФГБУ «Федеральный центр оценки безопасности и качества продукции АПК»	2	Растениеводство, переработка
Источник: составлено автором.		

4. Взаимосвязи с международным рынком. В Российской Федерации импортируемая органическая продукция должна получить российскую органическую сертификацию для легальной продажи на рынке. Это побудило ряд международных производителей из стран Европы, Азии, Африки и Южной Америки пройти сертификацию по стандартам ГОСТ. Как видно из *рис. 4*, из 43 сертифицированных иностранных компаний 19, 14 и 12% – из Италии, Эквадора и Испании соответственно, импортирующие в основном переработанные пищевые продукты (муку, соусы, пюре, смузи и т. д.), тропические фрукты и вино.

Рис. 4. Распределение иностранных компаний

Источник: составлено автором.

Заключение

Развитие органического сельского хозяйства способствовало развитию ряда аспектов агропромышленного сектора. Однако существует ряд проблем, связанных с количественным анализом его потенциала, в том числе ограниченная доступность данных, несертифицированная органическая деятельность, низкая финансовая поддержка производителей органической продукции и другие. Эти области требуют внимания со стороны политики для научного анализа и прогнозирования потенциала органического сектора.

Библиографический список

1. Нестеренко Н., Пахомова Н., Рихтер К.К. (2020). Устойчивое развитие органического сельского хозяйства: стратегии России и ее регионов в контексте применения технологий цифровой экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. № 36 (2). С. 217–242. DOI: 10.21638/spbu05.2020.203
2. Федотова Г., Ларионова И., Джанчаров Т., Цициге Н. Капустина Ю. (2023). Устойчивое развитие российского рынка органического агропромышленного комплекса // Сеть конференций E3S. № 390. DOI: 10.1051/e3sconf/202339001015
3. Кудрявцев Н.Р. (2025). Отраслевая структура производства органической продукции в контексте устойчивого сельского хозяйства в России: Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2025». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2025/data/36659/181195_uid439471_report.pdf

Информация об авторе

Обаса Олуватимилейин Дебора – аспирант, Томский Государственный Университет (Российская Федерация, 634058, г. Томск, ул. Набережная реки Ушайки, д. 12; e-mail: oobasa@stud.tsu.ru)

Obasa O.D.

THE ROLE OF ORGANIC AGRICULTURE IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Abstract. *Following the 2016 and 2021 GOST standards on organic agriculture, certified production has increased comprising both large agro-holdings and small individual farms across 54 subjects of the federation. This paper examined several contributions of the organic sector to the agro-industrial complex.*

Keywords: *certified products, agro-industrial complex, organic agriculture, sustainable farming, Russian Federation.*

Information about the Author

Obasa Oluwatimileyin Deborah – graduate student, Tomsk State University (12, Naberezhnaya reki Ushaiki Street, Tomsk, 634058, Russian Federation; e-mail: oobasa@stud.tsu.ru)

References

1. Nesterenko N.Yu., Pakhomova N.V., Richter K.K. (2020). Sustainable development of organic agriculture: Strategies of Russia and its regions in context of the application of digital economy technologies. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 36, 2, 217–242. DOI: 10.21638/spbu05.2020.203
2. Fedotova G., Larionova I., Dzhancharov T., Tsitsige N., Kapustina Yu. (2023). Sustainable development of the Russian market of organic agro-industrial complex. *E3S Web of Conferences*, 390. DOI: 10.1051/e3sconf/202339001015
3. Kudryavtsev N.R. (2025). Sectoral structure of organic production in the context of sustainable agriculture in Russia: Proceedings of the International Youth Scientific Forum “Lomonosov-2025”. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2025/data/36659/181195_uid439471_report.pdf

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье исследована сущность экономического потенциала в сельском хозяйстве. Автором представлено определение экономического потенциала с точки зрения ресурсного подхода относительно организаций, занимающихся сельским хозяйством; выделены структурообразующие элементы экономического потенциала сельскохозяйственных организаций; представлена система основных показателей экономического потенциала сельскохозяйственных организаций.

Ключевые слова: экономический потенциал, структура, показатели эффективности, сельское хозяйство.

В исследованиях зарубежных и отечественных авторов существуют разработки относительно определения экономического потенциала. Например, в исследовании Д. Госселина, Я. Лейсена и Ж. Вербеке экономический потенциал рассматривается с точки зрения ресурсного подхода на микроэкономическом уровне, который основывается на валовом внутреннем продукте [1]. Экономический потенциал является сложной и динамичной категорией. Большую роль в поиске совокупности понятий экономического потенциала играет определение его наличия, оценки и возможность соотношения с уровнем конкурентов.

Экономический потенциал (применительно к отдельному предприятию) характеризует не столько производственные возможности (мощность), а интегральные способности предприятия максимально удовлетворять потребности жителей и учитывать интересы государства при оптимальном использовании наличных экономических ресурсов. Экономический потенциал в значительной степени зависит от оптимального сочетания отдельных видов экономических ресурсов, вовлеченных в производственный процесс, уровня организации производства и труда, эффективности системы управления предприятия [2].

Экономический потенциал – совокупная способность экономики, ее отраслей, предприятий, хозяйств осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, услуги, удовлетворять запросы населения, общественные потребности, обеспечивать развитие производства и потребления [3].

Но до сих пор, конкретно для организаций, занимающихся сельскохозяйственным производством, не разработана единая интегральная методика оценки эффективности использования экономического потенциала. Статья направлена на разработку и системы показателей, характеризующих экономический потенциал применительно к сельскохозяйственным организациям. Для данного исследования необходимо формирование системы ключевых показателей, характеризующих составляющие экономического потенциала с учетом специфики отрасли.

В связи с возросшей потребностью рационального использования природных запасов возникла острая необходимость в экономической оценке различных по градации природных ресурсов, учитывая их качество и количество [4]. Как показал анализ, для комплексной оценки экономического потенциала предприятия и внедрения в постоянную практику, разработанных методических подходов недостаточно. Тем не менее, для анализа экономического потенциала могут быть использованы отдельные способы и приемы.

По мнению И.А. Минакова, к внешним факторам, повышающим эффективность сельскохозяйственного производства, относятся процессы налогообложения, ценообразования, кредитования, законодательство, инфляция, государственная поддержка и пр. К внутренним факторам рекомендуется относить урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность животных, технологию и организацию производства, а также себестоимость продукции [5].

Экономический потенциал предприятия представляет собой иерархическую и, по характеру взаимосвязей элементов, стохастическую систему. Диагностика потенциала предприятия может проводиться как в форме комплексного исследования, так и поэтапно, по отдельности для каждого элемента [6].

С целью оценки влияния отдельных факторов на процессы формирования, использования и развития экономического потенциала предприятия необходимо произвести анализ его структурных элементов и взаимодействия между ними. Исходя из ресурсного подхода к определению категории экономического потенциала, структуризация его элементов осуществляется в соответствии с составом экономических ресурсов и принципами их совместного использования [2].

В сельскохозяйственной отрасли особое внимание уделяется биологическому потенциалу предприятий. В организациях по производству мяса и молока предлагается в биологическом потенциале рассматривать две составляющие: потенциал продуктивности животных и земельный потенциал.

В табл. 1 предложена ключевая система основных показателей экономического потенциала относительно уровня его использования к молочно-товарной ферме. Представленная система предполагает логичное продолжение – оценка экономического потенциала относительно основных показателей.

Таблица 1. Система основных показателей эффективности экономического потенциала сельскохозяйственной организации

№ п/п	Элемент экономического потенциала	Существенный показатель соответствующего элемента	Показатель использования потенциала
1	Производственный	Производственная мощность предприятия	Коэффициент использования производственной мощности
2	Трудовой	Среднесписочная численность работников	Выработка фактическая
3	Технический	Количество технологических, механизированных и автоматизированных процессов	Уровень автоматизации
4	Продуктивность животных	Производительность на одну корову в год	Индекс продуктивности
5	Земельный	Площадь сельскохозяйственных земель	Средняя стоимость урожая
6	Финансовый	Резерв заемной способности	Совокупность неиспользованных средств в динамике
Источник: составлено автором.			

Формирование системы показателей для оценки экономического потенциала сельскохозяйственной организации должно быть обусловлено ростом конкуренции, развитием потребностей организаций в планировании, анализе, контроле, а также необходимостью оценки целесообразности расходования бюджетных средств и потребностью органов власти и управления в оценке результативности реализации государственных программ по поддержке различных видов деятельности. Представленная система показателей позволяет разработать интегральную стоимостную оценку экономического потенциала с учетом специфики отрасли.

Библиографический список

1. Gosselin D.P., Leysen J., Verbeke T. (2007). Protecting a nation's economic Potential: Proposal for a scientific research agenda. *EJIS*, 1, 3–21.
2. Лапин Е.В. [и др.]. (2002). Экономический потенциал предприятия: монография. Сумы: Университетская книга. 310 с.
3. Лимин Я. (2006). Оценка экономического потенциала сельскохозяйственных предприятий // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 3 (48). С. 47–50.
4. Костылев А.А. (2010). Подходы к оценке природно-ресурсного потенциала и показатели эффективности его использования в регионе // Социально-экономические явления и процессы. № 3. С. 110–118.
5. Минаков И.А., Касторнов Н.П., Смыков Р.А. [и др.]. (2005). С. Экономика сельского хозяйства. Москва: КолосС. 400 с.
6. Зимин Н.Е., Солопова В.Н. (2004). Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Москва: КолосС. 384 с.

Информация об авторе

Дарья Ивановна Озерова – аспирант, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: common@volnc.ru)

Ozerova D.I.

DETERMINING THE ECONOMIC POTENTIAL OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS

Abstract. *This article examines the essence of economic potential in agriculture. The author defines economic potential from a resource-based perspective for organizations engaged in agriculture; identifies the structural elements of the economic potential of agricultural organizations; and presents a system of key indicators of the economic potential of agricultural organizations.*

Keywords: *economic potential, structure, performance indicators, agriculture.*

Information about the Author

Darya I. Ozerova – graduate student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: common@volnc.ru)

References

1. Gosselin D.P., Leysen J., Verbeke T. (2007). Protecting a nation's economic Potential: Proposal for a scientific research agenda. *EJIS*, 1, 3–21.
2. Lapin E.V. [et al.]. (2002). Economic Potential of an Enterprise: Monograph. Sumy: University Book.
3. Limin Ya. (2006). Assessing the Economic Potential of Agricultural Enterprises. *Bulletin of the Irkutsk State University of Economics*, 3(48), 47–50.
4. Kostylev A.A. (2010). Approaches to Assessing Natural Resource Potential and Indicators of the Efficiency of Its Use in a Region. *Socio-Economic Phenomena and Processes*, 3, 110–118.
5. Minakov I.A., Kastornov N.P., Smykov R.A. [et al.]. (2005). *Agricultural Economics*. Moscow: KolosS.
6. Zimin N.E., Solopova V.N. (2004). *Analysis and Diagnostics of Financial and Economic Activities of an Enterprise*. Moscow: KolosS.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ТЕХНОЛОГИИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА: НАУЧНЫЙ И ПАТЕНТНЫЙ ЛАНДШАФТ

Аннотация. *Представлены возможности использования методов патентного и публикационного ландшафта для определения трендов, технологий и российских центров компетенций в АПК. Результаты исследования позволили определить приоритетные сферы государственной поддержки технологий с учетом глобальных трендов.*

Ключевые слова: *агропродовольственный рынок, импортозамещение, центры компетенций, цифровые технологии, глубокая переработка, публикационный и патентный ландшафт.*

Развитие и эффективность агропродовольственного рынка достигаются за счет взаимодействия различных секторов экономики, в совокупности составляющих агропромышленный комплекс. Продовольственная безопасность является детерминантой экономической безопасности государства, регулируется в рамках Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 года № 120 и непосредственно связана с целями Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», предусматривающей активное применения цифровых технологий в пищевой индустрии и сельском хозяйстве для реализации принципов «Индустрия 4.0».

Глобальная продовольственная система должна стать более устойчивой. Такая возможность должна реализовываться через применение наиболее перспективных агротехнологий [1, с. 254]. В условиях санкций в отношении России значительно обострилась проблема выделения приоритетов технологического развития в условиях ограниченных бюджетных средств и поставщиков оборудования и комплектующих. Анализ ключевых технологий агропроизводства на глобальном уровне тесно связан с применением современных компьютерных технологий [2].

Для прогноза трендов и оценки технологических решений на агропродовольственном рынке в рамках исследования были использованы методы формирования патентного и научного ландшафта. Использовалась цифровая платформа информационно-аналитической поддержки научно-исследовательской деятельности в области АПК (ЦПИАП), которая включает модели и методы анализа больших коллекций научно-исследовательских документов (десятки миллионов полнотекстовых документов из различных источников с масштабированием на массивы из сотен миллионов документов на русском и английском языках). Платформа реализует сбор научно-технических документов из различных открытых источников, извлечение информации (метаданных) из полных текстов, кросс-языковой поиск и связывание массивов разнородных полнотекстовых документов.

На современном мировом агропродовольственном рынке активно развиваются интеллектуальные и цифровые технологии в области систем орошения, которые позволяют выйти на новый уровень производительности и экономической эффективности. В результате проведенного исследования была сформирована коллекция (информационная база документов) в области технологий орошения, включающая более 2,2 тысяч полнотекстовых научно-технических документов (публикации, авторефераты диссертаций, патенты) за период 2007–2022 гг. На основе использования современных способов и технологий извлечения информации, семантического поиска и обработки полных текстов был построен публикационный и патентный ландшафт по тематике «Технологии орошения». По результатам работы выявлено, что в России создана база для разработки оросительных комплексов, сформированы научные и технологические заделы по тематике «Системы орошения и дождевальные машины». Прослеживается эффективность государственных программ по поддержке исследований в области орошения, которые обеспечили прирост количества научных публикаций.

В результате построения научного и патентного ландшафта на основе собственной методики были выделены центры компетенций в области внедрения цифровых технологий орошения [3, с. 38]. Лидером в области патентования разработок по тематике «Технологии орошения» является Поволжский научно-исследовательский институт эколого-мелиоративных технологий, который с 2016 года входит в состав Федерального научного центра агроэкологии, комплексных мелиораций и защитного лесоразведения Российской академии наук (ФНЦ агроэкологии РАН). Среди основных патентообладателей в РФ необходимо отметить промышленного производителя дождевальных машин «Фрегат» – ООО «Билдинг Строй Групп» и производителя поливальных машин «Каскад» – ООО «ЛандшафтСтройСервис». ФГБНУ ВНИИ «Радуга» – головная организация Минсельхоза России в области технологий, техники орошения и сельхозводоснабжения характеризуется определенным балансом между количеством публикаций и патентованием разработок.

Технологии компьютерного зрения в последние годы становятся все более востребованными различными отраслями экономики. Для целей анализа направления «Системы распознавания изображений и компьютерного зрения в производстве сельскохозяйственной и продовольственной продукции» с помощью платформы ЦПИАП за период 2010–2021 гг. была сформирована коллекция полнотекстовых документов, которая включает более 1,1 тыс. патентов и 3,5 тыс. научных публикаций [4, с. 32]. Динамика патентной и публикационной активности продемонстрировала взрывной рост количества патентов и публикаций в условиях пандемии COVID более чем в 2,5 раза. На мировом рынке лидером среди патентообладателей по компьютерному зрению в агропродовольственной сфере является технологическая компания Degimarc Corporation, за ней следуют всемирно известные корпорации IBM, Panasonic, Amazon.

Понимание современного мирового научного и патентного ландшафта по современным технологиям АПК (компьютерное зрение) и новые разработки управления орошением позволило обоснованно определить векторы развития данных технологий в агропродовольственной сфере с учетом глобальных технологических трендов в рамках поддержки прорывных технологий с позиций национальной продовольственной безопасности.

Библиографический список

1. Basso B., Antle J. (2020). Digital agriculture to design sustainable agricultural systems. *Nature Sustainability*, 3, 4, 254–256.
2. Wei T., Jiang T. [et al.]. (2023). Exploring the Evolution of Core Technologies in Agricultural Machinery: A Patent-Based Semantic Mining Analysis. *Electronics*, 12, 20, 42–77.
3. Отмахова Ю.С., Девяткин Д.А., Усенко Н.И. (2024). Методы патентного и публикационного ландшафта для выявления перспективных цифровых технологий управления орошением // Информационное общество. № 6. С. 28–43.
4. Отмахова Ю.С., Девяткин Д.А., Усенко Н.И. (2023) Подходы к оценке развития и внедрения технологий компьютерного зрения в агропродовольственном комплексе на основе патентного ландшафта и агентного моделирования // Информационное общество. № 1. С. 28–40. DOI: 10.52605/16059921_2023_01_28

Информация об авторе

Юлия Сергеевна Отмахова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: otmakhovajs@yandex.ru)

MODERN TRENDS AND TECHNOLOGIES OF THE AGRI-FOOD MARKET: A SCIENTIFIC AND PATENT LANDSCAPE

Abstract. *Patent and publication landscape analyses are applied to map trends, technologies, and Russian competence centers in the agro-industrial complex. The findings highlight priority areas for state-led technology support, reflecting global trend.*

Keywords: *agri-food market, import substitution, centers of competence, digital technologies, deep processing, publication and patent landscape.*

Information about the Author

Yulia S. Otmakhova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Central Economic-and-Mathematic Institute, Russian Academy of Sciences, (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: otmakhovajs@yandex.ru)

References

1. Basso B., Antle J. (2020). Digital agriculture to design sustainable agricultural systems. *Nature Sustainability*, 3, 4, 254–256.
2. Wei T., Jiang T. [et al.]. (2023). Exploring the Evolution of Core Technologies in Agricultural Machinery: A Patent-Based Semantic Mining Analysis. *Electronics*, 12, 20, 42–77.
3. Otmakhova Y.S., Devyatkin D.A., Usenko N.I. (2024). Methods of patent and publication landscaping to evaluate new digital irrigation technologies. *Information Society*, 6, 28–43.
4. Otmakhova Y.S., Devyatkin D.A., Usenko N.I. (2023). Approaches to assess the development and implementation of computer vision technologies in the agro-food complex based on the patent landscape and agent modeling. *Information Society*, 1, 28–40.

ДИНАМИКА ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация. *Экспорт отечественной агропромышленной продукции продемонстрировал положительную динамику, увеличившись с 2014 по 2024 год более чем в четыре раза (775,6 – 3340,5 млрд рублей). Доля АПК в общем экспорте страны устойчиво росла, увеличившись с 4,3 до 8,9%, что подтверждает укрепление позиций аграрного сектора экономики как стратегически важного элемента экономики.*

Ключевые слова: сельское хозяйство, внешнеэкономические ограничения, экспорт АПК, санкции, структура экспорта.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01678, <https://rscf.ru/project/24-28-01678/>.

Введение

Экспорт продукции агропромышленного комплекса приобрел стратегическое значение для экономики России, превратившись из второстепенного элемента в мощный драйвер экономического роста и важный инструмент международного позиционирования страны [1]. Значимость аграрного экспорта качественно возросла в новых экономических условиях, где он не только компенсирует возможное сокращение выручки от традиционных экспортных товаров [2], но и демонстрирует исключительную адаптивность к меняющимся внешним условиям, активно осваивая перспективные рынки Азии, Ближнего Востока и Африки [3]. Особую важность приобретает мультипликативный эффект от экспортной деятельности АПК, выражающийся в стимулировании смежных отраслей, создании высокотехнологичных рабочих мест в сельских территориях и развитии экспортно ориентированной инфраструктуры. В контексте глобальных вызовов продовольственной безопасности наращивание экспорта укрепляет позиции России как надежного поставщика на мировом продовольственном рынке и способствует диверсификации национальной экономики, формируя новые конкурентные преимущества страны в международном разделении труда [4].

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил комплексный анализ, включающий метод систематизации и категоризации первичных данных, позволивший структурировать негативные факторы, оказывающие влияние на состояние экспорта агропромышленной продукции. Цель исследования – определить динамику и выявить основные проблемы, влияющие на экспорт агропромышленной продукции в период 2014–2024 гг. Для оценки причинно-следственных связей и масштаба воздействия применялся дескриптивный анализ, основанный на изучении открытых данных Агентства по техническому сотрудничеству Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Всемирной торговой организации (ВТО) и отраслевых отчетов. Кроме того, был использован контент-анализ новостных сообщений и заявлений регуляторов для идентификации и верификации конкретных ограничительных мер и их непосредственных операционных последствий для участников рынка.

Результаты исследования

Введение внешнеэкономических ограничений в 2022 году спровоцировало для агропромышленного комплекса России новые вызовы, характеризующиеся комплексом негативных угроз системного свойства. Наиболее остро проявились логистические проблемы, вызванные блокировкой традиционных экспортных маршрутов продовольствия через порты стран Балтии, Польши и Финляндии, а также введение санкций со стороны государств Европейского союза. Вынужденное перенаправление товарных потоков через порты Кавказа и Азовского моря, а также на восточное направление, привело к резкому удорожанию перевозок, усугубляемому ростом железнодорожных тарифов и дефицитом сухогрузов и контейнеров, возникшим из-за санкций в сфере фрахта и страхования судов.

Параллельно возникли значительные финансовые и расчетные ограничения: отключение ряда российских банков от системы SWIFT критически осложнило проведение международных платежей, а заморозка части золотовалютных резервов и санкции против финансовых институтов создали барьеры для конвертации валютной выручки. Ситуацию усугубляли риски иностранных контрагентов, столкнувшихся с угрозой вторичных санкций, что препятствовало заключению новых контрактов. Существенным ударом стала практически полная потеря ключевого рынка сбыта в лице Европейского союза, куда ранее поставлялись значительные объемы такой продукции, как пшеница и рапс. Наконец, внешнеэкономические ограничения создали долгосрочные стратегические риски, нарушив цепочки импорта критически важных средств производства: высококачественных семян, средств защиты растений, сельхозтехники и запчастей, от которых напрямую зависят будущие объемы и конкурентоспособность отечественной продукции АПК [5]. Динамика эскорта представлена на *рис. 1*.

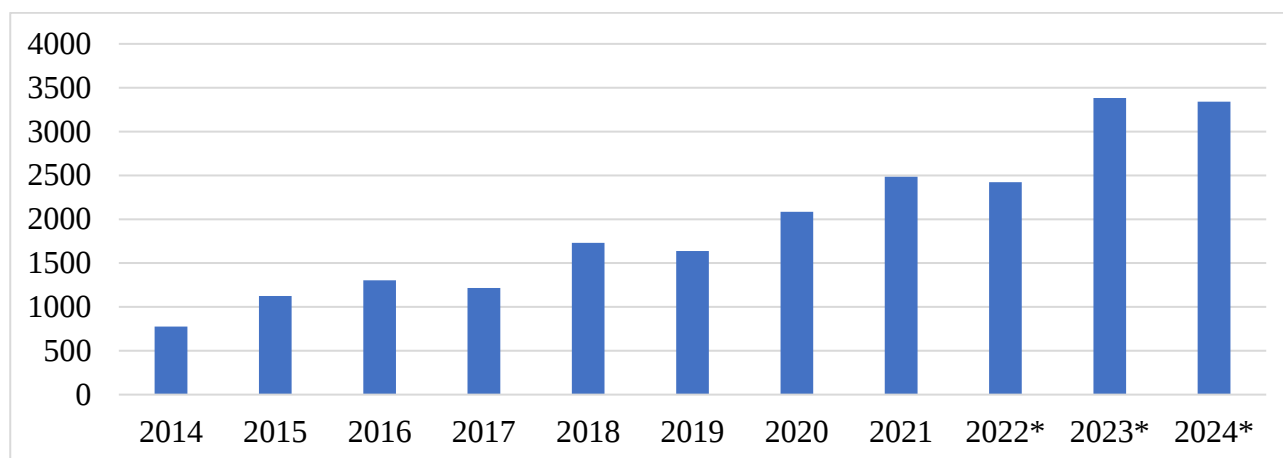

Рис. 1. Динамика экспорта продукции агропромышленного комплекса, млрд руб.

* Информация по экспорту Республики Беларусь по данным Федерального центра развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России.

Источник: рассчитано автором по данным Агентства по техническому сотрудничеству Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Всемирной торговой организации (ВТО).

Как видно по данным рисунка, наблюдается устойчивая долгосрочная тенденция к росту стоимостного объема экспорта агропромышленного комплекса. За десятилетний период номинальный объем экспорта увеличился более чем в четыре раза – с 775,6 млрд руб. в 2014 году до 3340,5 млрд руб. в 2024 году. Несмотря на наличие циклических колебаний, в целом траектория является восходящей с особенно резким скачком в 2023 году. Важно отметить, что даже в 2022 году, на который пришлось наиболее серьезные внешнеэкономические ограничения, объем экспорта сохранился на уровне, сопоставимом с предшествующим пиковым 2021 годом, что свидетельствует о высокой адаптивности отрасли. Последующее достижение нового исторического максимума в 2023 году подтверждает тезис о преодолении отраслью шокового воздействия и выходе на новую траекторию роста.

Значимость агропромышленного комплекса в структуре национального экспорта за анализируемый период увеличилась кардинальным образом. Если в 2014 году доля АПК в общем экспорте страны составляла 4,3%, то к 2023–2024 гг. этот показатель стабилизировался на уровне около 9%, то есть более чем в два раза. Это указывает на существенную структурную трансформацию в отечественном экспорте, где продукция АПК изменилась из периферийной в одну из ключевых статей, компенсируя, в частности, возможное снижение вклада других традиционных секторов. Пиковое значение доли в 9,5% в 2023 году является беспрецедентным за весь рассматриваемый период и подчеркивает возросшую роль АПК в обеспечении валютных поступлений и устойчивости экономики в условиях внешнеэкономических ограничений (*рис. 2*).

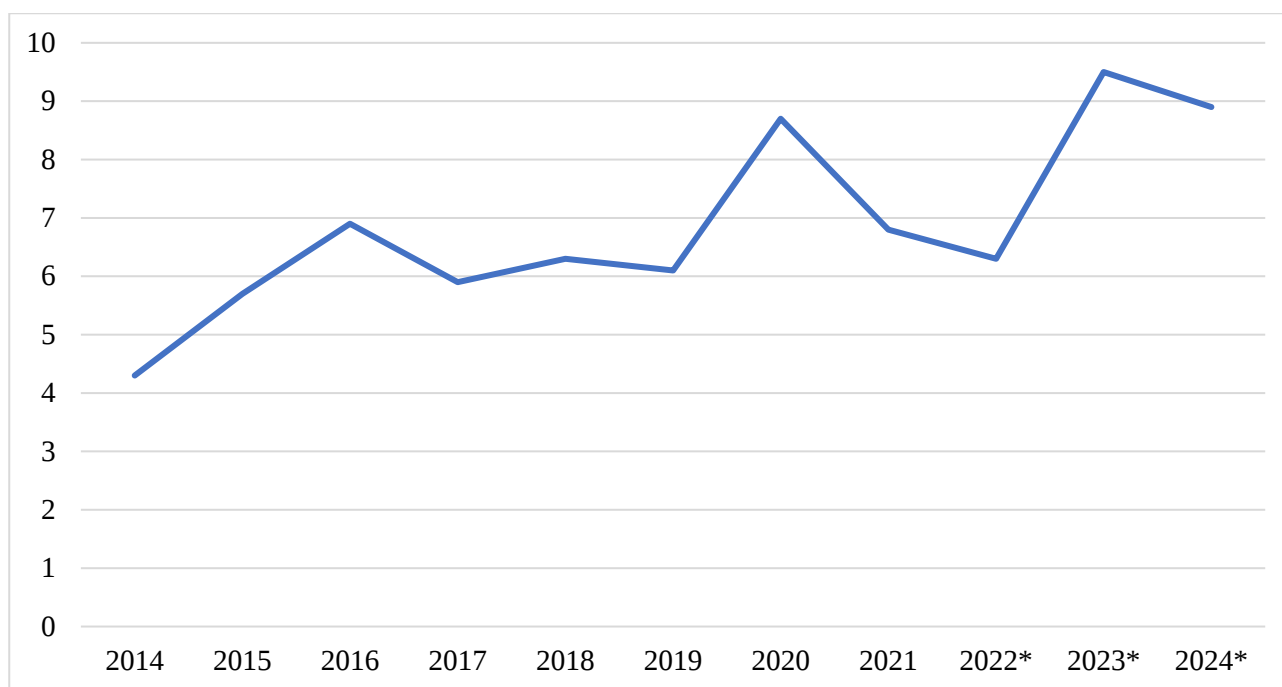

Рис. 2. Доля экспорта продукции АПК в общем экспорте страны, %

*Информация по экспорту Республики Беларусь по данным Федерального центра развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России.

Источник: рассчитано автором по данным Агентства по техническому сотрудничеству Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Всемирной торговой организации (ВТО).

Совокупный анализ двух показателей позволяет констатировать, что влияние внешнеэкономических ограничений 2022 года носило краткосрочный и адаптационный характер. Негативный шок, выразившийся в незначительном снижении объема в 2022 году, был быстро преодолен, и уже в 2023 году отрасль продемонстрировала мощный восстановительный рост, достигнув рекордных значений как по абсолютному объему, так и по удельному весу в общем экспорте. Это свидетельствует об успешной переориентации экспортных потоков на новые рынки, развитии логистической инфраструктуры и общей конкурентоспособности российского агропрома.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российский АПК не только адаптировался к новым внешнеэкономическим условиям, но и использовал их как импульс для дальнейшей трансформации и усиления своих позиций в национальной и мировой экономике.

Библиографический список

1. Кудинова М.Г., Шевчук Н.А. (2023). Экспортный потенциал АПК алтайского края в результате реализации регионального проекта «экспорт продукции АПК» // Дневник науки. № 12 (84).
2. Бреус М.В. (2025). Итоги национального проекта агропромышленного комплекса «экспорт продукции АПК» // Аллея науки. Т. 1. № 4 (103). С. 310–314.
3. Селиверстов М.В., Миненко А.В. (2025). Экспорт продукции АПК Алтайского края // Вектор экономики. № 4 (106).
4. Иванова В.Н., Серегин С.Н. (2019). Экспорт продукции АПК: ресурсы и возможности достижения целевых показателей проекта // Мясные технологии. 2019. № 2 (194). С. 62–64.
5. Иванова В.Н., Серегин С.Н. Экспорт продукции АПК: ресурсы и возможности достижения целевых показателей проекта // Переработка молока. 2019. № 7 (237). С. 52–54.

Информация об авторе

Егор Артемович Скворцов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: 9089267986@mail.ru)

Skvortsov E.A.

DYNAMICS OF AGRO-INDUSTRIAL EXPORTS UNDER FOREIGN ECONOMIC RESTRICTIONS

Abstract. *Domestic agricultural exports demonstrated positive dynamics, increasing more than fourfold from 775,6 billion rubles to 3340,5 billion rubles from 2014 to 2024. The share of the agricultural sector in the country's total exports grew steadily, increasing from 4,3 to 8,9%, confirming the strengthening of the agricultural sector's position as a strategically important element of the economy.*

Keywords: *agriculture, foreign trade restrictions, agricultural exports, sanctions, export structure.*

Information about the Author

Egor A. Skvortsov – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, professor at department of Competition Law and Antimonopoly Regulation, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, 620142, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: 9089267986@mail.ru)

References

1. Kudinova M.G., Shevchuk N.A. (2023). Export Potential of the Altai Krai Agricultural Complex as a Result of the Implementation of the Regional Project "Agricultural Products Export". *Science Diary*, 12(84).
2. Breus M.V. (2025). Results of the National Agro-Industrial Complex Project "Agricultural Products Export". *Alley of Science*, 1, 4(103), 310–314.
3. Seliverstov M.V., Minenko A.V. (2025). Export of Agricultural Products of the Altai Krai. *Vector of Economy*, 4(106).
4. Ivanova V.N., Seregin S.N. (2019). Export of Agricultural Products: Resources and Possibilities of Achieving the Project's Target Indicators. *Meat Technologies*, 2(194), 62–64.
5. Ivanova V.N., Seregin S.N. (2019). Export of agricultural products: resources and opportunities for achieving project targets. *Milk processing*, 7(237), 52–54.

ИННОВАЦИОННЫЕ БИОТЕХНОЛОГИИ АРИДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЮГА РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена обзору современных тенденций развития национальной экономики в парадигме нового технологического уклада. Сделаны выводы о необходимости перевода сельскохозяйственных предприятий аридных территорий Юга России на новые интенсивные технологии производства продовольственного сырья.

Ключевые слова: биотехнологии, уклад, сельское хозяйство, предприятия, южные регионы.

Современный вектор экономического развития диктует необходимость постоянного поиска и модернизации традиционных подходов реализации задач народнохозяйственного значения. Накопление экологических проблем и их негативного воздействия на окружающую среду приводит к осознанию бережного отношения к ресурсам и природному капиталу (земле), которые существуют в свободном доступе у каждого гражданина страны.

Сельское хозяйство – это наиболее чувствительная к негативным изменениям отрасль агроклиматических условий, которая формирует фундамент национальной продовольственной безопасности, обеспечивая многие смежные отрасли не только сырьем, но и дополнительными рабочими местами. По данной причине инновационные разработки должны активно внедряться в производственные процессы отраслей АПК, поддерживая переход на ресурсосберегающие и экологически обоснованные биотехнологии устойчивого развития сельских территорий.

Современный рынок биотехнологических решений растет динамично. К 2025 году его объем составил 1,77 млрд долл., что не является предельным значением¹. Так, согласно прогнозам консалтинговой компании Precedence Research, продажи на мировом биотехнологическом рынке достигнут к 2034 году 5,34 млрд долл. Высокая степень достоверности ($R^2 = 0,9759$) позволяет с большой долей вероятности судить о реалистичности данного предсказания. Динамика роста продаж на рынке представлена на *рис. 1*. Уравнение линейного прогноза подтверждает существующий рыночный тренд и максимально достоверно отражает реальную технологическую модернизацию, происходящую во всех отраслях народного хозяйства.

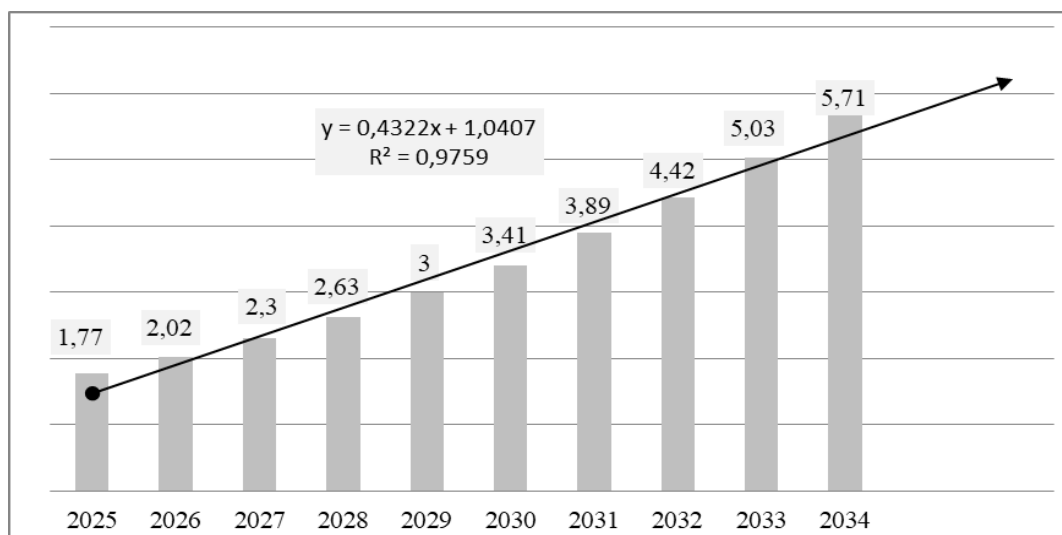

Рис. 1. Прогноз рынка биотехнологий к 2034 году, млрд долл.

Источник: составлено автором по данным Precedence Research. URL: <https://www.precedenceresearch.com/biotechnology-market>

¹ Biotechnology Market Size, Share and Trends 2025 to 2034 // Precedence Research. URL: <https://www.precedenceresearch.com/biotechnology-market> (дата обращения: 23.10.2025).

Согласно многим ученым современности, именно биотехнологии сегодня выступают вектором перехода современного общества на новый этап эволюционного развития [1]. Так, академик РАН С.Д. Глазьев в своей теории технологических укладов в качестве импульса развития мировой экономической системы видит развитие технологий в самых различных отраслях (нанотехнологии, биотехнологии, клеточные и ядерные технологии, нанобиотехнологии и др.) [2]. По этой причине на восходящей фазе шестого технологического уклада (с 2020 по 2040 гг.) общество стремится искать новые технологические подходы к своему существованию и противостояния внешним вызовам и рискам, в том числе климатическим.

В нашем исследовании акцент строится исключительно на сельскохозяйственном производстве, как одной из фундаментальных отраслей национальной экономики России. Территория нашей страны отличается высокой дифференциацией регионов в зависимости от агробиоценозного и агроклиматического состава: от высокоплодородных земель Центрального-Черноземного макрорегиона до степных и полупустынных территорий Юга и Сибири страны. При этом исключительная сельскохозяйственная специализация большей площади территории страны позволяет производить широкий ассортимент продовольственного сырья как животноводческой, так и растениеводческой направленности.

Итоги работы сельскохозяйственных предприятий Российской Федерации показали, что в 2024 году объемы производства валовой продукции АПК сократились на 3,2% по сравнению с объемами 2023 года. Основными причинами падения выступили снижение эффективности производства и необходимость технологической модернизации отраслей, резкие климатические подвижки в южных регионах страны (длительные периоды засухи, пыльные и песчаные бури, суховеи), миграция трудоспособного населения из села в крупные городские агломерации из-за ухудшения социальной инфраструктуры и падения качества жизни на сельских территориях.

Многие крупные агрохолдинги Юга России активно практикуют новые подходы и технологические решения для роста интенсивности и эффективности производственного процесса. К примеру, Агрохолдинг «Степь» (крупнейший сельскохозяйственный производитель растениеводческой продукции на территории Краснодарского и Ставропольского края) активно внедряет в свой производственный процесс семена, полученные местными селекционерами, отличающиеся высокой засухоустойчивостью (соя), устойчивостью к болезням и гербицидам (подсолнечник), устойчивостью к полеганию (рапс). Экстремальный агроклиматический климат Юга России требует выведение аборигенных сортов сельскохозяйственных культур, которые будут стабильными при любых погодных стрессах.

Другой пример, «Агрокомплекс» им. Н.И. Ткачева с 2014 года применяет технологии интенсивного садоводства, приносящие урожай до 50 т/га. В 2024 году предприятие заложило новый сад площадью до 600 га с установкой противорадовой сетки и капельного полива. Сегодня заложено только 150 га из планируемого объема, но перспективы хозяйства направлены на достижение лидерства по садоводству и производству сырья для предприятий пищевой промышленности.

Животноводческие хозяйства Юга России (республики Калмыкия, Дагестан и Чечня, а также Ростовская область) в своем производственном процессе основываются не только на тщательном отборе пород животных, наиболее адаптированных к засушливым условиям (камышьяк, казахская белоголовая, айширская), но и на внедрении технологий интенсивного откорма молодняка. Специализированные рационы для скота отличаются высокой сбалансированностью по минеральному составу, включают зеленую массу, концентраты, сено и солому.

Таким образом, аридные территории Юга России продолжают развиваться благодаря внедрению в производственные процессы новых подходов интенсификации деятельности, инвестициям в технологическую модернизацию и инновационному развитию.

Библиографический список

1. Костин К.Б., Фридман А.Р. (2025). Современная конъюнктура и позиции России на мировом биотехнологическом рынке // Вопросы инновационной экономики. Т. 15. № 1. С. 191–212. DOI: 10.18334/vines.15.1.122561
2. Глазьев С.Ю. (2010). Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. Москва: Экономика. 255 с.

Информация об авторе

Гилян Васильевна Федотова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и цифровых технологий, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий имени К.И. Скрябина» (Российская Федерация, 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23; e-mail: priem_kom@mgavm.ru); ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской Академии Наук (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Вавилова, д. 44, корп. 2; e-mail: frccsc@frccsc.ru)

Fedotova G.V.

INNOVATIVE BIOTECHNOLOGIES OF ARID TERRITORIES OF SOUTHERN RUSSIA

Abstract. *This article reviews current trends in national economic development within the paradigm of a new technological paradigm. Conclusions are drawn regarding the need to transition agricultural enterprises in the arid regions of southern Russia to new, intensive technologies for food production.*

Keywords: *biotechnology, paradigm, agriculture, enterprises, southern regions.*

Information about the Author

Gilyan V. Fedotova – Doctor of Sciences (Economics), professor of department of Economics and Digital Technologies, Agro-Industrial Complex at the K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology (23, Akademika Skryabina Street, Moscow, 109472, Russian Federation; e-mail: priem_kom@mgavm.ru); Leading Researcher, Federal Research Center Informatics and Control of the Russian Academy of Sciences (44/2, Vavilova Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: frccsc@frccsc.ru)

References

1. Kostin K.B., Fridman A.R. (2025). Current situation and Russia's position in the global biotechnology market. *Issues of innovation economics*, 15, 1, 191–212.
2. Glazyev S.Yu. (2010). Strategy of advanced development of Russia in the context of the global crisis. Moscow: Economica.

ПРОДУКТИВНОСТЬ И АГРОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЕВООБОРОТА ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ДОЗАХ УДОБРЕНИЯ

Аннотация. В условиях Вологодской области на дерново-подзолистой среднесуглинистой почве применение удобрений в среднем $\text{NPK } 218\text{--}232 \text{ кг д.в./га}$ обеспечивает продуктивности культур севооборота в кормовых единицах и протеиновую 5,6–5,8 т. К.Е./га и 505–556 кг. соответственно.

Ключевые слова: продуктивность севооборота, удобрения, ячмень, викоовсяная смесь, озимая рожь, картофель, оплата удобрений.

В Вологодской области производство продукции растениеводства в сельскохозяйственных предприятиях направлено на обеспечение потребности животноводства в высококачественном корме, т. к. важно обеспечить получение высококачественной животноводческой продукции за счет сбалансированного рациона животных. Этому благоприятствуют удобрения, которые повышают качество производимых кормов. Однако высокие несбалансированные дозы удобрений влияют не только на продуктивность сельскохозяйственных культур, но и на снижение агрономической, следовательно, экономической эффективности удобрений. Сбалансированное удобрение полевых культур в севообороте способствует росту урожайности сельскохозяйственных культур, повышению фотосинтетической активности их в период активной вегетации и улучшению накопления питательных веществ биомассой данных культур. В работе приведены данные по влиянию различных доз удобрений на продуктивность севооборота в длительном опыте за период 1991–2020 гг.

Исследования были проведены в полевом стационарном опыте на поле ФГБОУ ВО Вологодской ГМХА. Опыт включен в реестр Государственной сети опытов с удобрениями и другими агрохимическими средствами. В севообороте, развернутом в пространстве и во времени, изучались культуры: однолетние травы, озимая рожь, картофель, ячмень. Повторность опыта – четырехкратная. Расположение делянок – усложненно-систематическое. Площадь опытной делянки – 140 м^2 ($10 \text{ м} \times 14 \text{ м}$), учетной – не менее 28 м^2 .

В среднем за 30 лет исследований в опыте вносились разные дозы удобрений: на втором варианте – $70 \text{ кг д.в./га NPK}$, третьем – 190, четвертом – 218 и пятом – 232 кг д.в./га . На контрольном варианте удобрения не вносились (табл. 1).

Таблица 1. Изучаемые дозы удобрений

Вариант	N	P_2O_5	K_2O	NPK
2	24	20	26	70
3	76	37	77	190
4	93	33	92	218
5	95	41	96	232

Источник: собственные исследования.

На 3, 4, 5 вариантах дозы вносимых удобрений рассчитывались с помощью Кб для контроля использования питательных веществ из удобрений и почвы по формуле:

$$K_b = (B_y / D) \times 100\%, \quad (1)$$

где K_b – балансовый коэффициент использования элемента;

B_y – вынос с урожаем элемента питания в удобренном варианте, кг/га;

D – доза элемента в удобренном варианте, кг/га;

100 – коэффициент перевода в %.

Доза удобрений рассчитывалась на получение плановых урожайностей: зерна озимой ржи – $3,5 \text{ т/га}$, ячменя – $3,5 \text{ т/га}$, клубней картофеля – 25 т/га , зеленой массы викоовсяной смеси – 25 т/га .

Почва участка – дерново-подзолистая, среднесуглинистая. Пахотный слой почвы в 1990 году, перед закладкой опыта, характеризовался $pH_{KCl} - 5,1$, с содержанием подвижного фосфора и калия 266 и 114 мг/кг почвы соответственно, гумуса – 3,28%. Учет урожайности всех культур осуществлялся сплошным методом. Урожайи приведены к стандартной влажности. Методика исследований представлялась в ранее опубликованных статьях [1, 2, 3].

В среднем за годы исследований на контрольном варианте без удобрений продуктивность культур севооборота составила 3,4 т/га К.Е. Видимо, высокий уровень плодородия пахотного слоя дерново-подзолистой почвы обеспечил такой высокий уровень продуктивности севооборота. При внесении NPK в дозе 70 кг д.в./га (второй вариант) продуктивность составила 4,4 т К.Е./га, а при внесении NPK 190, 213 и 232 кг д.в./га (третий, четвертый и пятый варианты) продуктивность повышалась и составила 5,3; 5,6 и 5,8 т. К.Е./га в год соответственно.

В среднем за годы исследований удобрения также значительно повышали сбор или протеиновую продуктивность севооборота, причем, с повышением вносимых доз удобрений накопление «сырого» протеина увеличивалось с 35% (второй вариант) до 95% (пятый вариант) по сравнению с контролем (*рис. 1*).

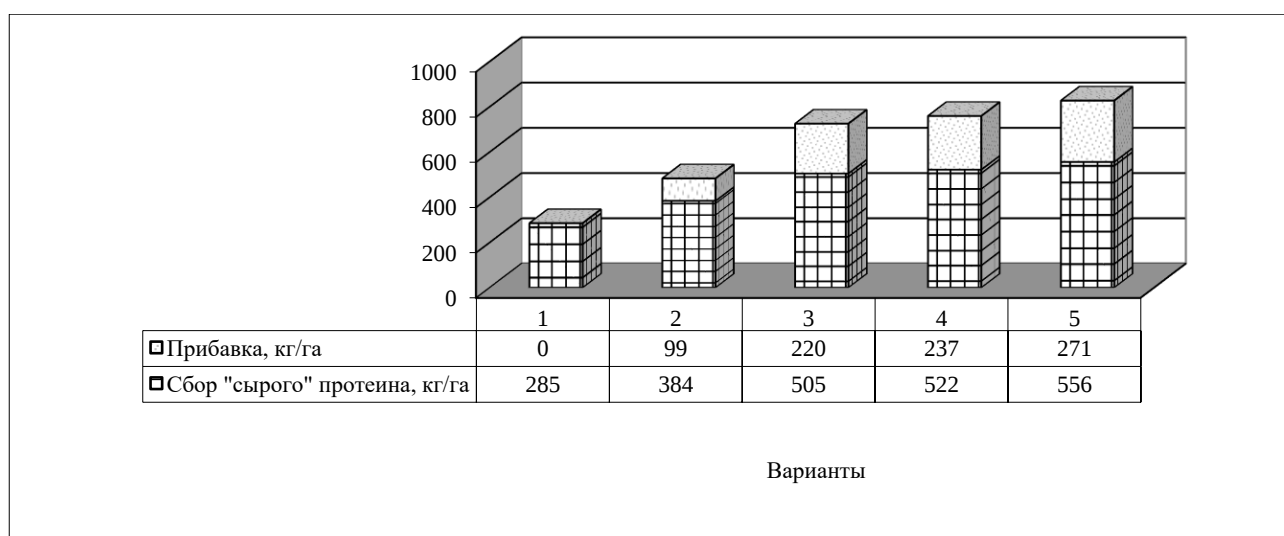

Рис. 1. Протеиновая продуктивность севооборота при длительном применении удобрений, кг/га

Источник: собственные исследования.

При применении 70 кг д.в./га NPK прибавка сбора «сырого» протеина составила 99 кг/га по сравнению с контролем. Применение органоминеральной системы удобрения культур севооборота (пятый вариант) увеличило сбор «сырого» протеина в 1,95 раз по сравнению с контролем.

В среднем за годы исследований оплата удобрений протеиновой продуктивностью снижалась с увеличением вносимых доз удобрений, но была высокой по севообороту и составила на втором варианте 1,4 кг «сырого» протеина на один кг д.в., а при полных расчетных системах удобрения культур (3–5 варианты) – 1,1–1,2 кг. Минеральная и органоминеральная системы удобрения различались в пользу последней, где прибавка по оплате была незначительно выше, хотя доза удобрений увеличена примерно на 42 кг д.в./га. Что доказывает преимущество органоминеральной системы удобрения культур севооборота перед минеральной. Которая обеспечивает высокую прибавку «сырого» протеина и оплату удобрений даже при дозе NPK в 232 кг д.в./га (*рис. 2*).

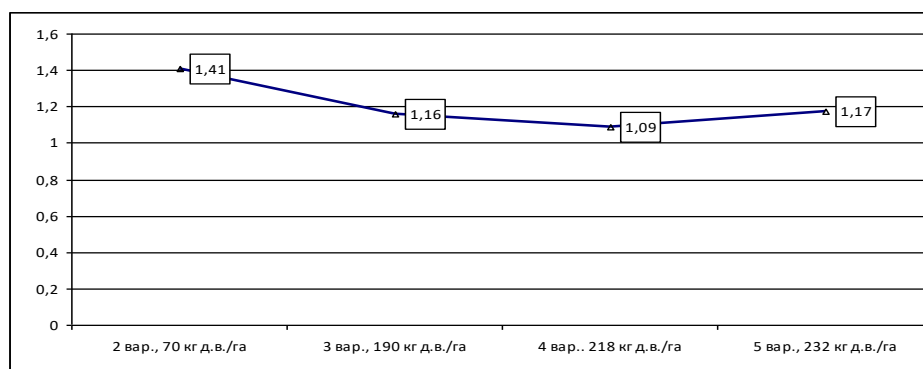

Рис. 2. Оплата удобрений протеиновой продуктивностью культур севооборота при длительном применении удобрений, кг/1 кг д. в.

Источник: собственные исследования.

Таким образом, в среднем за 30 лет исследований при высокой продуктивности севооборота (4,4–5,8 т К.Е./га) и систематическом внесении удобрений под культуры, NPK 218–232 кг д.в./га, оплата 1 кг д.в. протеиновой продуктивностью соответствует 1,2 кг.

Библиографический список

1. Чухина О.В., Жуков Ю.П. (2014). Продуктивность культур в севообороте при применении различных доз удобрений // АГРО XXI. № 1-3. С. 39–41.
2. Чухина О.В., Жуков Ю.П. Продуктивность культур и изменение агрохимических показателей дерново-подзолистой почвы в севообороте при применении различных доз удобрений // Агрохимия. № 5. С. 19–27.
3. Чухина О.В. (2013). Влияние минимальной дозы и расчетных систем удобрения на продуктивность культур в севообороте // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: Естественные науки. №. 3. С. 109–118.

Информация об авторе

Ольга Васильевна Чухина – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, декан факультета агрономии и лесного хозяйства, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина (Российская Федерация, 160555, Вологодская область, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: academy@molochnoe.ru)

Chukhina O.V.

PRODUCTIVITY AND AGRONOMICAL EFFICIENCY OF CROP ROTATION WITH DIFFERENT FERTILIZER RATES

Abstract. *On the cespitose and podsolic sandy loam soil of the Vologda region the efficiency of cultures of a crop rotation at application, the use of fertilizers on average NPK 218-232 kg a.i./ha provides crop rotation productivity in feed units and protein of 5.6–5.8 t KE/ha and 505–556 kg, respectively.*

Keywords: *crop rotation productivity, fertilizer, barley, viko-oat mix, winter rye, potatoes, payment for fertilizers.*

Information about the Author

Olga V. Chukhina – Candidate of Sciences (Agricultural), Research Supervisor, associate professor of crop production, Vologda State Dairy Farming Academy by N.V. Vereshchagin (2, Schmidt Street, Village Molochnoe, Vologda region, 160555, Russian Federation; e-mail: academy@molochnoe.ru)

References

1. Chukhina O.V., Zhukov Yu.P. (2014). Productivity of crops in crop rotation when using various doses of fertilizers. *AGRO XXI*, 1-3, 39–41.
2. Chukhina O.V., Zhukov Yu.P. (2015). Productivity of crops and changes in agrochemical indicators of soddy-podzolic soil in crop rotation when using different doses of fertilizers. *Agrochemistry*, 5. 19–27.
3. Chukhina O.V. (2013). Influence of the minimum dose and fertilizer calculation systems on the productivity of crops in crop rotation. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Natural Sciences*, 3, 109–118.

СЕКЦИЯ № 4.
СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВНОЙ ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ ТЕХНОПАРКА НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА

Аннотация. В статье раскрывается роль региональных институтов развития как инфраструктурных элементов инновационной экосистемы, обеспечивающих экономический рост. На примере Технопарка Новосибирского Академгородка показано влияние инновационной инфраструктуры на развитие региона и роста валового регионального продукта.

Ключевые слова: региональные институты развития, инновационная инфраструктура, экономический рост, технопарк, инновационная экосистема, региональное развитие.

Экономический рост традиционно рассматривается как ключевой показатель уровня развития национальной и региональной экономики. Для России характерна выраженная дифференциация субъектов: на фоне стремительной агломерации лидирующих регионов (Москва, Санкт-Петербург и прилегающие области) сохраняются территории с устойчивой социально-экономической отсталостью, низким уровнем образования и ограниченным доступом к инновационным возможностям.

Современные вызовы: санкционное давление, цифровая трансформация, высокая степень информационной энтропии и необходимость формирования новых рынков обостряют значимость инновационного потенциала и эффективности инфраструктур, способных обеспечивать экономический рост. В связи с этим ключевым элементом региональной инновационной политики выступают региональные институты развития (РИР) – инфраструктурные организации, направленные на активизацию инвестиционной и инновационной активности [1, с. 33–34].

РИР формируются как ответ общества на необходимость снизить неопределенность и транзакционные издержки, создавая пространство, где взаимодействие становится предсказуемым, а инновации – возможными. Инклюзивные институты формируют условия устойчивого экономического роста, вовлекая широкий круг участников и обеспечивая конкуренцию и инновационную активность [2, с. 22].

В настоящем исследовании под «инновацией» и более прикладным образом – «инновационной деятельностью» понимается новаторская идея, реализованная на практике. Такая деятельность, очевидно, эффективна, если ее коммерциализация приводит к улучшению региональных показателей, таких как рост валового регионального продукта и налоговых поступлений. Рассмотрен пример Технопарка Новосибирского Академгородка (далее – Академпарк), занимающего особое место в инновационной экосистеме Новосибирской области. Созданный в рамках государственной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» (Распоряжение Правительства РФ № 328-р от 10.03.2006 г.)¹, Академпарк остается одним из четырех субъектов РИС, деятельность которых не только не прекратилась, но и характеризуется высокими темпами роста на сегодняшний день. Расположение Академпарка вблизи Сибирских отделений РАН и Новосибирского государственного университета обеспечивает уникальное сочетание науки, образования и бизнеса. На территории «городка» сосредоточено 37 исследовательских институтов, шесть международных центров коллективного пользования, более 15 тысяч сотрудников, включая 5,9 тысяч научных работников и 72 академика РАН. Эксперты технопарка – высококвалифицированные технологические предприниматели, что формирует органичную связь между кадрами, бизнесом и промышленностью.

Экономические результаты деятельности Академпарка подтверждают эффективность такой инфраструктуры. Выручка резидентов в 2021–2024 гг. увеличилась с 31,8 до 64,1 млрд руб., налоговые поступления – с 2,9 до 6,8 млрд руб., из которых в региональный бюджет поступило от 1,4 до 3,1 млрд руб. (рис. 1). На конец 2024 года численность резидентов составила 354 компании, а число сотрудников – 10 469 человек. Экосистема Академпарка обеспечивает около 1,5% ВРП Новосибирской области.

¹ О создании в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий: распоряжение Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р. URL: <https://base.garant.ru/189237/> (дата обращения: 15.10.2025).

Рис. 1. Показатели деятельности компаний-резидентов Академпарка, 2021–2024 гг.
Источник: составлено автором.

Следует отметить, что деятельность Академпарка показательна не только на региональном уровне. Так, при сопоставлении относительных показателей деятельности за 2024 год с институтом развития «Сколково», можно наблюдать высокую эффективность Академпарка по ключевым показателям (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление относительных показателей деятельности Академпарка и «Сколково», 2024 год

Показатель	Академпарк	Сколково
Выручка на одного резидента (млн руб.)	180,28	150,36
Выработка на одного сотрудника (млн руб.)	6,53	5,97
Налоговые отчисления от объема выручки, %	10,57	11,57
Налоговые отчисления к привлеченному финансированию инфраструктуры	1,26	0,44
Источник: составлено автором.		

Таким образом, опыт Академпарка наглядно демонстрирует, что качественная региональная институциональная инфраструктура является действенным инструментом стимулирования экономического роста и может служить моделью для других регионов России. Для достижения максимального эффекта подобные институты развития должны быть органично интегрированы в комплексную инновационную экосистему, что предполагает формирование адекватной нормативно-правовой базы и налаживание эффективной коллаборации между всеми ее участниками.

Библиографический список

1. Райхлина А.В., Патрушева Е.Г., Подгорнова К.И. (2022). Региональные институты развития: нужна ли перезагрузка? // Регион: Экономика и Социология. № 3 (115). С. 32–60.
2. Кун Т. (1975). Структура научных революций. Москва: Прогресс. 288 с.

Информация об авторе

Анна Аркадьевна Айриянц – руководитель группы экспертизы и финансовой поддержки, Фонд «Технопарк Академгородка» (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Инженерная, д. 20; e-mail: ayriyants@academpark.com)

REGIONAL DEVELOPMENT INSTITUTIONS AS A KEY DRIVER OF ECONOMIC GROWTH: PRACTICAL RESULTS OF THE NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK TECHNOPARK

Abstract. *The article explores the role of regional development institutions as infrastructural elements of the innovation ecosystem that foster economic growth. Using the case of the Novosibirsk Akademgorodok Technopark, it demonstrates the impact of innovation infrastructure on regional development and gross regional product growth.*

Keywords: *regional development institutions, innovation infrastructure, economic growth, technopark, innovation ecosystem, regional development.*

Information about the Author

Anna A. Ayriants – Head of Expertise and Financial Support Group, Akademgorodok Technopark Foundation (20, Inzhenernaya Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: ayriyants@academpark.com)

References

1. Raikhlyna A.V., Patrusheva E.G., Podgornova K.I. (2022). Regional Development Institutions: Is a Reboot Needed? *Region: Economics and Sociology*, 3, 32–60.
2. Kuhn T. (1975). *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: Progress.

НОВАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА: ОТ СОБСТВЕННОГО К СОВМЕСТНОМУ

Аннотация. Экономика совместного потребления – новая социально-экономическая модель, которая становится актуальным инструментом для решения проблем столичного мегаполиса в РФ. Она трансформирует городскую среду, потребительское поведение, а также потребительскую культуру. Новая потребительская культура формируется под влиянием повсеместной цифровизации, базируясь на высокой ценности гибкости и мобильности, одновременно фокусируясь также на векторе устойчивого развития. Данный процесс сопровождается переосмыслением отношения к собственности, изменением структуры потребительских расходов, трансформацией социального капитала и доверия.

Ключевые слова: Москва, мегаполис, экономика совместного потребления, потребительское поведение, потребительская культура.

В современном мире временный доступ к имуществу или ресурсам нередко становится экономически более целесообразным, чем обладание ими, а символический смысл владения постепенно утрачивает актуальность. Модель «sharing economy», или экономики совместного потребления (ЭСП), меняет отношение к собственности и потреблению и становится ключевым глобальным трендом [1]. Ключевой фактор развития совместных форм потребления – повсеместная цифровизация, позволяющая координировать действия людей и организаций – тех, кто имеет те или иные потребности, и тех, кто имеет возможность их удовлетворить. Выбор мегаполиса, в данном случае Москвы, в качестве объекта для исследования развития ЭСП объясняется следующим: изучение трансформации потребительского поведения и культуры в отношении нового тренда целесообразно проводить в самом передовом городе страны, куда первыми приходят инновации, технологии; где имеется развитая инфраструктура; в котором живет достаточно образованное и обеспеченное население; где много возможностей, но и достаточно жесткая конкуренция, что заставляет жителей города быть динамичными и более открытыми к инновациям [1]. Существует также ряд факторов, усиливших темпы и масштабы развития ЭСП в московском мегаполисе: рост ключевой ставки с 4,25 до 21%, что привело к следующим последствиям: цена однокомнатных квартир в Москве выросла примерно на 86%, рост стоимости владения личным автомобилем в Москве за последние четыре года увеличился на 40–50%, существенное увеличение стоимости парковки в центре Москвы после реформы 2023–2024 гг. Принят закон, согласно которому проценты по банковским вкладам (и аналогичным счетам) могут облагаться налогом, если превышают определенный необлагаемый минимум и т. д.

Жилищный рынок демонстрирует значительные трансформации, связанные с развитием арендных отношений и внедрением технологий экономики совместного потребления. Особенно актуальным становится вопрос о возможности удовлетворения потребностей в жилье через механизмы аренды в условиях возрастающих процентных ставок и нестабильной экономической ситуации, что приводит к повышенному спросу на более гибкие и доступные формы жилья. Как показывают результаты исследования, значительная часть москвичей недовольна своим жильем (прежде всего, его метражом и связанной с ним стесненностью) и хотела бы улучшить свои условия. Жители считают цены на недвижимость чрезмерными и не имеют собственных средств для его приобретения. Переориентация на долгосрочную аренду жилых помещений и коliving в существенных масштабах пока не происходит. Причины этого имеют как субъективный характер, так и объективный – несмотря на все декларации и принятые на федеральном и местном (в данном случае московском) уровнях, нормативные акты и программы, в России по-прежнему отсутствует цивилизованный рынок арендного жилья, в силу чего аренда видится весьма затратным, но при этом не обеспечивающим комфорта и несущим риски, способом. В то же время, более молодые генерации москвичей в большей степени готовы к решению своих проблем в форматах ЭСП, особенно если будут учитываться потребности целевых аудиторий в локациях и типах арендного жилья и коlivingов [2].

Основной целью «шеринга» транспорта является уменьшение количества личных автомобилей, снижение дорожных «пробок», уровня загрязнения окружающей среды и общих транспортных издержек. Возрастающие экономические барьеры для приобретения и содержания автотранспорта, такие как высокая стоимость приобретения, обслуживания и страхования, побуждают потребителей, особенно молодежь, к поиску альтернативных способов транспортной мобильности. Транспортные инструменты ЭСП – каршеринг, карпулинг и автомобиль по подписке минимизируют потребность в личном владении транспортными средствами, предоставляя доступ к ним по мере необходимости. Эти альтернативные способы не только снижают финансовые затраты, но и обеспечивают значительную гибкость в организации перемещений. Также стоит отметить, что развитие форматов ЭСП в сфере транспорта является одним из направлений, поддерживаемых государством. Так, стратегия Министерства транспорта Российской Федерации, нацеленная на сокращение количества личного автотранспорта к 2035 году, акцентирует внимание на развитии различных форм аренды легковых автомобилей, включая каршеринг. Как следует из полученных в исследовании данных, каршеринг, вошедший в систему московского транспорта, вполне укоренился в сознании столичных жителей, а сравнительно новый сервис автомобиль по подписке был оценен москвичами как крайне привлекательный [3].

Финансовый сектор ЭСП является наименее развитым, вопреки высокой актуальности: в настоящее время налицо технические возможности и объективно существующая потребность бизнеса и граждан в альтернативных способах привлечения и вложения средств, однако именно социокультурный фактор выступает в качестве основного препятствия для развития этого сегмента экономики совместного участия. Жителей столицы, готовых к рассмотрению краудфинансовых инструментов, привлекают самостоятельность выбора инвестиционных проектов, технологические новшества, расчет на более высокую доходность инновационных финансовых инструментов и, что особенно важно с точки зрения перспектив развития экономики совместного участия, желание делать общее для всех дело, быть причастными к развитию других людей и проектов. Неготовность к участию в краудлендинге респонденты объясняют предпочтением более знакомых и понятных финансовых инструментов, отсутствием компетенций для самостоятельного выбора инвестиционных проектов, а также неуверенностью в качестве проверки потенциальных заемщиков краудлендинговой платформой и страхом потери своих средств в случае возникновения проблем с заемщиком [4, 5].

Таким образом, потребительская культура в мегаполисе трансформируется под влиянием экономической целесообразности и цифровых технологий, смещая фокус с владения на доступ. Модель совместного потребления, наиболее развитая в транспортной сфере, становится ответом на растущие издержки жизни, хотя в жилищном и финансовом секторах ее распространению пока препятствуют институциональные и социокультурные барьеры.

Библиографический список

1. Борковская Е.И., Александрова О.А. (2025). Перспективы вовлечения москвичей в экономику совместного потребления // *Народонаселение*. Т. 28. № 3. С. 201–211. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-201-211
2. Александрова О.А., Борковская Е.И. (2025). Аренда жилья и коливинг: отношение москвичей к решению жилищных проблем в форматах экономики совместного потребления // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 21. № 3. С. 396–407. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_3_4_396_407
3. Борковская Е.И. (2024). Столичный каршеринг: отношение москвичей к новым моделям потребления транспортных услуг // *Народонаселение*. Т. 27. № 1. С. 60–70. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-60-70
4. Александрова О.А., Борковская Е.И. (2025). Готовность жителей Москвы к финансовым отношениям в формате экономики совместного участия // *Народонаселение*. Т. 28. № 2. С. 221–232. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-221-232
5. Борковская Е.И. (2021). Финансовые инструменты в контексте развития sharing economy // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 11. № 4. С. 176–180. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-176-180

Информация об авторе

Екатерина Игоревна Борковская – ассистент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49; e-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru)

Borkovskaya E.I.

THE NEW CONSUMER CULTURE OF THE METROPOLITAN MEGACITY: FROM OWN TO SHARED

Abstract. *The sharing economy is a new socio-economic model that is becoming an important tool for solving the problems of the Russian metropolitan area, transforming the urban environment, consumer behavior, and consumer culture. A new consumer culture is being formed under the influence of widespread digitalization, based on the high value of flexibility and mobility, while also focusing on the vector of sustainable development. This process is accompanied by a rethinking of attitudes towards property, a change in the structure of consumer spending, and a transformation of social capital and trust.*

Keywords: *Moscow, megacity, sharing economy, consumer behavior, consumer culture.*

Information about the Author

Ekaterina I. Borkovskaya – Research Assistant of department of Mass Communications and Media Business, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: katrin_barkovskaya@mail.ru)

References

1. Alexandrova O.A., Borkovskaya E.I. (2025). Rental housing and co-housing: the attitude of Muscovites to solving housing problems in the formats of the sharing economy. *The standard of living of the population of the Russian regions*, 21, 3, 396–407. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_3_4_396_407
2. Alexandrova O.A., Borkovskaya E.I. (2025). Willingness of Moscow residents to financial relations in the format of the economy of joint participation. *Population*, 28, 2, 221–232. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-221-232
3. Borkovskaya E.I., Alexandrova O.A. (2025). Prospects of involving Muscovites in the economy of shared consumption. *Population*, 28, 3, 201–211. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-201-211
4. Borkovskaya E.I. (2024). Metropolitan carsharing: the attitude of Muscovites to new models of consumption of transport services. *Population*, 27, 1, 60–70. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-60-70
5. Borkovskaya E.I. (2021). Financial instruments in the context of the development of the sharing economy. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 11, 4, 176–180. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-176-180

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы цифрового неравенства в контексте мотивации использования информационно-коммуникационных технологий. Автор эмпирически подтверждает вывод Яна ван Дейка о том, что субъективные причины отказа от ИКТ остаются ключевым фактором сохранения «цифрового разрыва».

Ключевые слова: цифровое неравенство, мотивационный доступ, информационно-коммуникационные технологии, цифровая включенность.

Расширение цифровой среды за счет внедрения систем на основе искусственного интеллекта вновь актуализирует проблему цифрового неравенства. Она в меньшей степени сводится к наличию инфраструктуры, и в большей к отношению к технологиям и готовности людей осваивать цифровое пространство. Даже при формальном доступе к сети часть населения остается в стороне от сложных цифровых практик, что ограничивает использование ИКТ в экономике, образовании, управлении и сфере услуг. В этих условиях ключевое значение приобретают не только техническая обеспеченность, но и интерес к цифровым технологиям, готовность осваивать новые сервисы, доверие к ним. Цель работы – проанализировать мотивационный аспект цифрового доступа и показать, как различия в использовании интернета детерминируют распространение и внедрение цифровых технологий.

Рассмотрение мотивационной составляющей цифрового неравенства требует обращения к устоявшимся теоретическим подходам. В отечественной литературе подчеркивается сложный и многомерный характер цифрового неравенства, что, в частности, отражено в работах А.Е. Карауша и Н.Ю. Сорокиной [1, 2]. В настоящей статье для анализа мотивационного измерения цифрового доступа используется теория «цифрового разрыва» Яна ван Дейка [3, 4], в рамках которой выделяются четыре взаимосвязанных вида доступа к ИКТ:

- 1) мотивационный доступ – интерес и желание использовать ИКТ;
- 2) материальный доступ – наличие устройств и интернет-подключения;
- 3) доступ к навыкам – умения, позволяющие эффективно работать с цифровыми технологиями;
- 4) доступ к использованию – реальное применение различных цифровых инструментов в повседневной жизни, работе и обучении.

В рамках настоящего исследования более подробно рассматривается первый уровень – мотивационный доступ. Он задает исходные установки по отношению к ИКТ и во многом определяет, окажется ли востребован материальный доступ, а также как будут развиваться цифровые навыки и формироваться продвинутые практики использования. Фокус на мотивационном аспекте позволяет связать индивидуальные установки с региональными различиями в уровне цифровой включенности.

В контексте анализа мотивации Ян ван Дейк обращает внимание на ряд устойчивых мифов о включенности людей в цифровое пространство [3, р. 36]. Во-первых, он критикует представление о том, что люди либо строго «включены» в интернет, либо полностью исключены из него. Вместо такой бинарной схемы выделяются несколько промежуточных групп:

- 1) непостоянные пользователи, которые по различным причинам надолго отключаются от сети и периодически в нее возвращаются;
- 2) выбывшие – практически безвозвратно утратившие подключение к интернету;
- 3) пользователи, избегающие интернет, сознательно отказывающиеся от его использования независимо от наличия технических и финансовых ресурсов.

Во-вторых, он опровергает миф о том, что наличие компьютера или подключения к интернету автоматически означает их активное использование: многие формальные «пользователи» обращаются к цифровым технологиям лишь эпизодически: раз в неделю, несколько раз в месяц или почти никогда. Тем самым он показывает, что мотивационный доступ не сводится к факту владения устройствами, а предполагает устойчивое стремление и готовность включать ИКТ в повседневные практики.

Продолжая логику, заданную ван Дейком, важно учитывать, что в структуре цифрового неравенства присутствуют не только те, кто по различным причинам не может использовать интернет, но и те, кто принципиально не хочет этого делать. Чтобы зафиксировать эту разницу в эмпирических данных, в настоящем исследовании причины отказа от использования интернета разделяются на две группы: объективные и субъективные. Эта классификация является авторской, которая используется при анализе и опирается на результаты федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей за 2024 год¹.

К объективным причинам отнесены крупная стоимость оборудования, высокая абонентская плата, отсутствие технической возможности для подключения и плохое качество интернета. К субъективным, напротив, относятся отсутствие желания пользоваться интернетом; опасения, связанные с безопасностью и сохранностью персональных данных; ориентация на использование сети в других местах (на работе, у знакомых, в точках общественного доступа). Такая дифференциация позволяет соотнести зафиксированные в статистике мотивы отказа с мотивационным и материальным уровнями цифрового доступа.

Полученные распределения показывают, что уровень широкополосного доступа в домашних хозяйствах связан с распространенностью обоих типов причин отказа, однако сила этой связи различается. Для объективных факторов (*рис. 1*) выявлена умеренная отрицательная корреляция с долей домохозяйств, имеющих широкополосный доступ ($-0,39$): по мере роста доли хозяйств, сталкивающихся с инфраструктурными барьерами, число подключенных к сети несколько снижается, но разброс точек, соответствующих субъектам РФ, остается значительным. Это означает, что даже при неблагоприятных условиях часть регионов сохраняет относительно высокий уровень использования технологий.

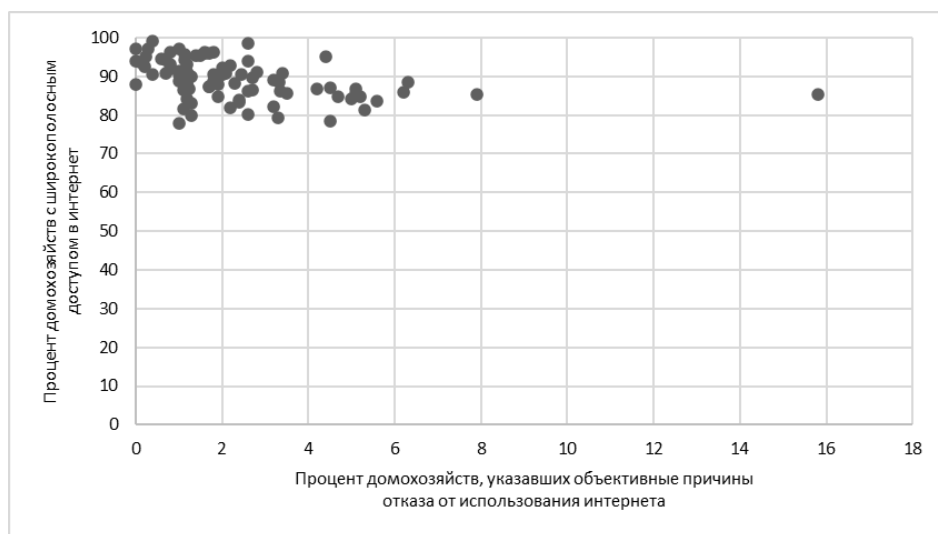

Рис. 1. Широкополосный доступ в интернет и доля домохозяйств с объективными причинами отказа

Источник: составлено автором по данным Росстата.

При субъективных причинах (*рис. 2*) наблюдается более жесткая зависимость – коэффициент корреляции составляет $-0,87$. Чем больше доля домохозяйств, объясняющих отказ отсутствием желания, опасениями безопасности или ориентацией на доступ вне дома, тем ниже распространенность широкополосного доступа. Точки на диаграмме, каждая из которых представляет отдельный регион, практически выстраиваются вдоль нисходящей линии, что указывает на тесную связь мотивационных барьеров с цифровой включенностью населения.

¹ Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt24/index.html (дата обращения: 25.11.2025).

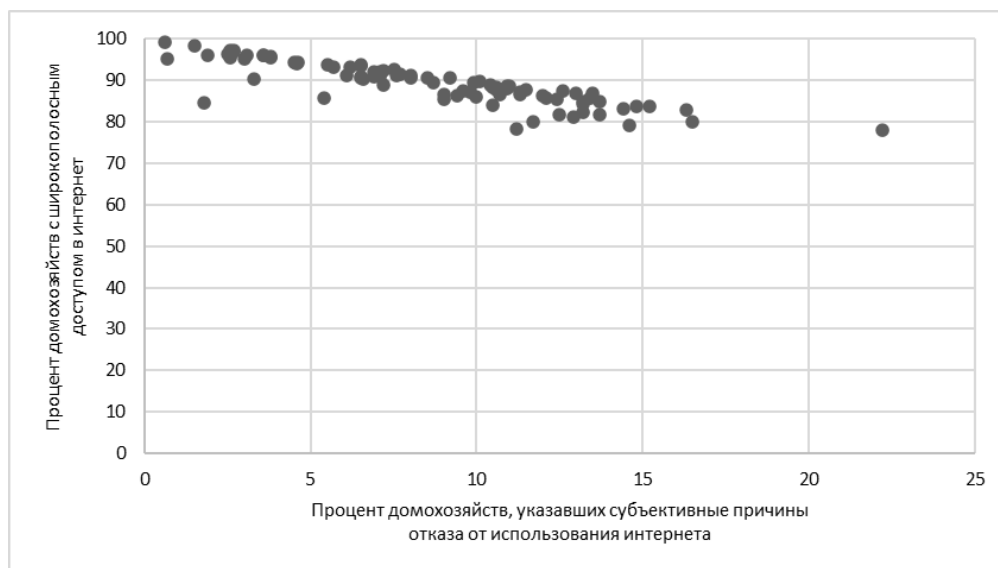

Рис. 2. Широкополосный доступ в интернет и доля домохозяйств с субъективными причинами отказа

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Эмпирический анализ подтверждает ключевую роль мотивационного измерения цифрового доступа. В обобщении международных опросов, которые приводит Ян ван Дейк, на первые позиции среди причин неиспользования компьютеров и интернета выходят именно субъективные мотивы: «не хочу», «не нужно» и «отвергаю эту среду» по соображениям безопасности или недоверия к информации, тогда как отсутствие оборудования, высокая стоимость, нехватка времени и навыков занимают более низкие места [4]. Построенная на данных Росстата типология причин отказа показала аналогичную картину: регионы, где выше доля домохозяйств, ссылающихся на нежелание пользоваться интернетом из-за страхов и ориентации на альтернативные места доступа, демонстрируют более низкий уровень широкополосного подключения, чем территории с преобладающими материальными и инфраструктурными барьерами.

Таким образом, теоретическая модель ван Дейка и результаты проведенного анализа дополняют друг друга, указывая на то, что решающим фактором цифрового неравенства все чаще становится не техническая невозможность подключения, а отношение людей к цифровым технологиям.

Библиографический список

1. Карауш А.Е. (2024). Цифровое неравенство: теоретический подход // Региональная и отраслевая экономика. № 3. С. 24–28.
2. Сорокина Н.Ю. (2025). Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. № 3. С. 447–460.
3. van Dijk J. (2013). A Theory of the Digital Divide. The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective. England: Routledge. 29–51.
4. van Dijk J. (2020). The Digital Divide. Cambridge: Polity Press.

Информация об авторе

Максим Федорович Востоков – магистрант, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162602, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: chsu@chsu.ru)

DIGITAL INEQUALITY AS A FACTOR OF REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract. *The article examines the problems of digital inequality in the context of motivation to use information and communication technologies (ICT). The author empirically confirms Jan van Dijk's conclusion that subjective reasons for refusing to use ICT remain a key factor in maintaining the digital divide.*

Keywords: *digital divide, motivational access, Jan van Dijk, information and communication technologies, digital inclusion.*

Information about the Author

Maxim F. Vostokov – Master Degree student, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Avenue, Cherepovets, 162602, Russian Federation; e-mail: chsu@chsu.ru)

References

1. Karaush A.E. (2024). Digital inequality: a theoretical approach. *Regional and Sectoral Economics*, 3, 24–28.
2. Sorokina N.Yu. (2025). The problem of digital inequality of the population in the regions of the Russian Federation. *Standard of Living of the Population of Russian Regions*, 3, 447-460.
3. van Dijk J. (2013). A Theory of the Digital Divide. *The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective*. England: Routledge. 29–51.
4. van Dijk J. (2020). *The Digital Divide*. Cambridge: Polity Press.

ЦИФРОВЫЕ СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ: КАК ВИЗУАЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ ВЛИЯЮТ НА УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ О БРАКЕ И СЕМЬЕ

Аннотация. *Статья анализирует влияние цифровых технологий на повседневную жизнь молодежи, делая акцент на популярность такого формата цифрового контента, как визуальные новеллы – интерактивные текстовые игры, сочетающие визуальные и музыкальные элементы. Рассматривается их роль в формировании межличностных и романтических моделей поведения, а также их потенциал как инструмента социального воздействия и популяризации семейных ценностей. Обсуждаются положительные и отрицательные стороны идеализации персонажей, а также влияние сюжетов новелл на восприятие романтических и брачных отношений в реальной жизни.*

Ключевые слова: *цифровизация, молодежь, визуальные новеллы, интерактивные игры, моделирование поведения, брачные ожидания.*

Процесс цифровизации сегодня охватывает большой спектр повседневной жизни. Это влияние особенно заметно в сфере коммуникации молодежи. Цифровые технологии способствовали появлению многих онлайн-сервисов и платформ, обеспечивающих возможность получения образования, выполнения профессиональных задач и межличностного взаимодействия без необходимости физического присутствия. Современная молодежь активно пользуется новыми благами цивилизации, стремительно меняющими уклад повседневной жизни. В связи с этим наблюдается отчетливый сдвиг в предпочтениях молодежи от привычного общения в реальной жизни к взаимодействию в онлайн-среде, что приводит к формированию так называемых гибридных моделей социализации, сочетающих в себе элементы реального и виртуального общения, а также способствует развитию новых форм межличностных связей и социальных практик.

Особое значение в этом контексте приобретают визуальные новеллы – интерактивные текстовые игры, наполненные музыкальной и визуальной составляющей, в которых игроку предоставляется возможность принимать решения от лица различных персонажей. Эти решения напрямую влияют на развитие сюжета и его исход, что создает эффект погружения и эмоциональной вовлеченности.

Роль визуальных новелл в цифровой культуре

Исторически визуальные новеллы возникли как часть японской культуры и получили широкое распространение в глобальном медиа пространстве благодаря развитию цифровых технологий. В русском языке термин «визуальная новелла» образовался благодаря заимствованию иноязычных слов буквальным переводом соответствующей языковой единицы английского термина «Visual Novel». Несмотря на то, что английское «novel» переводится как роман, не соответствуя по значению слову «новелла» в контексте вариативных игр, термин стал достаточно популярным в интернет-сообществе [1, с. 58]. Современные визуальные новеллы характеризуются высоким уровнем технологической интеграции, что обеспечивает их доступность на различных устройствах – от персональных компьютеров до мобильных телефонов и планшетов. Такая универсальность позволяет пользователю получать доступ к интерактивным нарративам, независимо от географического положения, что способствует расширению аудитории и усилению социального воздействия. Составляющая визуальных новелл идентична структуре хорошо известных нам сказок: представлены протагонисты и антагонисты, конфликты, моральные уроки и финалы, которые могут варьироваться в зависимости от выбора игрока (ключевая особенность интерактивной составляющей игр данного жанра).

Вместе с погружением в насыщенные социальными вызовами сценарии, в таких «цифровых сказках» игроку предоставлена возможность развивать романтические отношения его собственного персонажа с другими героями, что позволяет пользователю не только получать удовольствие от сюжетных линий, но и формировать представления о романтических отношениях. В этом случае визуальные новеллы выступают в роли некоего тренажера или симулятора, наделяя пользователя возможностью погружения в моделированные ситуации, имитирующие романтические сценарии и формирующие определенные модели поведения.

Социальные паттерны и моделирование поведения

В исследовании социальных паттернов и коммуникативных практик молодежи в визуальных новеллах авторы подчеркивают, что романтический выбор – один из основных паттернов поведения, формирующий представления о приоритетах и моделях межличностных отношений [2, с. 77]. Как правило, игроки выбирают одного «идеального» фаворита и строят отношения с ним на протяжении всей игры. Эта стратегия, воспроизводящая моногамные нормы и подкрепляемая игровым дизайном через систему наград и иерархию персонажей, способствует закреплению представлений о необходимости выбора единственного партнера и приоритетности романтических связей и семейных отношений. Стоит отметить, что предлагаемые игрой фавориты зачастую сильно идеализированы: наделены положительными качествами, что делает их практически совершенными в глазах игроков. Это, в первую очередь, связано с тем, что целевая аудитория, потребляющая данный контент – молодежь и подростки, находящаяся в поиске тех романтических образов, которые будут служить примером или вдохновением. Опасность такой идеализации заключается в том, что постоянное взаимодействие с «хорошими» персонажами приводит к искаженному восприятию романтических отношений и формированию нереалистичных стандартов и ожиданий от своих партнеров в реальной жизни.

Некоторые игроки на просторах тематических интернет-сообществ высказывают негативное мнение по поводу однотипного наделения персонажей положительными качествами.

«Где разнообразие? ... Невзаимные чувства? Отношения, против которых семья, друзья? Отношения с каким-нибудь задротом-программистом, который никогда с женщиной и не был?»¹.

«Добрым персонажам не прорабатывают никакой химии и конфликта с главной героиней, они просто хорошие и все»².

Такие мнения отражают запрос игроков на разнообразие моделей поведения представленных фаворитов – аудиторию интересуют не только сказочные принцы на белом коне, готовые спасти принцессу от дракона, но и сложные личности с тяжелым прошлым, в котором кроется немало скелетов.

С другой стороны, «идеализированный» фаворит способствует росту ожиданий от потенциальных партнеров в реальной жизни, что приводит к более вдумчивому выбору партнера и в будущем может существенно сократить процент разводимости среди молодежи.

Заключение

Несмотря на разные векторы восприятия, упомянутые выше, одно можно сказать совершенно точно: визуальные новеллы на сегодняшний день являются крайне мощным инструментом влияния на современную молодежь. Российская фан-база насчитывает от нескольких тысяч до полутора миллионов участников в официальных тематических сообществах известных новелл [2, с. 73]. Спрос на такой формат игр существенно вырос за последние 10 лет благодаря активному развитию ИИ-технологий в цифровизации, в связи с чем растет и количество предложений. Визуальные новеллы самых различных форматов появляются почти каждый день, а благодаря молодежи быстро становятся известными, создавая больше дискуссий на тему их влияния на развитие общества. «Цифровые сказки» вполне можно использовать как инструмент популяризации традиционных ценностей среди граждан юного возраста: написание историй, которые будут откликаться будущему поколению, но на базе догм института семьи, чтобы доступным и понятным для молодежи языком донести важность сохранения идеи создания семьи, невзирая на трудности жизни или препятствия, на преодолении которых необходимо сделать акцент в рассказе, подавая «сложность» не как причину бездействовать, а возможность добиться своего вопреки ей.

¹ Кружок 3.0 // Клуб Романтики. URL: <https://t.me/KrujokR> (дата обращения: 14.11.2025).

² Подслушано Лига Мечтателей. URL: <https://t.me/podslushanolm> (дата обращения: 14.11.2025).

Библиографический список

1. Карсканова Н.А., Родина И.В. (2018). Визуальные новеллы как современные электронные издания в Японии, США и России. Язык. Текст. Книга: материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УрФУ. С. 57–66.
2. Швецова А.В., Казько А.С. (2025). Социальные паттерны в визуальных новеллах: новые коммуникативные практики молодежи // Наука. Культура. Общество. Т. 31. № 3. С. 72–82.

Информация об авторе

Анна Сергеевна Казько – магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: kazko_ann@mail.ru)

Kazko A.S.

DIGITAL FAIRY TALES FOR ADULTS: HOW VISUAL NOVELS INFLUENCE YOUTH ATTITUDES ABOUT MARRIAGE AND FAMILY

Abstract. *The article analyzes the impact of digital technologies on the daily lives of young people, focusing on the popularity of such a format of digital content as visual novels — interactive text games combining visual and musical elements. Their role in the formation of interpersonal and romantic behaviors is considered, as well as their potential as a tool for social influence and popularization of family values. The positive and negative sides of the idealization of characters are discussed, as well as the influence of the plots of the novels on the perception of romantic and marital relationships in real life.*

Keywords: *digitalization, youth, visual novels, interactive games, behavior modeling, marital expectations.*

Information about the Author

Anna S. Kazko – Master Degree student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: kazko_ann@mail.ru)

References

1. Karskanova N.A., Rodina I.V. (2018). Visual novels as modern electronic publications in Japan, the USA and Russia. Language. Text. Book: proceedings of the international scientific and practical conference. Yekaterinburg: UrFU, 57–66.
2. Shvetsova A.V., Kazko A.S. (2025). Social patterns in visual novels: new communicative practices of youth. *Science. Culture. Society*, 31, 3, 72–82.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА РЕГИОНА НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Данное исследование посвящено вопросам перехода региона на инновационный путь развития. В работе рассматривается теоретико-понятийный аппарат, выявлены проблемы при осуществлении перехода на новый этап экономического развития региона и разработана модель функционирования инновационной инфраструктуры, необходимой для перехода региона на инновационный путь экономического развития.

Ключевые слова: инновации, инновационный путь развития, инновационная деятельность.

В современном мире использование инновационных технологий и новшеств является приоритетной задачей для государства. Это связано с тем, что создаются новые категории товаров, работ и услуг, направленных на удовлетворение спроса потребителей; ускоряются темпы развития субъектов как на микро- так и мезоуровне; увеличивается конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность регионов. Поэтому значимость инноваций в современной экономике возрастает и усиливает свое влияние. При этом, в условиях текущего состояния неопределенности и экономических вызовов, инновационный путь развития для государства и его субъектов является основным вектором развития экономической системы.

Для отечественной экономики выход на инновационный путь развития открывает возможности для ухода от сырьевого экспорта и технологической зависимости от импорта иностранного оборудования, что является необходимостью в условиях текущих реалий. Об этом, в своем выступлении перед Советом Федерации, говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин. В «Стратегии экономического развития до 2035 года» инновационный путь развития становится главным вектором развития отечественной экономики. Однако, в связи с диспропорциями экономического развития, большинство регионов не готово к такому переходу. Устаревшее оборудование и изношенность производственных мощностей, низкая инновационная активность, высокие риски, отсутствие гарантий для частных инвесторов при капиталовложениях в инновационные проекты, дезорганизованная региональная инфраструктура не позволяют осуществить такой переход – данные проблемы наблюдаются во многих регионах, но особенно они выражены в категории старопромышленных регионов. Так как в большинстве регионов, относящихся к этой категории, уровень износа производственных мощностей составляет более 70%, это говорит о высоких темпах снижения промышленного производства в них. Рассматривая данный факт, авторами исследования выбран регион, относящийся к данной категории – Владимирская область с целью оценки возможностей осуществления перехода на инновационный путь развития.

Владимирская область располагается в центральной части Центрального федерального округа и граничит с Московской, Ивановской, Рязанской, Ярославской и Нижегородской областями. Проводя анализ данного региона, можно заметить, что его территориальное местоположение обладает значительным преимуществом для размещения и функционирования производств, так как он расположен между двумя точками роста: город федерального значения Москва и Нижний Новгород. Таким образом, транспортная доступность и близость к точкам роста является одним из преимуществ региона. По профилю хозяйственной деятельности Владимирская область относится к регионам индустриального типа, так как основная направленность региона концентрируется на промышленном секторе.

В области сконцентрированы крупные производственные мощности: Индустриальный парк Столетов (на базе Владимирского завода Точмаш), Электроприбор, Гусь-Хрустальный стекольный завод, Муромский электроприборотехнический завод и др. Однако, несмотря на значительные преимущества, в регионе наблюдаются также и проблемные моменты, которые оказывают деструктивное влияние на ведение хозяйственной деятельности и снижают темпы экономического развития.

Проблемы экономического развития региона:

– Высокий уровень износа технического оснащения. В связи с высоким уровнем устаревания технического оснащения производственных мощностей, количество выпускаемой продукции сокращается, увеличивая таким образом издержки на энерго-коммуникативные ресурсы, комплектующие и поддержку работоспособности оборудования и др. Следовательно, стоимость готового продукта увеличивается, что существенно негативно влияет на спрос, снижая итоговый потенциал продукции.

– Низкий уровень инновационной активности. В результате высоких затрат и сниженный спрос на продукцию, а также механизма поддержки при реализации инновационных проектов, уровень инновационной активности снижается, уменьшая таким образом инновационный потенциал региона и его субъектов.

– Дезорганизованная инновационная инфраструктура. Отсутствие механизмов коммуникации и координации между участниками инновационных процессов снижает результативность ведения инновационной деятельности и затрудняет реализацию инновационных проектов в регионе.

– Снижение количества патентов на изобретения и полезные модели. В результате сокращения количества выпускников аспирантуры по естественным и техническим наукам снижается количество разрабатываемых в регионе НИОКР, таким образом уровень показателя инновационного потенциала существенно уменьшается, оказывая негативное влияние на реализацию инновационных процессов в регионе.

– Недостаточное финансирование инновационных проектов. Высокий уровень возникновения рисков событий и отсутствие гарантий сохранности капиталовложений у инвесторов снижают привлекательность инновационной деятельности. При этом получение государственных субсидий и дотаций затруднено из-за механизма согласования инновационных проектов, длительность прохождения которых составляет от полутора до трех лет. Поэтому объем инвестирования в инновационную деятельность региона ограничен и находится на низком уровне.

Представленные проблемы затрудняют реализацию инновационных проектов в регионе и снижают результативность внедрения инноваций, активизируя ухудшение текущих условий для осуществления региону перехода на инновационный путь развития. Одной из ключевых проблем является, по мнению авторов, дезорганизация инновационной инфраструктуры, так как от ее работоспособности, зависит жизненный цикл инноваций при реализации инновационных проектов в регионе. Для решения проблемы дезорганизации авторами исследования была сформулирована системная модель функционирования инновационной инфраструктуры, основанная на теоретической модели Г.Б. Клейнера [1, с. 144–145] и экосистемном подходе. Данная модель представлена на *рис. 1*.

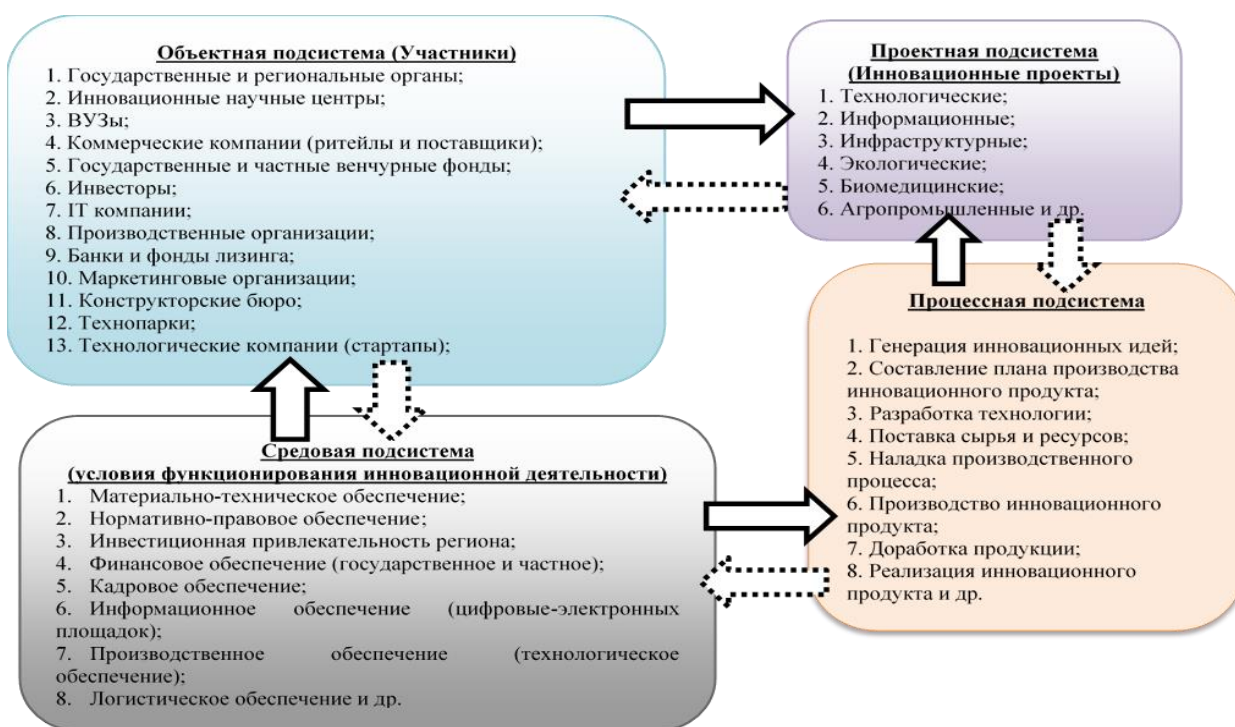

Рис. 1. Системная модель функционирования региональной инновационной инфраструктуры

Источник: составлено авторами.

Модель основана на принципе работы экосистемного подхода, обладающего механизмами прямой и обратной связи, благодаря которым осуществляется процесс координации и коммуникации между участниками инновационной деятельности. В основу входит теоретическая модель Г.Б. Клейнера и включает в себя четыре подсистемы взаимосвязанные между собой по принципу ограничения во времени и пространстве, а также объема ресурсов. Данная модель позволяет сформировать механизмы координации и коммуникации инновационной деятельности, что является фундаментальным условием для функционирования инновационной инфраструктуры в регионе. При этом, стоит отметить, что наличие работоспособной инновационной инфраструктуры является необходимым условием и первым шагом к переходу Владимирской области на инновационный путь развития в соответствии с целями «Стратегии развития регионов 2030».

Библиографический список

1. Клейнер Г.Б., Агафонов В.А., Балычева Ю.Е. [и др.]. (2022). Мезоэкономика России: стратегия разбега. Москва: Издательский дом «Научная библиотека». 808 с.

Информация об авторах

Роман Игоревич Кудряков – старший преподаватель Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Российская Федерация, 600017, г. Владимир, ул. Горького, д. 57; e-mail: r.kudryakov-vlsu@bk.ru)

Гилян Васильевна Федотова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и цифровых технологий, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий имени К.И. Скрябина» (Российская Федерация, 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23; e-mail: priem_kom@mgavm.ru); ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской Академии Наук (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Вавилова, д. 44, корп. 2; e-mail: frccsc@frccsc.ru)

FEATURES OF THE REGION'S TRANSITION TO AN INNOVATIVE PATH OF DEVELOPMENT (ON EXAMPLE OF THE VLADIMIR REGION)

Abstract. *This study focuses on the region's transition to an innovative development path. The work considers theoretical and conceptual apparatus, identifies problems in implementation of transition to a new stage of economic development of the region and develops a model of functioning of innovative infrastructure necessary for transition of the region to an innovative path of economic development.*

Keywords: *innovation, innovative path of development, innovative activity.*

Information about the Authors

Roman I. Kudrikov – Senior Lecturer, Russian Academy of National Economy and Public Service (57, Gorky Street, Vladimir, 600017; e-mail: r.kudryakov-vlsu@bk.ru)

Gilyan V. Fedotova – Doctor of Sciences (Economics), professor of department of Economics and Digital Technologies, Agro-Industrial Complex at the K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology (23, Akademika Skryabina Street, Moscow, 109472, Russian Federation; e-mail: priem_kom@mgavm.ru); Leading Researcher, Federal Research Center Informatics and Control of the Russian Academy of Sciences (44/2, Vavilova Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: frccsc@frccsc.ru)

References

1. Kleiner G.B., Agafonov V.A., Balycheva Yu.E. [et al.]. (2022). Meso-economy of Russia: strategy of the run. Moscow: Publishing house "Scientific Library".

БИБЛИОТЕКА КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье проводится изучение динамики оценок удовлетворенности работой учреждений культуры (в числе которых библиотеки и музеи) респондентами старшей возрастной группы. Анализируются результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в рамках мониторингов общественного мнения населения Республики Беларусь.

Ключевые слова: информационное общество, библиотеки, уровень удовлетворенности, лица старшего возраста, социологическое исследование.

В условиях развития информационного общества происходит неизбежная технологизация различных сфер жизни, которая видоизменяет привычную социальную среду и требует получения новых знаний для реализации разнообразных повседневных задач. Однако для ряда социальных групп, в частности для людей старшего возраста, происходящие изменения могут вызывать трудности в адаптации к ним. В данной связи библиотека, выступающая источником доступной и качественной информации, играет значимую роль как пространство, способствующее социальному включению различных социальных групп в информационную среду.

Важным аспектом изучения роли библиотек в социальной интеграции различных социальных групп выступает замер удовлетворенности работой данными учреждениями в рамках социологических опросов, чему и посвящена представленная статья.

Так, анализ удовлетворенности основан на результатах ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы условиями проживания в Вашем населенном пункте: работой учреждений культуры (библиотек, музеев)?», который задавался респондентам в рамках республиканских мониторинговых опросов населения Республики Беларусь, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси за период с 2020 по 2024 гг. по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания и типу населенного пункта и его размерности.

На рис. 1 представлена динамика оценок уровня удовлетворенности работой учреждений культуры (в том числе библиотек и музеев) респондентами старшего возраста¹, проживающих в Республике Беларусь. Можно отметить, что за период 2020–2024 гг. доля тех, кто отмечает удовлетворенность работой учреждений культуры увеличилась с 39,9% в 2020 году до 59,9% в 2024 году. В дополнение к этому отметим, что значительно сократилась доля респондентов, которые отмечают неудовлетворенность работой учреждений культуры, в том числе библиотек и музеев: с 13,3% в 2020 году до 5,3% в 2024 году.

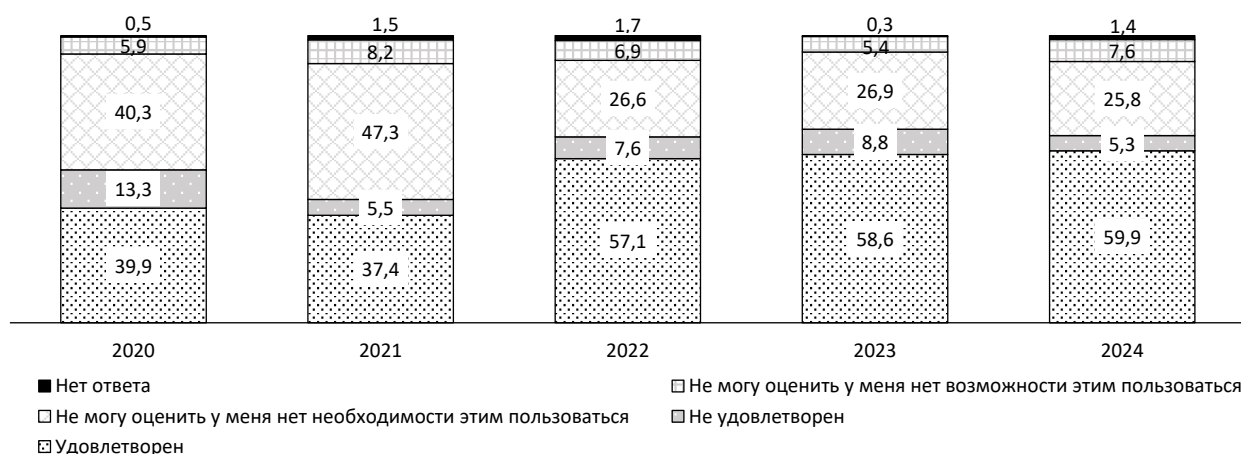

Рис. 1. Уровень удовлетворенности работой учреждений культуры (библиотек, музеев) респондентов старшей возрастной группы, с 2020 по 2024 год, %

Источник: составлено авторами по данным опросов Института социологии НАН Беларуси.

¹ Под респондентами старшего возраста в данной статье понимаются граждане в возрасте от 65 лет и старше ($N_{2020} = 244$, $N_{2021} = 272$, $N_{2022} = 301$, $N_{2023} = 331$, $N_{2024} = 357$).

Также наблюдается сокращение доли респондентов, отмечающих отсутствие необходимости пользоваться предоставляемыми учреждениями культуры услугами: в 2021 году данную группу составляла почти половина (47,3%) населения в возрасте старше 65 лет, в 2023 году – 26,6%, в 2024 году – 25,8%. Однако для ряда респондентов сохраняется проблема отсутствия возможности использования услуг учреждений культуры: в 2020 году такую ситуацию отмечали 5,9% лиц старшего возраста, в 2021 году – 8,2%, а в 2024 году – 7,6%. Отметим, что респонденты старшего возраста выражают высокий уровень удовлетворенности работой учреждений культуры, в числе которых библиотеки и музеи, но также среди них значительная доля тех, кто не является пользователями предоставляемых культурных услуг.

Таким образом, остается актуальным вопрос популяризации услуг учреждений культуры для представителей старшей возрастной группы, в том числе посредством проведения информационной работы с населением по освещению широкого спектра мероприятий, реализуемых местными публичными библиотеками. Также сохраняется важность проведения социологических исследований, направленных на изучение потребности в использовании библиотечных услуг представителями старшей возрастной группы населения с целью выработки научно обоснованных предложений по расширению роли библиотек как среды социальной интеграции в условиях развития информационного общества.

Информация об авторах

Татьяна Анатольевна Толстяк – младший научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: tatyana.tolstyak@mail.ru)

Марина Ивановна Горбач – аспирант, младший научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: marina_skrigan@mail.ru)

Tolstyak T.A., Horbach M.I.

LIBRARY AS A SPACE OF SOCIAL INTEGRATION IN THE DEVELOPMENT OF INFORMATION SOCIETY

Abstract. *The article examines the dynamics of satisfaction ratings of cultural institutions, including libraries and museums, among the respondents of the older age group. The article presents an analysis of the results of the sociological studies conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus.*

Keywords: *information society, libraries, satisfaction level, senior citizens, sociological research.*

Information about the Authors

Tatyana A. Tolstyak – Junior Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: tatyana.tolstyak@mail.ru)

Marina I. Horbach – graduate student, Junior Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: marina_skrigan@mail.ru)

РОЛЬ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. В статье представлена оценка экосистемных услуг Вологодской области как составляющей природного капитала. Полученный результат в 3,2 трлн рублей в год поддерживает идею о включении экосистемных услуг в рынок для учета их стоимости при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: экосистемные услуги, устойчивое развитие, природный капитал, соотношение затрат и выгод, Вологодская область.

Одним из факторов производства, наряду с человеческим капиталом, является природный капитал, т. е. «капитал, дающий выгоды/доходы, связанные с эксплуатацией/сохранением природных благ» [1, с. 254].

Один из компонентов природного капитала – экосистемные услуги, т. е. выгоды, полученные от экосистем [2, с. 39]. К таким услугам относятся регулирование водного стока, поддержание плодородия почв и др.

Сохранение и восстановление наземных экосистем как поставщиков услуг закреплено в цели устойчивого развития № 15 «Защита и восстановление экосистем суши»¹. Однако в настоящее время стоимость экосистемных услуг не отражена в российской статистике: Росстат оценивает только природные ресурсы (возобновляемые и невозобновляемые) (рис. 1). В результате нарушается соотношение «затраты-выгоды». Экономически эффективными могут признаваться проекты, приводящие к деградации экосистем и, соответственно, к убыткам.

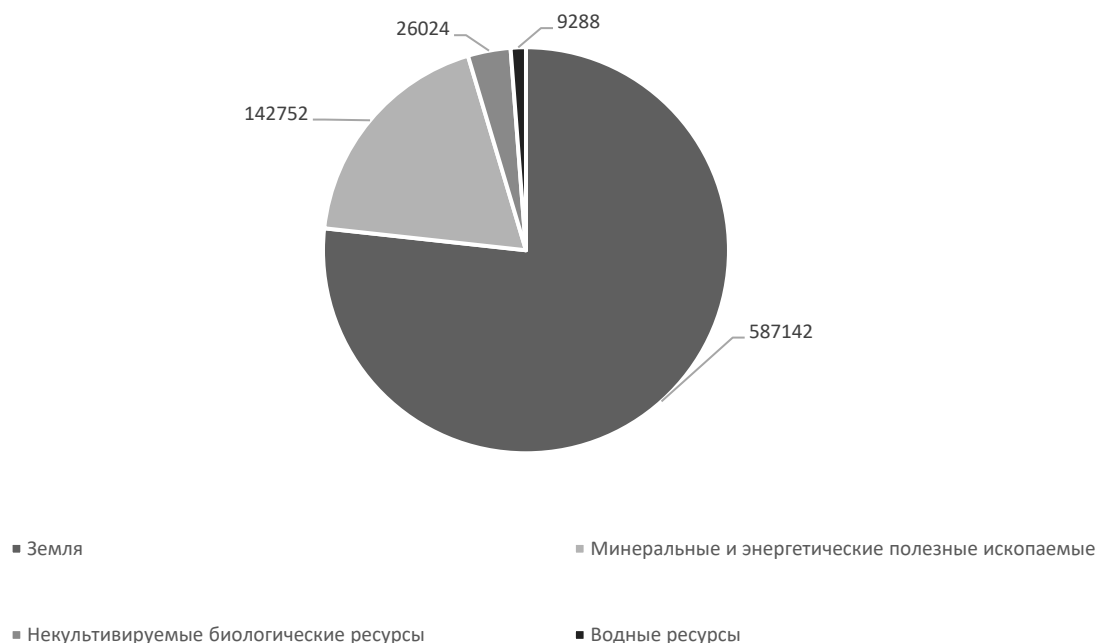

Рис. 1. Стоимость природных ресурсов в 2023 году (в ценах на конец 2023 года), млрд руб.

Примечание: земля оценивалась по кадастровой стоимости. Некультивируемые биологические ресурсы включают в себя биологические ресурсы растительного происхождения (лесные), животного происхождения (охотничьи) и водного происхождения (гидробионты).

Источник: составлено автором по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/Balans_aktiv_passiv-2023.xlsx

¹ Цели в области устойчивого развития // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/biodiversity/?ysclid=mid267fuuc468814731>

Для того, чтобы в будущем в России и, в частности, в Вологодской области принимались более экономически эффективные решения, необходимо накапливать базу исследований, посвященных анализу и оценке экосистемных услуг. В связи с этим цель исследования – оценить стоимость экосистемных услуг в Вологодской области.

Расчеты будут осуществляться исходя из оценок экосистемных услуг, представленных в работе [3]. Данное исследование дает актуальную оценку стоимости услуг для 23 экосистем с опорой на специально разработанную базу данных – The Ecosystem Services Valuation Database (ESVD), которая содержит результаты более 1300 исследований по оценке экосистемных услуг. Для Вологодской области наиболее характерны шесть экосистем среди 23 представленных: луга и пастбища, водно-болотные угодья, озера, реки, обрабатываемые земли, леса северных широт, города и промышленные районы.

Для расчета необходима количественная оценка экосистем Вологодской области в гектарах. Классификация экосистем [3] согласуется с распределением земельного фонда² (табл. 1), что позволило рассчитать стоимость услуг четырех экосистем по данным земельного фонда.

Таблица 1. Соотношение экосистем и угодий, на которых базируются экосистемы

Экосистема	Угодья
Луга и пастбища	Сенокосы; пастбища
Водно-болотные угодья	Болота
Озера, реки	Под водой
Обрабатываемые земли	Пашня, многолетние насаждения
Источник: составлено по [3]; Комплексный территориальный кадастр природных ресурсов Вологодской области.	

Площадь лесов определялась как территория, покрытая лесной растительностью³. Экосистемные услуги городов обеспечивают зеленые насаждения в пределах городской черты и именно их площадь учитывалась при расчетах⁴.

Для получения итоговой стоимости экосистемных услуг Вологодской области необходимо умножить оценку одного гектара определенной экосистемы на ее общую площадь в пределах области. Результат представлен в табл. 2.

Таблица 2. Оценка стоимости экосистемных услуг по экосистемам Вологодской области

Экосистема	Стоимость экосистемных услуг, Int\$ в год за 1 гектар (цены 2020 года)	Стоимость экосистемных услуг, руб. в год за 1 гектар (цены 2020 года)	Площадь, занимаемая экосистемой, га	Стоимость экосистемных услуг, млрд руб. в год за покрываемую экосистемой площадь в Вологодской области
Леса северных широт	5 559	128 691	9 900 000	1 274
Луга и пастбища	5 934	137 372	566 800	78
Водно-болотные угодья	34 018	787 517	1 271 800	1 002
Озера, реки	33 447	774 298	658 600	510
Обрабатываемые земли	17 360	401 884	832 800	335
Город и промышленные районы	64 167	1 485 466	3 767	6
Итого			13 233 767	3 204
Примечание: паритет покупательной способности в 2020 году для перевода из международных долларов в рубли взят исходя из данных: Паритет покупательной способности (российских рублей за 1 доллар США) // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/40707 . Источник: рассчитано по [3]; Комплексный территориальный кадастр природных ресурсов Вологодской области).				

² Комплексный территориальный кадастр природных ресурсов Вологодской области. Выпуск 29. (2024). Вологда: Министерство природных ресурсов и экологии Вологодской области. 332 с.

³ Там же.

⁴ Площадь зеленых насаждений рассчитана на основе данных, приведенных в статистическом сборнике «Туризм в Вологодской области в 2018–2023 годах». В зеленые насаждения включены насаждения общего пользования (парки, сады, скверы и бульвары), лесопарки, городские леса, озеленение улично-дорожной сети.

Общая стоимость экосистемных услуг Вологодской области составила около 3,2 трлн руб. в год. Для сравнения, ВРП Вологодской области в 2023 году был 1,1 трлн рублей, т. е. примерно в 3 раза меньше. Основную часть стоимости составляют экосистемные услуги лесов (благодаря большой их площади) и водно-болотных угодий (благодаря высокой удельной стоимости их экосистемных услуг).

Таким образом, полученные значения подтверждают значимость учета экосистемных услуг при принятии управленческих решений. Показатели могут использоваться при разработке программ альтернативных инвестиций в природоохранные проекты, а также механизмов регулирования растраты экосистемных услуг, например, посредством введения платы за них.

Библиографический список

1. Бобылев С.Н. (2021). Экономика устойчивого развития: учебник. Москва: КНОРУС. 672 с.
2. Millennium Ecosystem Assessment. Ecosystems and Human Well-being: Synthesis. Washington DC: Island Press.
3. Brander L.M., de Groot R., Schägner J.P. [et al.]. (2024). Economic values for ecosystem services: A global synthesis and way forward. *Ecosystem Services*, 66, 101606. DOI: 10.1016/j.ecoser.2024.101606

Информация об авторе

Михаил Александрович Фомин – магистрант, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mih.al.fomin@yandex.ru)

Fomin M.A.

THE ROLE OF ECOSYSTEM SERVICES IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Abstract: *The article presents an assessment of ecosystem services in the Vologda Region as a component of natural capital. The result – 3.2 trillion rubles per year – supports the idea of including ecosystem services in the market to take their value into account when making management decisions.*

Keywords: *ecosystem services, economic value, sustainable development, natural capital, cost-benefit ratio.*

Information about the Author

Mikhail A. Fomin – Master Degree student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mih.al.fomin@yandex.ru)

References

1. Bobylev S.N. (2021). Economics of Sustainable Development: Textbook. Moscow: KNORUS.
2. Millennium Ecosystem Assessment. Ecosystems and Human Well-being: Synthesis (2005). Washington DC: Island Press.
3. Brander L.M., de Groot R., Schägner J.P. [et al.]. (2024). Economic values for ecosystem services: A global synthesis and way forward. *Ecosystem Services*, 66, 101606. DOI: 10.1016/j.ecoser.2024.101606

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МОЛОДЕЖИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной работе представлен анализ уровня социального капитала молодежи Вологодской области. Исследуется его связь с социальным самочувствием, оценкой текущей ситуации, а также с формированием гражданско-патриотической идентичности молодежи.

Ключевые слова: социальный капитал, Вологодская область, молодежь, социальные настроения, патриотизм.

Социальный капитал, понимаемый как совокупность социальных связей, норм доверия и ценностей [1, 2], играет ключевую роль в адаптационных возможностях и социальном самочувствии молодежи. В условиях современных вызовов именно молодое поколение становится индикатором социально-экономических и ценностных трансформаций в регионе. Целью данного исследования является анализ уровня социального капитала людей до 30 лет Вологодской области [3] и его взаимосвязи с ключевыми социально-психологическими и ценностными ориентациями.

Согласно полученным данным, распределение молодежи по уровням социального капитала имеет структуру, близкую к нормальному распределению, со смещением в сторону средних значений (рис. 1). Таким образом, почти три четверти молодежи (74%) обладают социальным капиталом на низком и среднем уровнях. Лишь четверть опрошенных (26%) демонстрирует высокий и очень высокий уровень социального капитала. Это указывает на наличие значительного потенциала для наращивания социального капитала в молодежной среде региона.

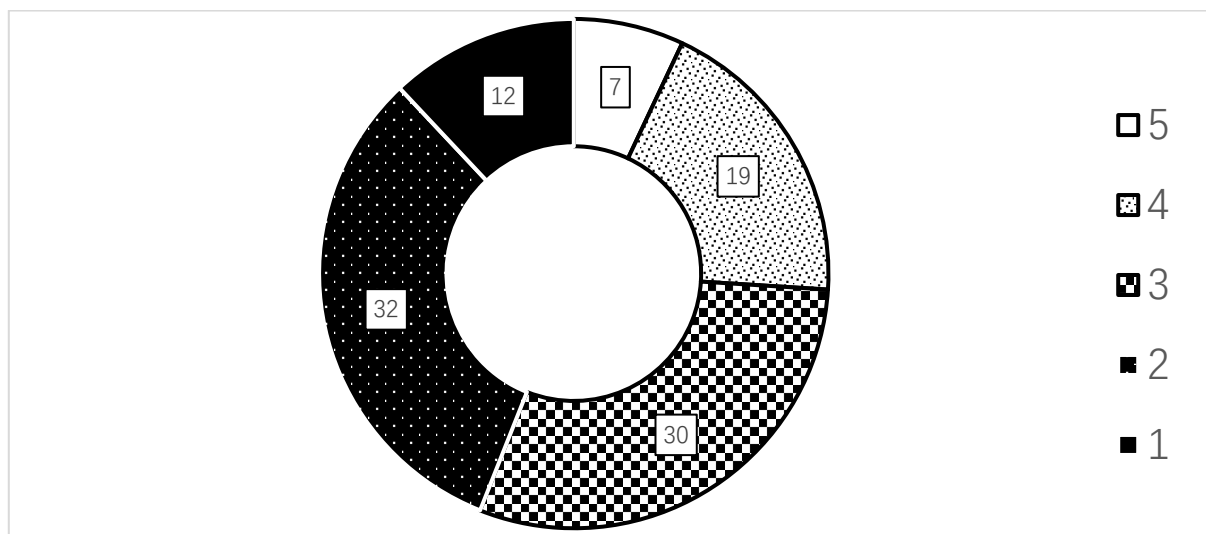

Рис. 1. Уровень социального капитала молодежи Вологодской области, %

Источник: составлено автором.

Данные исследования демонстрируют устойчивую положительную корреляцию между уровнем социального капитала и эмоциональным состоянием респондентов (табл. 1). Доля тех, кто отмечает «Прекрасное настроение», последовательно возрастает с менее чем пятой части опрошенных (17%) в группе с низким социальным капиталом, почти до половины (47%) в группе с максимальным. Это ярко свидетельствует о том, что развитые социальные сети и чувство общности выступают буфером против стресса и способствуют позитивному эмоциональному фону.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?» (в зависимости от уровня социального капитала), %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Прекрасное настроение	17	18	24	36	47
Нормальное, ровное состояние	52	55	58	46	35
Испытываю напряжение, раздражение	17	21	14	16	18
Испытываю страх, тоску	0	1	0	2	0
Затрудняюсь ответить	14	4	4	0	0
Источник: составлено автором.					

Обращает на себя внимание и обнаруженная прямая связь между уровнем социального капитала и степенью социального оптимизма молодежи (табл. 2). Уверенность в том, что «Все не так плохо и жить можно», закономерно растет с повышением уровня социального капитала: с 1/3 на первом уровне до 2/3 на пятом. Это подтверждает предыдущий вывод о том, что социальный капитал служит ресурсом для более оптимистичной оценки окружающей действительности. Обратная динамика наблюдается для варианта «Жить трудно, но можно терпеть» – его доля постепенно снижается. Таким образом, пассивно-выжидательная позиция наиболее характерна для молодежи с дефицитом социального капитала. Интересно, что доля тех, кто считает, что «Терпеть уже невозможно» максимальна (24%) именно в группе с высшим социальным капиталом. Это может указывать на то, что наиболее активная и связанная часть молодежи острее воспринимает системные проблемы и обладает более высоким уровнем критического мышления и запросом на изменения.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?» (в зависимости от уровня социального капитала), %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Все не так плохо и жить можно	31	30	49	48	65
Жить трудно, но можно терпеть	52	57	32	36	12
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	7	11	13	14	24
Затрудняюсь ответить	10	3	6	2	0
Источник: составлено автором.					

Помимо оценки текущей социально-экономической ситуации, важным индикатором интеграции личности в общество является характер ее связи с государством и чувство гражданской принадлежности. Таким образом, вслед за анализом социальных настроений, представляется необходимым обратиться к исследованию того, как уровень социального капитала коррелирует с формированием гражданско-патриотической идентичности молодежи.

Как видно из представленных данных (табл. 3) безусловная идентификация с Россией как с Родиной («Независимо от того, где жить лучше») устойчиво растет с повышением уровня социального капитала: с половины опрошенных (52%) на первом уровне до более чем 80% на четвертом. Это говорит о том, что чувство принадлежности к большому сообществу (нации) тесно связано с развитостью микросоциальных связей. Условная идентификация («При условии, что в ней жить будет лучше») и инструментальный подход («Родина там, где комфортно»), напротив, наиболее распространены среди групп с низким социальным капиталом.

**Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Где Ваша Родина?»
(в зависимости от уровня социального капитала), %**

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Я считаю Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране	52	71	79	82	77
Я хотел бы считать Россию своей Родиной, при условии, что в ней жить будет лучше, чем в других странах	17	12	6	5	6
Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился	3	7	3	2	0
Я думал об этом, но пока затрудняюсь ответить	3	3	1	7	6
Я не задумывался над этим вопросом	24	8	11	5	12
Источник: составлено автором.					

Аналогичная динамика наблюдается и по вопросу о патриотизме (табл. 4). Доля тех, кто «Однозначно считает себя патриотом», увеличивается с 35 до 77% по мере роста социального капитала с первого до четвертого уровня. При этом в группе с максимальным капиталом (пятый уровень) этот показатель несколько снижается (до 65%). Одновременно в этой группе фиксируется самый высокий процент тех, кто «Точно не считает себя патриотом» (18%). Это может указывать на существование сегмента высокоресурсной, но критически настроенной молодежи, чей патриотизм носит не конформный, а активный и рефлексивный характер.

**Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?»
(в зависимости от уровня социального капитала), %**

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Однозначно считаю	35	45	55	77	65
Скорее считаю	45	32	35	16	18
Скорее не считаю	17	22	6	7	0
Точно не считаю	3	0	3	0	18
Источник: составлено автором.					

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что большая часть молодежи Вологодской области сосредоточена на низких и средних уровнях социального капитала, что указывает на необходимость целенаправленной политики по его развитию. Социальный капитал является значимым ресурсом психологического благополучия: чем он выше, тем более позитивным является эмоциональное состояние молодежи. Но, похоже, одновременно с этим его рост сопровождается ростом критичности и нетерпимости к негативным явлениям. При этом социальный капитал выступает фундаментом для формирования сильной и безусловной гражданской идентичности и патриотических чувств. Однако в группе с максимальным капиталом патриотизм может принимать более сложные, рефлексивные и не всегда прямолинейные формы.

Библиографический список

1. Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н., Дементьева И.Н. [и др.]. (2018). Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец: ЧГУ. 220 с.
2. Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. [и др.]. (2022). Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 228 с.
3. Лисовский В.Т. (2000). Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. Санкт-Петербург. 512 с.

Информация об авторе

Николай Николаевич Ясников – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nyasnikov94@mail.ru)

SOCIAL CAPITAL OF YOUTH IN THE VOLOGDA REGION

Abstract. *This paper presents an analysis of the level of social capital among young people in the Vologda Oblast. Its relationship with social well-being, assessment of the current situation, and the development of civic and patriotic identity among young people is examined.*

Keywords: *social capital, Vologda Oblast, youth, social sentiment, patriotism.*

Information about the Author

Nikolai N. Yasnikov – Junior Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: nyasnikov94@mail.ru)

References

1. Guzhavina T.A., Afanasyev D.V., Vorobyova I.N., Dementyeva I.N. [et al.]. (2018). Regional social capital in times of crisis. Cherepovets: ChSU.
2. Guzhavina T.A., Afanasyev D.V., Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V. [et al.]. (2022). Collective Actions and Social Capital in Russian Society: Monograph. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
3. Lisovsky V.T. (2000). Spiritual world and value orientations of the youth of Russia. St. Petersburg.

CHINA'S REGIONAL SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY

Abstract. *As the world's second-largest economy, China faces daunting challenges in sustainable development. This paper explores the necessity and implementation path of a regional sustainable development strategy for China, emphasizing the coordinated development of the economy, society, and environment to promote regional balance and harmony. Based on geographical and economic characteristics, China is divided into three regions: the eastern, central, and western regions. This paper proposes a sustainable development strategy tailored to the characteristics of each region. By coordinating the development of these regions, the paper aims to achieve rational resource allocation and harmonious economic, social, and environmental development, providing theoretical support and practical guidance for China's sustainable development.*

Keywords: *region, coordinated development, sustainable development, strategy, resource allocation.*

The Importance of Sustainable Development

Sustainable development is a crucial concept in today's society. Economic development should not come at the expense of the environment, and we must explore green economic development models [1, p. 3]. Sustainable development not only improves quality of life but also effectively addresses climate change and ecological crises, thereby creating a better future for humanity. Regional development is also indispensable to sustainable development. Unbalanced regional development can exacerbate social conflicts. Effective resource management is the foundation for achieving sustainable development, and a scientific resource utilization system is essential [2, p. 374].

Analysis of China's Regional Division and Current Status of Sustainable Development

China's regions are generally divided into three regions: eastern, central, and western. Each region has its own unique characteristics and current status in terms of economic development, resource utilization, and sustainable development [3, p. 80]. Figure 1 shows the regional GDP of eastern, central, and western China in 2024. The eastern region will have a GDP of 7,02 billion yuan; the central region will have a GDP of 3,5 billion yuan; and the western region will have a GDP of 2,87 billion yuan. The eastern region is relatively developed. Specific details are as follows.

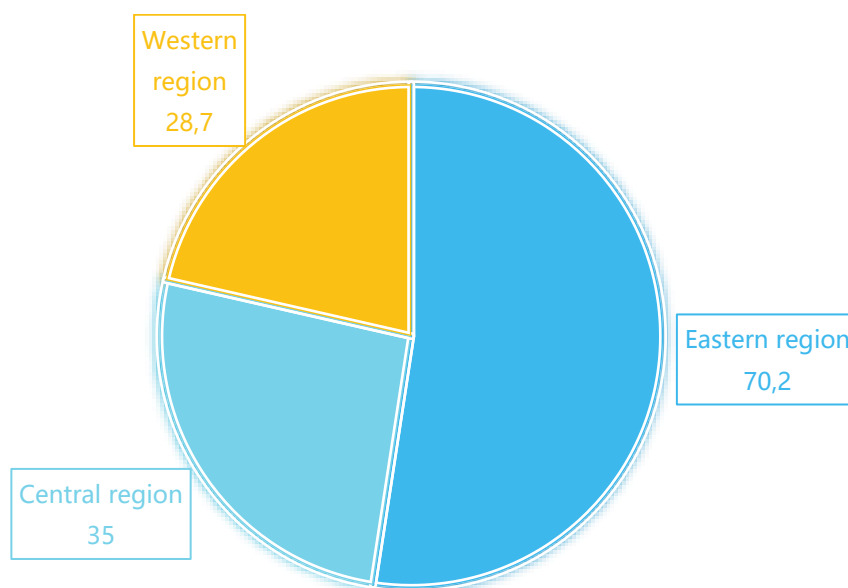

Figure 1. Regional GDP in 2024 (100 million yuan)

Source: International Statistics Bureau.

1. Eastern China. This region, which includes economically developed provinces such as Beijing, Shanghai, and Guangdong, is China's most economically active region, accounting for a major share of the nation's GDP. Its well-developed infrastructure and strong scientific and technological innovation capabilities have attracted a large amount of foreign investment. However, its high resource consumption, severe environmental pollution, and rapid urbanization have led to more pronounced ecological problems than in other regions.

2. The central region, including provinces such as Henan, Hubei, and Hunan, has relatively rapid economic development, but the overall level is still lower than that of the eastern region. It has abundant agricultural resources and human resources, and its industrial base is gradually strengthening. However, its industrial structure is single, and environmental governance and resource management are relatively lagging behind.

3. The western region, including provinces such as Sichuan, Yunnan, and Shaanxi, has a lower level of economic development, but is rich in natural resources. It has abundant natural resources and a relatively good ecological environment. However, its infrastructure is weak, economic development is unbalanced, and its ecological vulnerability is high.

Overall, although various regions have made some progress in sustainable development, there is still a need to strengthen coordination and cooperation among regions to achieve comprehensive and harmonious sustainable development goals.

Government Policy Guidance

The country has made efforts to promote coordinated regional development, ecological protection, and economic transformation. Through a series of government documents, the state has clarified the development goals and implementation paths for each region, emphasizing the balance between ecological civilization and economic growth. Specific details are shown in Table 1.

Table 1. Government policy documents

No.	Name	Date	Core Content
1	National Ecological Civilization Construction Plan Outline	2015	Emphasize the importance of ecological civilization construction and propose to basically form an ecological civilization system framework by 2030
2	Guiding Opinions on Promoting Coordinated Regional Development	2016	It is proposed to accelerate the coordinated development of the east, middle and west regions and optimize the regional economic layout.
3	The 14th Five-Year Plan for Ecological and Environmental Protection	2018	Propose a rural revitalization strategy, emphasizing agricultural modernization and sustainable rural development.
4	Regional Development and Poverty Alleviation Plan	2020	Emphasize the relationship between poverty eradication and sustainable development, and propose specific poverty alleviation measures.
Source: own compilation.			

Government policy documents play a crucial role in guiding China's regional sustainable development. First, they provide clear direction for each region to formulate specific development goals, ensuring that policies align with the overall national strategy. Second, through policy guidance, local governments can more effectively integrate resources and coordinate interdepartmental collaboration, thereby improving regional ecological and environmental protection and economic development. These documents also provide a framework for interregional exchange of experiences and best practices, driving sustainable development progress nationwide.

Conclusion

The implementation of China's regional sustainable development strategy requires the concerted efforts of government, businesses, and society. Only through coordinated development, environmental protection, and social equity can true sustainable development be achieved, laying a solid foundation for future economic growth. Coordinated development among the central, eastern, and western regions is crucial: the central region should strengthen infrastructure construction and promote industrial upgrading; the eastern region needs to address environmental pollution and resource depletion, continue to leverage technological innovation and market advantages, and promote a green economy; and the western region needs to leverage national policy support and enhance awareness of ecological and environmental protection. Only through the coordinated efforts of all regions, forming a development pattern of resource sharing and complementary advantages, can China's sustainable development strategy be effectively promoted, laying a solid foundation for prosperity and harmony for all of society.

Information about the Author

Shiqi Zhou – graduate student, National Research Tomsk State University Institution of Economics and Management (2, Herzen Street, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: 19927677666@163.com)

References

1. Fan J., Zhao Y. (2021). China's regional development pattern towards modernization: scientific connotation and strategic focus. *Economic Geography*, 41(1), 1–9.
2. Qiu Z., Guo J., Yang J., Li X., Wu X. [et al.]. (2017). Rehabilitation 2030: Promoting the realization of relevant goals of the United Nations 2030 Agenda for Sustainable Development. *Chinese Journal of Rehabilitation Theory and Practice*, 23(4), 373–378.
3. Zhong W., Zheng M. (2021). The impact and mechanism of digital economy on regional coordinated development. *Journal of Shenzhen University (Humanities and Social Sciences)*, 38(4), 79–87.

OPTIMIZATION OF CHINA'S FERTILITY POLICY: STRATEGIC RECOMMENDATIONS BASED ON ANALYSIS OF POLICY EVOLUTIONARY PATHWAYS

Abstract. *This study proposes strategic recommendations for optimizing China's fertility policy based on three evolutionary pathways. Key directions include strengthening maternal and child health systems, family support programs, digital technologies, and favorable socio-economic environment.*

Keywords: *fertility policy, China, medical security, reproductive welfare, digitalization, demographic policy.*

Introduction

Demographic challenges represent one of the most pressing issues facing contemporary China. Despite the sequential relaxation of fertility policies, including the introduction of the two-child policy in 2015 and the three-child policy in 2021, the fertility rate continues to decline, creating serious risks for economic development and social stability. According to statistical data, China's birth rate decreased from 12,43‰ in 2013 to 6,77‰ in 2022, indicating insufficient effectiveness of existing fertility stimulation measures [1].

Previous research has demonstrated that the evolution of China's fertility policy occurred along three main trajectories: from family planning to comprehensive medical security; from strict fertility control to development of a reproductive welfare system; from fragmented measures to creation of an integrated reproductive system [1]. Understanding these evolutionary pathways enables the development of more effective strategic recommendations for further improvement of demographic policy.

The aim of this study is to develop comprehensive strategic recommendations for optimizing China's fertility policy based on analysis of historical trajectories of demographic policy development and contemporary socio-economic conditions.

Strategic Directions for Fertility Policy Optimization

1. Development of Maternal and Child Medical Security System

The first strategic direction relates to the transformation of the system from basic family planning to comprehensive medical security. To implement this direction, it is necessary to:

First, expand the coverage of pregnancy and childbirth medical insurance. Research indicates that financial barriers are one of the key factors hindering fertility increase [2]. It is recommended to increase government subsidization of pregnancy and childbirth-related medical expenses to 90% of total costs for families with below-average income. This should include not only direct medical expenses but also costs for prenatal diagnosis, postpartum recovery, and newborn care.

Second, it is necessary to create a multi-level system of medical services for mothers and children. Studies demonstrate the importance of accessible quality medical services for maintaining maternal and child health [3]. It is proposed to develop a network of specialized maternal and child health centers at district and city levels, equipped with modern medical equipment and qualified personnel. Special attention should be paid to rural and remote areas where access to quality medical services is limited.

Third, it is important to integrate prevention and early intervention programs into the maternal and child health system. This includes regular medical examinations for pregnant women, congenital disease screening, child vaccination, and breastfeeding support programs. International experience shows that comprehensive preventive programs significantly reduce maternal and child mortality [4].

2. Strengthening the Reproductive Welfare System

The second strategic direction involves transitioning from fertility control to creating favorable conditions for families with children. Key measures include:

First, implementing a comprehensive financial support system for families. European countries' experience demonstrates the effectiveness of direct cash payments to families with children [5]. It is recommended to establish monthly child allowances of at least 15% of the average regional income for the first child, 25% for the second child, and 35% for the third child. Additionally, lump-sum birth payments should be provided, with amounts no less than three average monthly salaries in the region.

Second, it is necessary to develop preschool education and childcare infrastructure. According to sociological surveys, the absence of accessible and quality childcare services is one of the main obstacles to having a second or third child. It is proposed to increase the number of state-run nurseries and kindergartens, ensuring coverage of at least 50% of children under three years and 95% of preschool children. The cost of services in state institutions should not exceed 20% of average family income.

Third, programs supporting working parents should be expanded. This includes extending paid parental leave to 12 months while maintaining at least 80% of salary, introducing flexible work schedules for parents with children under three years, providing tax benefits to employers who create conditions for balancing work and childcare [6]. Special attention should be paid to protecting working women's rights from maternity-based discrimination.

Fourth, it is important to reform housing policy in the interests of families with children. High housing prices are viewed by young people as a serious obstacle to family formation and childbearing. It is recommended to provide preferential mortgage loans to families with children at rates 2–3 percentage points below market rates, increase housing purchase subsidies with each subsequent child's birth, and grant priority to families with children in social housing programs.

3. Creating an Integrated Digital Demographic Process Management System

The third strategic direction involves modernizing the demographic process management system through digital technology implementation:

First, it is necessary to create a unified digital platform for managing maternity and childcare services. The platform should integrate data from medical institutions, social security agencies, and educational organizations, providing citizens convenient access to services through mobile applications and web interfaces. This will simplify procedures for obtaining benefits, scheduling medical examinations, registering for kindergartens, and accessing other services [7].

Second, a demographic process monitoring and forecasting system based on big data and artificial intelligence should be implemented. Analysis of data on fertility, migration, and families' socio-economic status will enable timely identification of problem areas and policy adjustments. Special attention should be paid to regional differences and development of differentiated approaches for different regions of the country.

Third, telemedicine services for pregnant women and mothers with young children need to be developed. This is particularly relevant for remote and rural areas where access to specialized medical care is limited. Telemedicine can provide specialist consultations, remote health monitoring, and education on proper child care.

4. Forming a Favorable Socio-Cultural Environment

The fourth strategic direction relates to changing public attitudes and creating a favorable environment for families with children:

First, a large-scale information and educational campaign is needed to form positive attitudes toward large families. Research shows that social and cultural factors play an important role in reproductive decision-making [8]. Media, social networks, and educational institutions should actively promote family values and responsible parenthood.

Second, family education and counseling programs should be developed. Young families need support on issues of family planning, child-rearing, and strengthening marital relationships. It is recommended to create a network of family counseling centers providing free or subsidized psychological and pedagogical support services.

Third, it is important to ensure civil society participation in demographic policy implementation. Non-profit organizations, public associations, and professional associations can play a significant role in providing services to families, organizing children's leisure activities, and creating parental mutual support communities.

Implementation Mechanisms and Effectiveness Evaluation

Successful implementation of the proposed strategic directions requires effective coordination and monitoring mechanisms. First, an interdepartmental commission on demographic policy issues should be established under the State Council of the PRC to coordinate activities of various ministries and departments, ensure policy coherence, and monitor implementation.

Second, clear policy effectiveness evaluation indicators must be established. In addition to traditional demographic indicators (birth rate, total fertility rate), indicators of citizen satisfaction with family support measures, accessibility of medical and educational services, child poverty levels, and work-family life balance should be monitored.

Third, it is important to ensure adequate financing for the proposed measures. According to international experience, effective family policy requires investments of 2–4% of GDP¹. It is recommended to gradually increase spending on family support with children, reaching at least 3% of GDP by 2035.

Fourth, citizen participation mechanisms in demographic policy development and adjustment need to be implemented. Regular sociological surveys, public hearings, and online feedback platforms will allow consideration of public opinion and timely policy adjustments.

Conclusion

The proposed strategic recommendations are based on analysis of evolutionary pathways in China's fertility policy development and aim to create a comprehensive family support system with children. Implementation of these recommendations requires coordinated efforts of various government agencies, substantial financial investments, and changes in public attitudes.

The key principle of the proposed approach is the transition from control to support, from fragmented measures to an integrated system, from administration to creating favorable conditions for families. This approach corresponds to contemporary challenges and serves the interests of sustainable demographic development in China.

Successful demographic policy implementation is possible only when it is coordinated with other areas of socio-economic policy, including employment policy, housing policy, education and healthcare policy. Only a comprehensive approach that considers the diversity of factors influencing citizens' reproductive behavior can ensure achievement of sustainable demographic development goals in the long term.

References

1. Zhang Y., Bagirova A. (2025). Analysis of China's fertility policy based on the LDA-Word2Vec model. *Chinese Public Administration Review*, 2(16), 119–133.
2. Bögl S. [et al.]. (2024). National Bureau of Economic Research. The Economics of Infertility: Evidence from Reproductive Medicine.
3. Ariff S. [et al.]. (2024). Effect of Maternal and Newborn Care Service Package on Perinatal and Newborn Mortality: A Cluster Randomized Clinical Trial. *JAMA Network Open*, 2(7), e2356609–e2356609.
4. Gilmore B., McAuliffe E. (2013). Effectiveness of community health workers delivering preventive interventions for maternal and child health in low- and middle-income countries: a systematic review. *BMC Public Health*, 1(13), 847.
5. Hart R.K., Galloway T.A. (2023). Universal Transfers, Tax Breaks and Fertility: Evidence from a Regional Reform in Norway. *Population Research and Policy Review*, 3(42), 49.
6. Del Rey E., Kyriacou A., Silva J.I. (2021). Maternity leave and female labor force participation: evidence from 159 countries. *Journal of Population Economics*, 3(34), 803–824.
7. Rauscher E., Burns A. (2023). State approaches to simplify Medicaid eligibility and implications for inequality of infant health. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 4(9), 32–60.
8. Lei Y. [et al.]. (2025). The Impact of Social, Cultural, and Identity-Related Factors on Delayed Childbearing: A Multi-Center Study. *Risk Management and Healthcare Policy*, 1959–1968.

Information about the author

Yifan Zhang – graduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: chzhan.ifan@urfu.ru)

¹ Pacific Department, Asian Development Bank (ADB) Asian Development Bank. Weaving Social Safety Nets.

**ЭКСПЕРТНАЯ СЕССИЯ КОНЦЕПЦИЯ НООНОМИКИ КАК ОСНОВА
РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ, ПРОЕКТОВ,
ПЛАТФОРМ**

ПУТЬ К НОВОМУ ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ С УЧЕТОМ ТЕОРИИ НООНОМИКИ

Аннотация. *В современном индустриальном обществе происходят значительные изменения, которые определяют его характерные черты. Ключевую роль начинает играть государство, активно участвуя в управлении экономикой и обществом. Это проявляется в стремлении к глобальному планированию, когда решения принимаются с учетом мировых тенденций и потребностей.*

Ключевые слова: *российская экономика, теория ноономики, социально-экономические отношения, новое индустриальное общество второго поколения (ННО.2).*

Американский ученый XX века Джон Кеннет Гэлбрейт в своей научной работе «Новое индустриальное общество» выдвинул концепцию «индустриального общества» и «техноструктуры», а также описал основные тенденции развития экономики [1]. Его идею продолжает ученый С.Д. Бодрунов, который в своих трудах разработал концепцию «Нового индустриального общества второго поколения» (ННО.2). Речь идет о новом этапе развития общества, где главным двигателем экономики становятся не заводы и сырье, а знания. Это новая система отношений, основанная на производстве, где ценность создается благодаря интеллектуальному капиталу, а не традиционным материальным ресурсам [2]. Идея ноономики – логическое продолжение теории ННО.2, при этом переход от экономики к ноономике предполагает изменение всей совокупности общественных отношений.

В 2025 году можно наблюдать, как ноономика уверенно занимает свое место в качестве ведущей теории экономического развития. Эта концепция, основанная на глубоком понимании роли знания и интеллектуальных ресурсов, становится не просто академическим направлением, но и практическим руководством для построения устойчивого и прогрессивного общества.

В этом году также произошло знаковое событие для всех, кто интересуется будущим экономики и человечества: вышел в свет фундаментальный труд – курс лекций «Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек (общая теория ноономики). Эта работа представляет собой комплексное исследование, раскрывающее ключевые аспекты ноономики и ее потенциал для решения глобальных вызовов [3]. Она не только описывает текущее состояние дел, но и предлагает видение будущего, где интеллектуальный капитал и человеческий потенциал становятся главными драйверами развития. Издание курса лекций является важным шагом в популяризации и углублении понимания ноономики. Оно открывает двери для новых дискуссий, исследований и практических решений, направленных на формирование более справедливого, устойчивого и процветающего мира, основанного на силе человеческого разума и коллективного знания.

Ноономика как теория подчеркивает, что в XXI веке именно способность к созданию, распространению и применению знаний определяет конкурентоспособность и благосостояние наций. Это экономика, где инвестиции в образование, науку, инновации и развитие человеческого потенциала приносят наибольшую отдачу.

Другой термин, связанный с индустриализацией – «Новая индустриальная страна», или NIC (New Industrial Country). Это понятие, которое было создано экономистами и политологами для описания стран, экономическое развитие которых находится между классификациями «Первого мира» и развивающимися государствами, отнесенных к NIC. Они характеризуются быстрым экономическим ростом (обусловленным экспортом) и миграцией работников из сельской местности в урбанизированные регионы.

В настоящее время к странам с развитой экономикой относятся несколько стран: Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Малайзия, Мексика, Филиппины, Южная Африка, Таиланд и Турция. Большинство экономистов и политологов считают, что это государства с развитой экономикой. Однако есть и другие страны, которые вызывают споры. В их число входят Аргентина, Россия, Чили, Шри-Ланка и Египет.

Библиографический список

1. Гелбрейт Дж. (1969). Новое индустриальное общество. Москва: Прогресс. 480 с.
2. Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Москва: Культурная революция. 349 с.
3. Бодрунов С.Д., Булавка-Бузгалина Л.А., Колганов А.И., Яковлева Н.Г., Барашкова О.В. [и др.]. (2025). Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек (общая теория ноономики): курс лекций. Москва: КРАСАНД. 224 с.

Информация об авторе

Людмила Валерьевна Аврамчук – ассистент кафедры управления качеством экспертизы товаров и услуг, заведующий лабораторией, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: usue@usue.ru)

Avramchuk L.V.

THE PATH TO A NEW INDUSTRIAL SOCIETY BASED ON THE THEORY OF NOONOMICS

Abstract. *Significant changes are taking place in modern industrial society, which determine its characteristic features. The state begins to play a key role, actively participating in the management of the economy and society. This is reflected in the desire for global planning, when decisions are made taking into account global trends and needs.*

Keywords: *russian economy, theory of nononomics, socio-economic relations, new industrial society of the second generation (NIO.2).*

Information about the Author

Lyudmila V. Avramchuk – Research Assistant of department of Quality Management of Examination of Goods and Services, Head of the Laboratory Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, Yekaterinburg, 620142, Russian Federation; e-mail: usue@usue.ru)

References

1. Galbraith J. (1969). New industrial society. Moscow: Progress.
2. Bodrunov S.D. (2016). The future. New industrial society: reboot. Moscow: Cultural Revolution.
3. Bodrunov S.D., Bulavka-Buzgalina L.A., Kolganov A.I., Yakovleva N.G., Barashkova O.V. [et al.]. (2025). Global transformation: technology, economics, man (general theory of economics): A course of lectures. Moscow: KRASAND.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ СТРАТЕГИИ АГЕНТА В СФЕРЕ ЗОЖ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НООНОМИКИ

Аннотация. На основе совокупности ряда экономических и философских теорий в исследовании охарактеризована идея концептуальной модели государственных программ здравоохранения для построения личностной стратегии агента в сфере здорового образа жизни в контексте трансформации современной экономики к ноономике.

Ключевые слова: государственная программа, здравоохранение, личностная стратегия, агент-ориентированный подход, здоровый образ жизни, ноономика.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках Государственного задания на научно-исследовательскую работу «Разработка методологии оценки экономической эффективности реализации государственных программ и мероприятий в области здравоохранения» ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России.

Методологической основой исследования являются междисциплинарный, макроисторический и личностный подходы, которые реализованы в концептуальном стержне исследования на основе взаимосвязи теорий: стратегии и методология стратегирования академика-иностранного члена РАН В.Л. Квинта; ноономики члена-корреспондента РАН С.Д. Бодрюнова; технологических укладов развития академика РАН С.Ю. Глазьева; агент-ориентированного подхода академика РАН В.Л. Макарова и члена-корреспондента РАН А.Р. Бахтизина и других экономико-философских учений.

Одна из ключевых национальных целей развития России на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, определенная Указом Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи¹. Она отражает личностно-ориентированный подход к развитию общества и экономики, когда в центре находится человек, его благополучие и повышение уровня его жизни [1]. Тогда речь идет уже не о трудовых ресурсах и человеческом капитале как «пережитках» ресурсно-ориентированного подхода к «роли личности в экономике» [2], а о человеческом потенциале [3] и стратегических талантах для ее развития [4].

В этом контексте становится важным вопрос о личностной стратегии человека-агента, трансформируемой общественно-экономическими аспектами [5, 6]. Именно не о «личной» стратегии как частной осознанной системе управления жизнью, энергией и собственными ресурсами, а как о «личностной» (относящееся к личности), направленной на развитие личности агента общества и экономики в течение всей его жизни как носителя внутреннего, субъектного глубинного мира, который определяет курс его жизненного пути, мотивы, стремления и волю, личностную устойчивость и идентичность [7].

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации № 309 от 7 мая 2024 года.

Личностная стратегия развития невозможна без гармонии внешнего облика индивидуальности и его внутреннего мира. Поэтому целостность стратегирования личности как агента общества и экономики может быть обеспечена только при здоровом образе жизни (ЗОЖ) – концепции, которая включает в себя ряд привычек и практик, направленных на поддержание и улучшение физического, психического и социального благополучия человека [8]. ЗОЖ создает для человека социокультурную среду, в условиях которой возникают предпосылки для высокой творческой самоотдачи, работоспособности, трудовой и общественной активности, психологического комфорта. В такой среде наиболее полно раскрывается психофизиологический потенциал личности, актуализируется процесс ее самосовершенствования [9].

В связи с этим появление одной из 17 важнейших целей устойчивого развития для преобразования мира в рамках «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» в глобальном масштабе Организации объединенных наций (ООН) как обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех людей в любом возрасте объяснимо².

Если говорить о фундаментальных основах и роли государства в реализации здоровьесбережения, то в современной России, с ее разнообразием проблем, существуют широкие возможности для реализации целевого программирования, когда важную роль в решении играет программно-целевой метод (подход). Под ним понимаются «теоретические и научно-методические основы разработки и реализации целевых программ... научно-методические основы управления решением сложных проблем с использованием для этого целевых программ...» [10, 11]. Целевые программы позволяют принимать неординарные решения, концентрировать и консолидировать финансовые и иные средства, особенно в чрезвычайных ситуациях и периодах. К настоящему времени в нашей стране и за рубежом накоплен значительный опыт разработок целевых программ. Государственные проекты здравоохранения применяются в разных странах и регионах в качестве интенсивного средства политики в этой сфере. При этом программа выступает не просто как группа взаимосвязанных проектов и различных мероприятий, объединенных общей целью и условиями их выполнения, управление которыми координируется для достижения преимуществ и степени управляемости, недоступных при управлении ими по отдельности, но и при выполнении отдельного проекта в составе программы может не наблюдаться ощутимый результат по сравнению с синергетическим эффектом при осуществлении всей программы, когда обеспечивается максимальная эффективность от нее³.

Государственная программа РФ является документом стратегического планирования, содержащим «комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов госполитики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей госполитики в сфере социально-экономического развития и обеспечения нацбезопасности РФ»⁴. Реализация государственных программ здравоохранения для построения личностной стратегии агента в сфере ЗОЖ очень важна, поскольку дает базу для построения будущего человека, улучшая его качество жизни.

Концептуальная модель места государственных программ здравоохранения для построения личностной стратегии агента в сфере здорового образа жизни в контексте формирования ноономики как экономики будущего может быть представлена следующим образом (*рис. 1*).

² Устойчивое развитие // Организация Объединенных Наций. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 20.09.2024).

³ ГОСТ Р 56714.1-2015: Мультипроектный менеджмент. Управление проектом, портфелем проектов, программой.

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон № 172-ФЗ от 28 июня 2014 года.

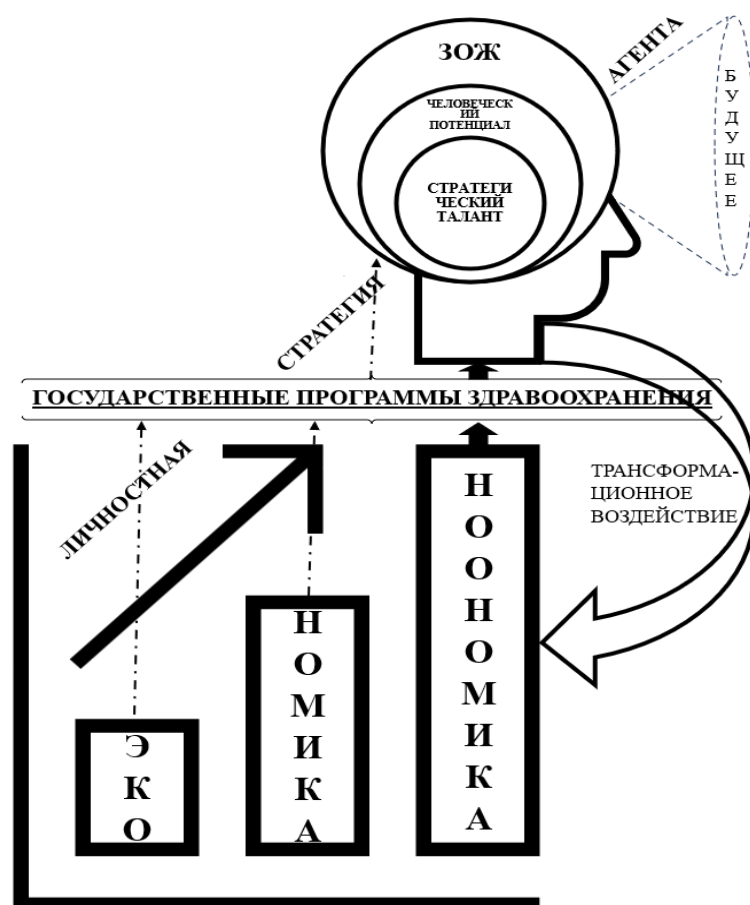

Рис. 1. Концептуальная модель государственных программ здравоохранения для построения личной стратегии агента в сфере ЗОЖ в ноономике

Источник: составлено автором.

В контексте формирования ноономики как экономики будущего, «самовписывание» личности в ее структуру происходит исходя из знаниеемкости производства и потребления, поэтому личностная стратегия агента может быть построена на его человеческом потенциале – совокупности знаний, навыков и способностей, которые используются не столько в производственных процессах для получения экономической выгоды, сколько для саморазвития и развития окружающей действительности под знаниеемкие потребности; и стратегическом таланте как форме выражения человеческого потенциала. В связи с этим главные профессионалы наступающего нового индустриального производства – инженер, ученый и педагог, а также «рабочий, имеющий специальное образование и высокую профессиональную квалификацию, которую он регулярно повышает» на основе «процесса образования через всю жизнь» [12] понимают роль в их саморазвитии и самостратегировании не только концепции ЗОЖ, но и здравоохранения в целом. Новая индустрия обуславливает необходимость формирования нового облика государственного регулирования, поэтому роль программ здравоохранения для построения личностной стратегии агента в сфере здорового образа жизни в контексте формирования ноономики становится еще более значительной.

Библиографический список

1. Лебедева О.В., Лютц В.В. (2017). Личностно-ориентированный подход: сущность, принципы, функции. Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей. Киров: Вятский государственный университет. С. 3690–3694.
2. Кречко С.А. (2025). Ресурсно-ориентированный подход как драйвер инноваций: стратегическая оценка и развитие потенциала организации // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. Т. 15. № 2. С. 50–58.

3. Клинт В.Л. (2020). Стратегирование человеческого потенциала Кузбасса. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 453 с.
4. Леухова М.Г., Стародубцева А.К., Алабина Т.А. (2024). Подготовка и развитие стратегических талантов в Кузбассе // Стратегирование: теория и практика. Т. 4. № 2. С. 176–192.
5. Makarov V. L., Bakhtizin A.R. (2021). Agent-based modeling for a complex world. Moscow: Scientific publications department. GAUGN.
6. Будович Ю.И., Лебедев К.Н. (2019). Основы теории агентов. Краснодар: НИИ экономики ЮФО. 134 с.
7. Березина Т. Н. (2020). Личностные стратегии жизненного пути и их связь с биологическим возрастом // Психология и Психотехника. № 4. С. 1–13.
8. Федоров В.В. (2019). К вопросу о взаимодействии категорий «здоровье», «здоровый образ жизни», «культура здорового образа жизни» // Современный ученый. № 3. С. 174–180.
9. Мухаметшина Р.Т., Хамитова Г.М. (2017). Здоровый образ жизни как одно из условий формирования гармоничной личности // Система ценностей современного общества: сборник материалов конференции. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества. С. 129–135.
10. Григорьева В.З. (2021). Программно-целевые и проектные методы в государственном управлении. Благовещенск: Изд-во АмГУ. 111 с.
11. Лексин В.Н., Швецов А.Н. (2001). Муниципальная Россия: Социально-экономическая ситуация, право, статистика. Москва: Эдиториал УРСС. 4500 с.
12. Бодрунов С.Д. (2015). Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты // Экономическое возрождение России. № 4 (46). С. 9–23.

Информация об авторе

Татьяна Александровна Алабина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры стратегии регионального и отраслевого развития, Кемеровский государственный университет (Российская Федерация, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6); ведущий научный сотрудник отдела научных основ экономики здравоохранения, Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения Минздрава России (Российская Федерация, 127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 11; e-mail: madam-alabina@yandex.ru)

Alabina T.A.

IMPLEMENTATION OF GOVERNMENT HEALTHCARE PROGRAMS FOR THE PURPOSE OF CREATING AN AGENT'S PERSONAL STRATEGY IN THE HEALTHY LIFESTYLE HEMISPHERE IN A CONTEXT OF NOONOMY DEVELOPMENT

Abstract. *This paper characterizes the idea of a conceptual model of government healthcare programs for the purpose of creating an agent's personal strategy in the healthy lifestyle hemisphere in a context of modern economy transforming into a noonomy. The research is based on a number of economic and philosophical theories.*

Keywords: *government program, healthcare, personal strategy, agent-oriented approach, healthy lifestyle, noonomy.*

Information about the Author

Tatiana A. Alabina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department of Regional and Industrial Development Strategy, Kemerovo State University (6, Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation); Leading Researcher at the Department of Scientific Foundations of Healthcare Economics, Russian Research Institute of Health (11, Dobrolyubova Street, Moscow, 127254, Russian Federation; e-mail: madam-alabina@yandex.ru)

References

1. Lebedeva O.V., Lyutic V.V. (2017). Individual-oriented approach: essentials, principles, functions. Society. Science. Innovations (SPC-2017): symposium. Kirov: Vyatka State University.
2. Krechko S.A. (2025). Resource-oriented approach as a driver of innovation: strategic assessment and development of the organization's potential. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology*, 15, 2, 50–58.
3. Kvint V.L. (2020). Strategizing of Kuzbass human capacity. Kemerovo: Kemerovo State University.
4. Leukhova M.G., Starodubtseva A.K., Alabina T.A. (2024). Training and Development of Strategic Talents in Kuzbass. *Strategizing: Theory and Practice*, 4, 2, 176–192.
5. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. (2021). Agent-based modeling for a complex world Moscow: Scientific publications department, GAUGN.
6. Budovich Yu.I., Lebedev K.N. (2019). The basics of agent's theory. Krasnodar: Economics Research Institute of the Southern Federal District.
7. Berezina T.N. (2020). Personal life strategies and their correlation with biological age. *Psychology and psychotechnics*, 4, 1–13.
8. Fedorov V.V. (2019). On the issue of the interaction of the categories «Health», «Healthy lifestyle», «Culture of a healthy lifestyle». *Modern scientist*, 3, 174–180.
9. Muhametshina R.T., Khamitova G.M. (2017). Healthy lifestyle as one of the conditions for the creation of a moral human being. System of values of a modern society: conference source book. Novosibirsk: Scientific Cooperation Development Center.
10. Grigorieva V.Z. (2021). Target-oriented, software-based and project methods in public management. Blagoveshchensk: publisher AmSU.
11. Leksin V.N., Shvetsov A.N. (2001). Municipal Russia: socio-economic situation, law, statistics. Moscow: Editorial URSS.
12. Bodrunov S.D. (2015). New industrial society: structure and content of public production, economic contacts, institutions. *Economic Revival of Russia*, 4(46), 9–23.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РФ В АСПЕКТАХ НООНОМИКИ

Аннотация. Статья раскрывает взаимосвязь ключевых аспектов концепции ноономики с процессами инвестиционного развития на региональном уровне. При этом делается акцент на значимости формирующихся элементов ноономики в общеэкономическом переходе на новый технологический уровень, обеспечивая максимальный прогресс.

Ключевые слова: концепция ноономики, инвестиционный проект, региональное развитие, экономический прогресс.

Ноономика как методологическая конструкция предоставляет широкие возможности для развития научной мысли, включая диагностику тенденций, прогнозирование трендов в краткосрочной и долгосрочной перспективе и пр. В этом смысле более разработанными представляются общемировые и общегосударственные явления, в то время как региональный срез остается почти не раскрытым в силу разнообразия регионов и локальных особенностей. В рамках данной работы авторы пытаются раскрыть, каким образом элементы концепции ноономики и их развитие происходит на региональном уровне, детализируя эти процессы в ключевые внедрения методологического и теоретического инструментария как основы для разработки инвестиционных региональных проектов [1]. В этом смысле ноономику можно представить в виде пространственно-объемной системы (рис. 1) [2].

Так, С.Д. Бодрунов утверждает, что объединение научных, технологических достижений с общественными силами трансформируется в уникальный ресурс – знания, лежащие в основе нового подхода к экономической динамике.

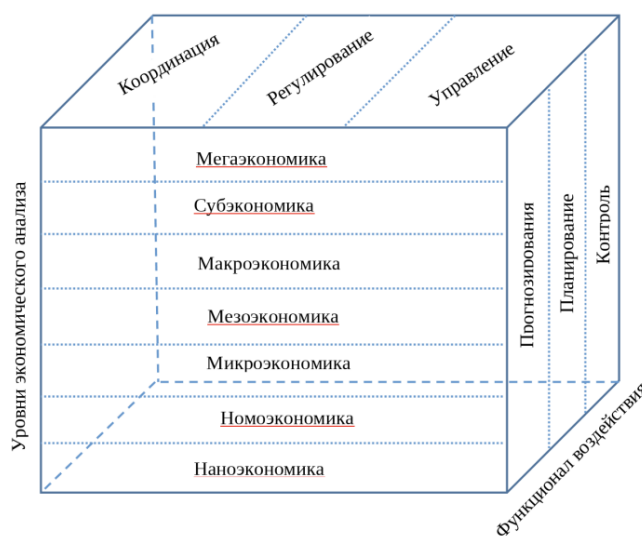

Рис. 1. Ноономика как пространственно-объемную систему

Источник: составлено автором по [3].

Материальное производство меняет свою традиционную сущность, становясь частью сложной системы, в которой ключевая роль отводится интеллектуальному капиталу, инновациям и человеческому потенциалу. Такой подход переосмысливает общепринятые экономические теории, дополняя их принципами технологического прогресса, социальными и экологическими доминантами. Это значит, что новые модели, помимо экономической выгоды, включают принципы социальной справедливости, устойчивого развития и пр. Таким образом, трансформация традиционной экономической модели в «ноономику», ориентирует на превалирование роли государства в управлении, а также внедрение системы централизованного планирования [5].

В таком ключе, региональные инвестиционные проекты, в рамках сложившихся кластеров и коопераций, также выступают эффективными инструментами, формирующими ноономику. То есть наличие крупных инвестиционных проектов, ориентированных на образование и профессиональную подготовку – базовое условие для поступательного развития инновационных кластеров и формирования элементов ноономики в регионе. Такого рода переход, имея характер всестороннего, подразумевает длительный процесс развития, максимально эффективно адаптирующийся к сложным изменяющимся условиям [6]. Это весьма ярко иллюстрирует динамика объема инвестиций в последние годы (рис. 2).

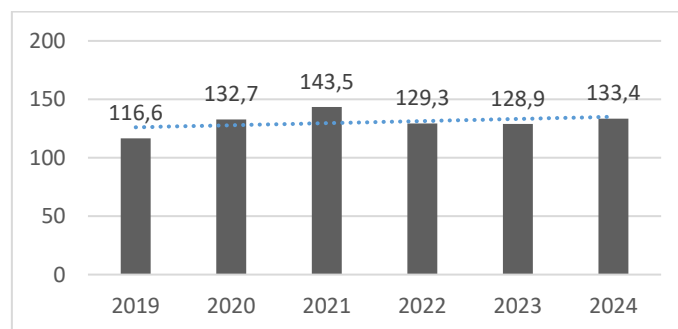

Рис. 2. Объем инвестиций в образование 2019–2024 гг., млрд руб.

Источник: составлено автором по данным Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about/>

Высокий уровень инвестирования отражает яркие общеэкономические тенденции и факторы, действующие в регионе, раскрывая локальные особенности, отраслевую структуру и другие важные детали, формирующие элементы ноономики в регионе. Внедрение подобного комплексного подхода к экономическому развитию в регионе формирует ноономическое мышление на региональном уровне.

Можно констатировать, что концепция ноономики заставляет кардинально переосмысливать традиционные экономические инструменты и механизмы, исключая из рассмотрения сложившиеся границы шаблонов и добавляя приемы когнитивных наук. Традиционная модель производства: распределения–обмена–потребления товаров и услуг, расширяется до ноономических границ вокруг многоуровневой и организованной системы, в которой множество переменных, увязываясь и взаимодействуя, приводят к значительным изменениям.

Таким образом, ноономика – комплексная система, основанная на взаимодействии между наукой, бизнесом и государством. В таком контексте можно отметить региональные кластеры (например, в сфере ИТ, биотехнологии, экологически чистой энергетики) как точки притяжения инвестиций и центры создания высокооплачиваемых рабочих мест. Именно поэтому в регионе особенно значимо разрабатывать адресные программы поддержки региональных секторов и предприятий, в том числе гранты, межбюджетные трансферты, программы профессиональной подготовки специалистов и пр., а инвестиции в эти сферы имеют долгосрочный характер, обеспечивая поступательный рост в регионе.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д., Золотарев А.А. (2024). Переход к ноономике, проблемы технологического суверенитета и региональное развитие // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1 (76). С. 75–79. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-75-79
2. Бодрунов С.Д. (2021). А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия. Санкт-Петербург: ИНИР. 338 с.
3. Булавко О.А., Чекмарев В.В., Туктарова Л.Р. (2021). Особенности формирования ноономики в экономическом пространстве // Креативная экономика. Т. 15. № 4. С. 1051–1064. DOI: 10.18334/ce.15.4.111943

4. Бодрунов С.Д. (2018). Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // *Экономическое возрождение России*. № 3 (57). С. 5–12.
5. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. (1992). Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. Москва: Наука. 207 с.
6. Глазьев С.Ю. (2012). Современная теория длинных волн в развитии экономики // *Экономическая наука современной России*. № 2 (57). С. 8–27.

Информация об авторе

Лилия Абдул-Насыровна Байжанова – и.о. заведующая кафедры бухгалтерского учета и управления, Костанайский региональный университет имени Ахмета Байтурсынулы (Республика Казахстан, 110000, г. Костанай, ул. Байтурсынова, д. 47; e-mail: L.bayzhanova@bk.ru)

Baizhanova L.A.-N.

CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR REALIZING THE INVESTMENT POTENTIAL OF RUSSIAN FEDERATION'S REGIONS IN THE TERMS OF NOONOMICS

Abstract. *The article explores the relationship between key aspects of the noonomics concept and investment development processes at the regional level. Emphasis is placed on the importance of emerging noonomics elements in the overall economic transition to a new technological level, ensuring maximum progress.*

Keywords: *noonomics concept, investment project, regional development, economic progress.*

Information about the Author

Lilia A-N. Baizhanova – Acting Head of the Accounting and Management Department, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University (47, Baitursynov Street, Kostanay, 110000, Republic of Kazakhstan; e-mail: L.bayzhanova@bk.ru)

References

1. Bodrunov S.D., Zolotarev A.A. (2024). Transition to Noonomics, Problems of Technological Sovereignty, and Regional Development. *Economy of the Northwest: Problems and Prospects of Development*, 1(76), 75–79. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-75-79
2. Bodrunov S.D. (2021). A(O)ntology of Noonomics: The Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social, and Humanitarian Consequences. St. Petersburg: INIR.
3. Bulavko O.A., Chekmarev V.V., Tuktarova L.R. (2021). Features of the Formation of Noonomics in the Economic Space. *Creative Economy*, 15, 4, 1051–1064. DOI: 10.18334/ce.15.4.111943
4. Bodrunov S.D. (2018). Transition to a Promising Technological Order: Analysis from the Standpoint of the Concepts of NIO.2 and Noonomics. *Economic Revival of Russia*, 3(57). 5–12.
5. Glazyev S.Yu., Lvov D.S., Ferisov G.G. (1992). Evolution of technical and economic systems: possibilities and limits of centralized regulation. Moscow: Nauka.
6. Glazyev S.Yu. (2012). Modern theory of long waves in economic development. *Economic science of modern Russia*, 2(57), 8–27.

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НООНОМИКИ

Аннотация. *Переход к нооэкономике ориентирует общество на использование знаний как ключевого фактора производства и управления. Технологии информационного моделирования играют важную роль, поскольку позволяют преобразовывать информацию в цифровые модели, наполняющие процессы новым содержанием.*

Ключевые слова: *технологии информационного моделирования, ноономика, цифровизация, цифровые модели, управление.*

Технологии информационного моделирования (ТИМ) [1] встраиваются в логику нооэкономики через создание цифровых пространств, где объединяются ресурсы и участники на всех стадиях жизненного цикла объектов. Информационные модели становятся не просто техническими описаниями зданий, а едиными комплексными системами, которые могут адаптироваться под различные сценарии эксплуатации, управления, расчет стоимости и продолжительности работ [2]. Такая интеграция формирует условия для перехода от традиционного проектирования к интеллектуальному моделированию среды, основанному на аналитике и автоматизации [3]. Наукоемкие цифровые модели зданий и сооружений, а также комплексное представление городской среды, кварталов и даже городов отражают главную суть ноономики – превращение знания в движущую силу общества [4].

Одним из ключевых эффектов применения ТИМ в нооэкономике становится возможность согласования интересов государства, бизнеса и общества через цифровую координацию действий, прозрачность процессов. Цифровая модель выступает посредником между проектировщиками, производителями, эксплуатационными структурами (управляющими компаниями) с клиентами, государством, устраняя коммуникационные барьеры. Также сокращаются временные потери для поиска нужной документации, поскольку вся информация хранится в единой среде.

Дополнительным преимуществом внедрения ТИМ в рамках нооэкономики является создание условий для перехода от материалоемких и затратных процессов к интеллектуальному строительству, где стоимость определяется более точным моделированием на основе технологий больших данных. Управление объектами осуществляется на основе предиктивных сценариев, которые отражены в цифровой среде. За счет этого минимизируются неопределенности, утраты информации, дублирование функций, риски.

Цифровое моделирование также формирует базис для связки с другими системами нооэкономики, такими как цифровые двойники, «умные» города, автоматизированная логистика. Информационные модели могут выступать точкой входа для интеграции с IoT-устройствами, энергетическими сетями, инфраструктурой города. В результате создаются не просто объекты строительства, а цифровые двойники, включенные в единое информационное пространство, которое формирует цифровой город, множество которых объединяются в единую сеть, обозначая пути комплексного развития территорий. На *рис. 1* приведена схема этапов, на которые повлияет внедрение ТИМ.

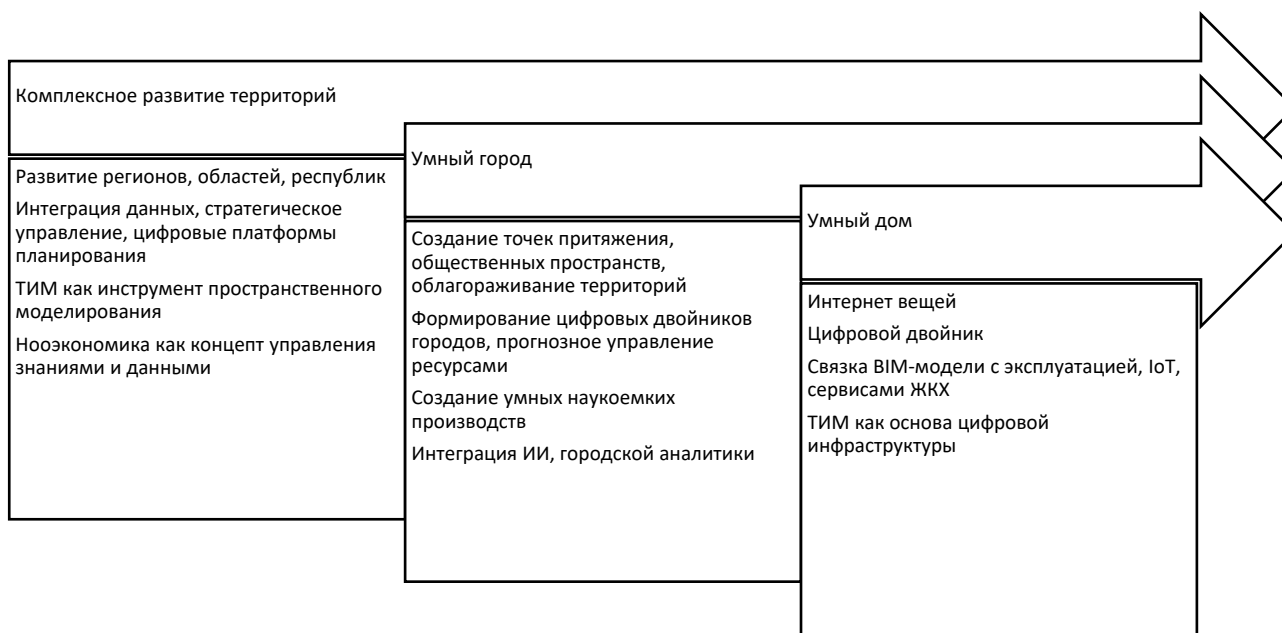

Рис. 1. Схема поэтапного внедрения ТИМ на разных уровнях

Источник: составлено авторами.

Нооэкономика рассматривается сегодня не как абстрактная теория будущего, а практический механизм реализации государственных приоритетов, нацеленных на преобразование ключевых отраслей [5]. Именно информационные технологии становятся инструментом синхронизации управленческих решений и ресурсного планирования. Подход ноономики предполагает переход от фрагментарной цифровизации к единому интеллектуальному пространству, где информация функционирует как ресурс развития. ТИМ являются прикладным решением в этой системе. Постановления Правительства РФ № 331 и № 614, изменение ГОСТов (например, 21.101) открывают новый этап, где ТИМ являются обязательными.

Таким образом, нооэкономика выступает не только как идеологическая теоретическая концепция, но и как мотиватор внедрения ТИМ. Формируется принципиально новый тип взаимодействия, где экономические, технические, социальные процессы объединяются в общую интеллектуальную среду.

Библиографический список

1. Пупенцова С.В., Алексеева Н.С. (2019). Информационные технологии и ресурсы как инструмент увеличения капитализации бизнеса // *Инновации*. № 9 (251). С. 115–120. DOI: 10.26310/2071-3010.2019.251.9.018
2. Пупенцова С.В., Колотов В.И. (2020). Экономическая безопасность и защита информации в эпоху цифровизации // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. № 6 (156). С. 172–177. DOI: 10.34773/EU.2020.6.37
3. Пупенцова С.В., Милич В. (2025). Цифровая трансформация в строительстве: влияние информационных технологий на стратегическое управление в организациях // *Beneficium*. № 2 (55). С. 104–110. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2025.2(55).104-110
4. Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т., Белова М.В. (2024). Нейросети как качественный сдвиг в развитии технологий в трендах теории ноономики // *Уфимский гуманитарный научный форум*. № 2 (18). С. 126–143. DOI: 10.47309/2713-2358-2024-2-126-143.
5. Киселева Е.Г., Ергунова О.Т., Сомов А.Г. (2025). Цифровые платформы в социальной сфере: инновационные подходы к управлению и взаимодействию с гражданами. Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы VII Международной научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный университет. С. 436–439.

Информация об авторах

Мария Валерьевна Белова – магистрант, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; e-mail: office@spbstu.ru)

Ольга Титовна Ергунова – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; e-mail: office@spbstu.ru)

Belova M.V., Ergunova O.T.

INFORMATION MODELING TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF NOOECONOMY

Abstract. *The transition to the noo-economy focuses society on the use of knowledge as a key factor in production and management. Information modeling technologies play an important role, as they allow for the transformation of information into digital models that enrich processes with new content.*

Keywords: *information modeling technologies, noo-economy, digitalization, digital models, and management.*

Information about the Author

Maria V. Belova – Master Degree student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politechnicheskaya Street, St. Peterburg, 195251, Russian Federation; e-mail: office@spbstu.ru)

Olga T. Ergunova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politechnicheskaya Street, St. Peterburg, 195251, Russian Federation; e-mail: office@spbstu.ru)

References

1. Pupentsova S.V., Alekseeva N.S. (2019). Information Technologies and Resources as a Tool for Increasing Business Capitalization. *Innovations*, 9(251), 115–120. DOI: 10.26310/2071-3010.2019.251.9.018
2. Pupentsova S.V., Kolotov V.I. (2020). Economic Security and Information Protection in the Era of Digitalization. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, 6(156), 172–177. DOI: 10.34773/EU.2020.6.37
3. Pupentsova S.V., Milich V. (2025). Digital Transformation in Construction: The Impact of Information Technologies on Strategic Management in Organizations. *Beneficium*, 2(55), 104–110. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2025.2(55).104-110
4. Pyankova S.G., Ergunova O.T., Belova M.V. (2024). Neural networks as a qualitative shift in the development of technologies in the trends of the theory of noonomics. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*, 2(18), 126–143. DOI: 10.47309/2713-2358-2024-2-126-143
5. Kiseleva E.G., Ergunova O.T., Somov A.G. (2025). Digital Platforms in the Social Sphere: Innovative Approaches to Management and Interaction with Citizens. Trends in Economic Development in the 21st Century: proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference. Minsk: Belarusian State University. 436–439.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ДОСТИЖЕНИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. *Технологическое развитие является неотъемлемой частью современных экономических процессов. Лидеры технологического развития формируют новые условия функционирования экономической системы. Поддержание и развитие технологического уровня позволяет государству лучше подстраиваться под международную политическую и экономическую конъюнктуру.*

Ключевые слова: *технологическое развитие, технологический суверенитет, экономическое развитие, технологическая конкуренция, технологическая отрасль, политические реформы.*

В современной экономике технологическое развитие стало ключевым фактором конкурентоспособности и суверенитета. Лидерство в технологиях позволяет государствам формировать глобальную экономическую повестку и адаптироваться к изменениям. Обеспечение технологического суверенитета требует целенаправленной политики, что наглядно демонстрирует опыт ведущих стран, таких как США и Китай. Их стратегии, несмотря на различия в подходах, направлены на достижение схожих целей: укрепление национального технологического потенциала и лидерство на мировых рынках.

Государственное стратегическое планирование как основа технологического развития. Достижение технологического суверенитета невозможно без долгосрочного планирования, выходящего за горизонты 15–20 лет. Оно формирует «образ будущего» и мобилизует ресурсы для его достижения. В России сделаны шаги в этом направлении: актуализированы «Стратегия научно-технологического развития»¹ и «Стратегия пространственного развития»². Эти документы должны стать основой для формирования конкретных отраслевых программ, фокусирующихся на развитии критических технологий (искусственный интеллект, квантовые вычисления и др.) и создании спроса на их результаты внутри страны.

Опыт США: адаптивная модель решоринга и поддержка инноваций. В ответ на усиление глобальной конкуренции, особенно со стороны Китая, США с 2010-х гг. проводят политику «решоринга» – возвращения производственных цепочек. Эта стратегия сочетается с агрессивной внешнеэкономической политикой по защите высокотехнологичных рынков. Внутри страны модель основана на гибком симбиозе государства и частного сектора:

- роль государства: финансирование фундаментальных исследований через агентства (DARPA, NSF), защита интеллектуальной собственности, создание регуляторных стимулов для ключевых отраслей;

- роль рынка: частный венчурный капитал, предпринимательская инициатива и конкуренция обеспечивают быстрое внедрение инноваций и эффективное распределение ресурсов.

Несмотря на усилия, полный перелом тенденции офшоринга не достигнут: сохраняется высокий объем зарубежных активов американских ТНК и дефицит торгового баланса по продукции обрабатывающей промышленности [1]. Однако США удастся удерживать лидерство в инновационном потенциале.

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 05.07.2025).

² О Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 05.07.2025).

Опыт Китая: системный государственный рывок от имитации к лидерству. Китай прошел три этапа технологической трансформации:

- 1980–1990-е гг.: использование политики офшоринга Запада, превращение в «фабрику мира» за счет зарубежных технологий;

- 2000-е – начало 2010-х гг.: активная государственная поддержка отечественных компаний, масштабные инвестиции в НИОКР, создание технопарков и программ № 863, 973, защита внутреннего рынка;

- середина 2010-х гг. по настоящее время: курс на технологическое лидерство через масштабные национальные инициативы («Сделано в Китае 2025», Национальная стратегия инновационного развития)³. Цель – снижение зависимости от иностранных технологий (например, в микроэлектронике) и создание глобально конкурентоспособных национальных чемпионов.

Результатом стал стремительный рост экспорта высокотехнологичной продукции, что сделало Китай ключевым игроком на мировом рынке и центром собственных производственных цепочек [2].

Выводы и рекомендации для Российской Федерации

Опыт США и Китая, несмотря на все различия, демонстрирует общие необходимые элементы для достижения технологического суверенитета. Для России, обладающей отдельными передовыми технологиями, но сталкивающейся с вызовами внешней конъюнктуры, актуальны следующие меры:

- Реализация долгосрочного стратегического планирования. Принятые стратегические документы должны быть подкреплены конкретными детализированными программами с четкими KPI и ресурсным обеспечением на горизонте 15–20 лет.

- Усиление роли государства как инвестора и заказчика в критических отраслях. Необходимо концентрировать ресурсы на прорывных направлениях по образцу китайской модели, сочетая это с развитием инфраструктуры (технопарки, современные университетские кампусы). Примером служит интеграция платформы университетского технологического предпринимательства в федеральный проект «Технологии»⁴.

- Создание защищенной и стимулирующей среды для инноваций. Требуется сочетать поддержку частной инициативы (например, через закон о «праве на риск» для венчурных инвесторов⁵) с разумной защитой внутреннего рынка для выращивания национальных технологических компаний.

- Курс на «новую индустриализацию» и развитие полных производственных цепочек. Ключевая задача – преодоление зависимости от импорта технологий и компонентов через развитие собственной обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных секторов.

- Развитие международной кооперации в новых условиях. В условиях санкционного давления необходимо активнее формировать технологические и торговые альянсы с дружественными странами, что обеспечит доступ к альтернативным рынкам сбыта и источникам технологий.

Таким образом, достижение технологического суверенитета Россией требует комбинирования сильной направляющей роли государства (по китайскому образцу в стратегических отраслях) с созданием условий для частной инициативы и инноваций (по американскому опыту). Это возможно только при последовательной и комплексной реализации долгосрочной государственной политики, основанной на экономике предложения, и ориентированной на экспорт высокотехнологичных товаров и собственных технологий [3].

³ Outline of the National Innovation-Driven Development Strateg 中共中央国务院印发《国家创新驱动发展战略纲要》// Center for Security and Emerging Technology. 2019. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/outlineof-the-national-innovation-driven-developmentstrategy> (дата обращения: 16.08.2025).

⁴ Минэкономразвития завершило интеграцию мероприятий федпроекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» в федпроект «Технологии» // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2025).

⁵ Правительство России одобрило разработанный Минэкономразвития проект закона о праве на риск при «венчурном инвестировании» // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2025).

Библиографический список

1. Минат В.Н. (2022). Оффшоринг и рещоринг высокотехнологичной промышленности США в 1951–2020 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (464). С. 179–190.
2. Абросимова О.М., Морева Е.Л. (2024). Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая // Вестник экономики, права и социологии. № 3. С. 8–12.
3. Булат В.П. (2024). Экономическое соперничество США и Китая как фактор обострения кризиса экономической глобализации и технологического разъединения мира // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). Т. 10. № 2 (26). С. 22–31.

Информация об авторах

Людмила Владимировна Дорофеева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (Российская Федерация, 190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: dorofeevalucy@gmail.com)

Олег Сергеевич Ковальчук – аспирант, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (Российская Федерация, 190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: okovalchuk72@mail.ru)

Dorofeeva L.V., Kovalchuk O.S.

TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT: EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Abstract. *Technological development is part of modern economic processes. Technological leaders create new conditions for the preservation of the economic system. Maintaining and developing technological advances allows the state to better adapt to the international political and economic environment.*

Keywords: *technological development, technological sovereignty, economic development, technological competition, technological industry, political reforms.*

Information about the Authors

Lyudmila V. Dorofeeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, St. Petersburg, 190013; e-mail: dorofeevalucy@gmail.com)

Oleg S. Kovalchuk – graduate student, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, St. Petersburg, 190013; e-mail: okovalchuk72@mail.ru)

References

1. Minat V.N. (2022). Offshoring and reshoring of the high-tech industry of the USA in 1951–2020. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 6(464), 179–190.
2. Abrosimova O.M., Moreva E.L. (2024). Development of the state approach to ensuring technological sovereignty in China's industry. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 3, 8–12.
3. Bulat V.P. (2024). Economic rivalry between the United States and China as a factor in exacerbating the crisis of economic globalization and technological separation of the world. *Novelty, Experiment. Traditions (N.Ex.T.)*, 10, 2(26), 22–31.

СОЗДАНИЕ СЕТИ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ КАМПУСОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ К НООНОМИКЕ

Аннотация. Современное развитие усиливает роль знания и науки, что требует нового подхода к пониманию общественного устройства согласно теории ноономики. Процессы ноономики оказывают влияние на требования к современным университетским кампусам и актуализируют роль университетов как драйверов инноваций.

Ключевые слова: ноономика, стратегическая предпосылка, университетский кампус, трансформация, Россия.

Современное общественное развитие находится на пороге глубинных трансформаций, обусловленных усилением роли знания, интеллекта и науки в производственных процессах. В этом контексте теория ноономики, разработанная д. э. н., профессором С.Д. Бодроновым, предлагает принципиально новый подход к осознанию общественного устройства, основанному на изучении именно тех процессов и тенденций, которые закономерно выводят нас на новую ступень устройства общества [1, с. 8].

Актуальным трендом является НБИКС- (нано-, био-, инфо-, когно- и социо-) конвергенция, которая открывает принципиально новые возможности для технологического развития. Ключевой характеристикой современного технологического уклада становится глубокая междисциплинарная интеграция технологий различной природы [2, с. 56]. НБИКС отражает не только текущий тренд, но и стратегический вектор развития для образования и науки, где технологические инновации неразрывно связаны в единую научно-технологическую область знания [3, с. 17].

Переход к шестому технологическому укладу как комплексу НБИКС технологий и становление НИО.2 [4] актуализирует роль университетов как драйверов инноваций, когда они расширяют исследования по внедрению гибридных технологий, включая искусственный интеллект и цифровые инструменты, создают кафедры и институты НБИКС технологий, передовые инженерные школы, студенческие конструкторские бюро и многие другие. Именно университеты находятся в эпицентре резкого повышения спроса к необходимости сочетания в одном месте образования, науки и инноваций. При этом эффективная реализация данного потенциала в значительной степени зависит от состояния университетского имущественного комплекса и подходов к управлению им.

Поскольку основой экономики XXI века должен стать единый комплекс, объединяющий на микро- и макроуровнях высокотехнологичное материальное производство, создающее знаниеинтенсивный продукт; науку, создающую ноу-хау; образование и культуру, формирующие человека, обладающего знаниями и способного их применить в производстве [5], то главными профессионалами здесь должны стать инженеры, ученые и педагоги в противовес менеджерам, маркетологам и финансистам. Облик индустриального рабочего трансформируется от малообразованного и малоквалифицированного человека к рабочему, имеющему специальное образование и высокую профессиональную квалификацию, которую он регулярно повышает. В результате ученый, инженер и рабочий становятся участниками процесса образования через всю жизнь, а в содержании и структуре общественного производства основным производственным звеном новой индустриальной экономики XXI века становится комплекс, интегрирующий производство, науку и образование в едином воспроизводственном процессе на микроуровне [5].

Соответственно, учреждения высшего образования, играющие ключевую роль в подготовке специалистов различного профиля, в условиях ноономики должны трансформироваться в образовательные кластеры, становясь практической формой и центральным элементом реализации ноономики. На базе такого кластера создается интегрированная среда, объединяющая образование, науку и производство. Ключевыми функциями образовательного кластера являются генерация новых знаний, трансфер технологий, экспорт образовательных услуг и развитие международного сотрудничества. Важнейшим условием для выполнения этих задач становится формирование современной высокотехнологичной инфраструктуры и целостной инновационной экосистемы.

Так, обозначается проблема на пути трансформации российской высшей школы к ноономике – состояние инфраструктуры многих вузов. В сегодняшних реалиях распространенной проблемой российских вузов является значительно устаревший имущественный комплекс: учебные и лабораторные корпуса, объекты социальной инфраструктуры, построенные в середине XX века, которые находятся в состоянии высокого процента износа, а в ряде случаев капитальные ремонты не проводились на протяжении десятилетий. Данное обстоятельство создает препятствие для исследований на высоком мировом уровне и возможностей разработки и внедрения передовых технологий. Современные образовательные кластеры должны создавать условия для привлечения и удержания талантов, что особенно актуально для регионов России. Осознание данной проблемы на государственном уровне нашло свое отражение – разработаны стратегические документы¹ и реализуются конкретные масштабные федеральные проекты.

По поручению Президента В.В. Путина в России с 2021 года реализуется Федеральный проект «Создание сети современных кампусов» и в общей сложности до 2030 года должны построить не менее 40 студенческих городков с выделением финансирования на эти цели около 400 млрд руб. из федерального бюджета². До 2030 года должны пройти капитальные ремонты порядка 800 общежитий вузов и университетов с финансированием в 124 млрд рублей³. Согласно докладу об итогах деятельности Минобрнауки России за 2024 год, на 2025 год в различной стадии реализации находятся 25 современных кампусов, общей площадью более 3 млрд м², на количество мест 75,8 тыс. чел. и общей стоимостью 739,66 млрд рублей⁴. Эти инициативы есть прямой ответ на актуальные вызовы времени. В перспективе развитие сети современных кампусов станет ключевым элементом перехода России к ноономике, обеспечивая формирование среды, где интеллектуальная деятельность является основным источником экономического роста и социального развития.

Однако создание отдельных новых объектов не полностью покрывает масштаб накопленного инфраструктурного дефицита. Остро стоит задача в определении конкретных путей к формированию целостной университетской инфраструктурной экосистемы, которая будет являться не только пространством с красивым ремонтом, но и соответствовать запросам ноономики. Поэтому анализ эффективности существующих программ и поиск эффективных подходов к управлению учебным заведением и развитию его имущественного комплекса, позволяющего преодолеть инерционность системы, становятся центральными исследовательскими задачами, что напрямую соотносится с правилом стратегического развития, сформулированным академиком В.Л. Квинтом: «Инерционное мышление – главный враг стратегического мышления. Когда у организации нет стратегии, ее неизбежно покоряет инерция как основное препятствие для инновационных стратегических идей» [6, с. 44]. Преодоление инерции есть необходимое условие успешной трансформации университетской инфраструктуры в условиях перехода России к ноономике.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019; О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ № 145 от 28.02.2024; О стратегических целях и задачах развития Российского научного фонда на период до 2030 года (вместе со «Стратегией развития Российского научного фонда на период до 2030 года»): указ Президента РФ № 146 от 28.02.2024.

² Перечень поручений по итогам встречи с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества: утверждено Президентом РФ 17.03.2021 № Пр-419.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024.

⁴ Итоги деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за 2024 год // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/07/Итоги%20деятельности.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

Библиографический список

1. Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. (2024). Трансформация общества: стратегия и ноономика. Москва: Центркаталог. 240 с.
2. Бодрунов С.Д., Гэлбрейт Дж.К. (2018). Концепция нового индустриального общества: история и развитие. Екатеринбург: УрГЭУ. 129 с.
3. Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. (2021). Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. Санкт-Петербург: ИНИР им. С.Ю. Витте. 351 с.
4. Бодрунов С.Д. (2017). К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности // Экономическое возрождение России. № 4 (54). С. 5–10.
5. Бодрунов С.Д. (2015). Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты // Экономическое возрождение России. № 4 (46). С. 9–23.
6. Квинт В.Л. (2022). Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 170 с.

Информация об авторе

Маргарита Игоревна Отдельнова – магистрант, начальник Правового управления, Кемеровский государственный университет (Российская Федерация, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6; e-mail: otdelnovami@mail.ru)

Otdelnova M.I.

CREATION OF A NETWORK OF MODERN UNIVERSITY CAMPUSES AS A STRATEGIC PRECONDITION FOR TRANSFORMING RUSSIA TO NOONOMY

Abstract. *Modern developments strengthen the role of knowledge and science, demanding a new approach to understanding social structure in accordance with noonomy. Noonomy processes influence requirements for modern university campuses and actualize the role of universities as driving forces behind innovations.*

Keywords: *noonomy, strategic precondition, university campus, transformation, Russia.*

Information about the Author

Margarita I. Otdelnova – Master Degree student, head of Legal Department, Kemerovo State University (6, Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: otdelnovami@mail.ru)

References

1. Kvint V.L., Bodrunov S.D. (2024). Transformation of society: strategy and noonomy. Moscow: Centrkatolog.
2. Bodrunov S.D., Galbraith J.K. (2018). Concept of a new industrial society: history and development. Yekaterinburg: USUE.
3. Kvint V.L., Bodrunov S.D. (2021). Strategizing societal transformation. Knowledge, Technologies, and Noonomy. St. Petersburg: S.Y. Witte INID.
4. Bodrunov S.D. (2017). Towards a new industrial society of the second generation: education and personal development. *Economic Revival of Russia*, 4(54), 5–10.
5. Bodrunov S.D. (2015). New Industrial Society: Structure and Content of Public Production, Economic Contacts, Institutions. *Economic Revival of Russia*, 4(46), 9–23.
6. Kvint V.L. (2022). The Concept of Strategizing. Kemerovo: Kemerovo State University.

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ НООНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОПК)

Аннотация. В статье раскрывается процесс отраслевого развития в контексте формирования концепции ноономики, которая дает возможность переосмыслить фундаментальные закономерности в общественном развитии, выявить новые точки роста для региона, которые обеспечивают идентификацию элементов ноономики в развитии высокотехнологичных секторов экономики, таких как медицинская промышленность.

Ключевые слова: концепция ноономики, медицинская промышленность, оборонно-промышленный комплекс, регион, высокотехнологичность.

Ноосферная концепция мира, а также концепция ноономики как подходы, ориентированные на объяснение глобальных мировых, детально раскрывают ключевые закономерности развития экономической теории, которые обосновывают и объясняют территориальные преобразования. Опора на положения ноосферной мегаконцепции, концепции ноономики в этом смысле предлагает методологию для интеграции в экономическую науку широкого круга направлений общественной жизни, включая трансформационные и цифровые изменения в экономической действительности, отрасли народного хозяйства.

Причина выбора именно концепции ноономики кроется в необходимости измерения сложных пространственно-территориальной взаимозависимостей, закладывая своеобразную основу для формирования многоуровневой структуры метаэкономики, которая включает этапы развития отраслей от микроуровня до мегапространств [1]. Согласно позиции автора теории ноономики С.Д. Бодрунова, экономический рост можно применять синонимично термину «темпы развития» за вычетом социальных аспектов [2].

Современные условия, которым присуща смена индустриального устройства новым постиндустриальным типом, включающим всю совокупность трансформаций и преобразований в отраслях, апологеты ноономики называют ноономическими. Явление «Индустрия 4.0» выступает трансформационным этапом к переходу к интеллектуальным системам, внедряемым в отраслях промышленности [3].

Как определенный этап ноономика делает попытку сформировать новые материальные ценности, а также фокусируется на интеллектуальном капитале, эвристике и человеческом капитале. Технологический прогресс при этом задает вектор для развития новых инструментов и способов производства, создавая каналы для информационного и управленческого взаимодействия. Однако ноономика дает возможность включить в рассмотрение и социально-экономических аспектов, включая институциональные перемены, ресурсные потенциалы и ценностные ориентиры [4].

Реализация подобной ноономической модели на региональном уровне приводит к формированию нового комплексного подхода, который на макроуровне приводит к созданию благоприятной среды для развития отрасли, в которой снижены административные процедуры в предпринимательской среде, сформирована транспарентная налоговая политика, действуют точки притяжения иностранного капитала. При этом особым образом происходит развитие отрасли медицинской промышленности, среди ноономических элементов которых можно назвать научные парки, бизнес-инкубаторы, центры передачи технологий, исследовательские институты, кластерные структуры. В этом смысле, показательны объемы производства медицинского оборудования, которые в последние годы значительно выросли (рис. 1).

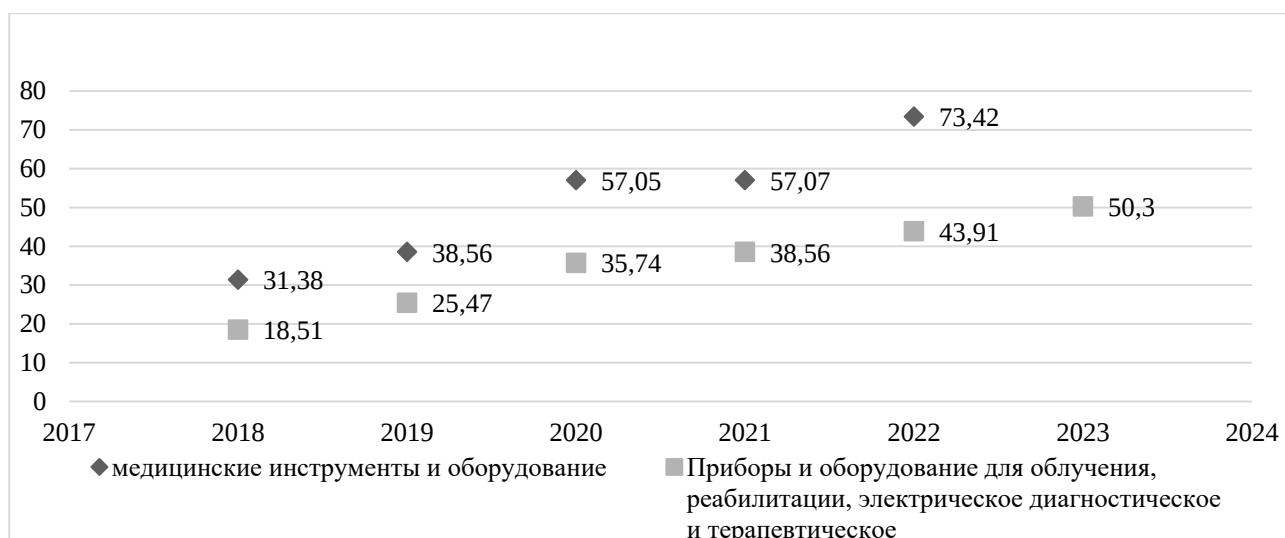

Рис. 1. Объем производства медицинской промышленности в РФ, млрд руб.

Источник: составлено авторами по данным Консалтинговой группы «Деловой профиль».
 URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-meditsinskogo-oborudovaniya-i-izdeliy-2023/> (дата обращения: 02.10.2025).

Такая тенденция отражается и на росте доли отечественной медицинской техники в последние годы (рис. 2).

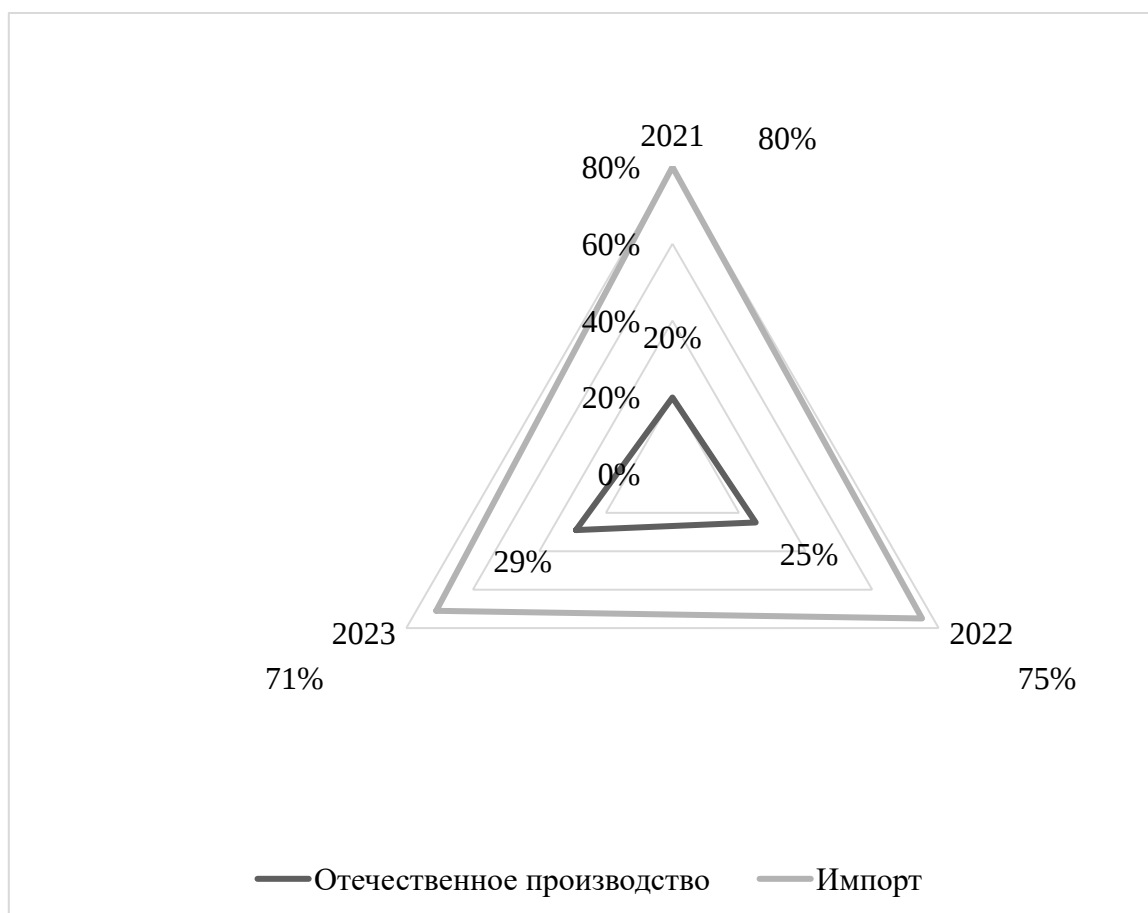

Рис. 2. Производство медицинской техники в общем объеме производства 2021–2023 гг., %

Источник: составлено авторами по данным Консалтинговой группы «Деловой профиль».
 URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-meditsinskogo-oborudovaniya-i-izdeliy-2023/> (дата обращения: 04.10.2025).

Таким образом, происходит расширение внутреннего рынка, насыщенного новыми производителями, усилением конкуренции.

В качестве целевого ориентира ноономика видит создание постиндустриального общества знаний, в котором материальное производство утрачивает приоритетную значимость, формируя более широкую систему, базирующуюся на интеллектуальных ресурсах и инновационных решениях.

Появление подобных признаков ноособщества свидетельствует о переходе к очередному технологическому укладу, аккумулирующему в качестве ядра автоматизацию и технологии искусственного интеллекта, больших данных и прочих прорывных технологий. Соответственно автоматизация текущих задач приводит к высвобождению человеческих ресурсов, которые призваны решать высокоинтеллектуальные задачи. Роль человека трансформируется от реализации производственных операций к управленческим, проектировочным, инновационным, анализу больших данных. В этом смысле знания превращаются из ресурса в базовую основу экономической реальности [3].

Необходимо констатировать, что подобная система требует тщательного подтверждения результатами анализа, выявлением отличительных особенностей ноономики, ее ключевых принципов и детализации границ между ноономикой и традиционной экономикой.

Библиографический список

1. Урасова А.А. (2023). Ноономика как научная теория: ключевые тезисы и смыслы // *Journal of New Economy*. Т. 24. № 3. С. 6–21. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-3-1
2. Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. (2023). Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. Москва: Центркаталог. 340 с.
3. Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика как новая парадигма сбалансированного эколого-экономико-социотехнологического развития // *Энергия: экономика, техника, экология*. № 9. С. 32–36. DOI: 10.31857/S023336190001709-5
4. Бодрунов С.Д. (2018). Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // *Экономическое возрождение России*. № 3 (57). С. 5–12.

Информация об авторах

Светлана Григорьевна Пьянкова – профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: silen_06@list.ru)

Дарья Александровна Травникова – главный специалист Министерства здравоохранения Свердловской области (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Вайнера, д. 346; e-mail: d.travnikova@egov66.ru)

Pyankova S.G., Travnikova D.A.

HIGH-TECH MEDICAL INDUSTRY IN THE CONTEXT OF NOONOMICS (USING THE EXAMPLE OF DIVERSIFICATION OF DEFENSE-INDUSTRIAL ENTERPRISES)

Abstract. *This article explores the process of industry development in the context of the development of the noonomics concept, which provides an opportunity to rethink fundamental patterns of social development and identify new growth areas for the region. This allows for the identification of noonomics elements in the development of high-tech economic sectors, such as the medical industry.*

Keywords: *noonomics concept, medical industry, defense-industrial complex, region, high technology.*

Information about the Authors

Svetlana G. Pyankova – professor of department of Regional and Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, 620142, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: silen_06@list.ru)

Daria A. Travnikova – Chief Specialist, Ministry of Health of the Sverdlovsk Region (34b, Vainera Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: d.travnikova@egov66.ru)

References

1. Urasova A.A. (2023). Noonomics as a Scientific Theory: Key Theses and Meanings. *Journal of New Economy*, 24, 3, 6–21. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-3-1
2. Bodrunov S.D., Glazyev S.Yu. (2023). Patterns of Formation of the Foundations of Noonomics as a Future Social Order: Know and Act. Moscow: Centercatalog.
3. Bodrunov S.D. (2018). Noonomics as a New Paradigm of Balanced Ecological-Economic-Sociotechnological Development. *Energy: Economics, Technology, Ecology*, 9, 32–36. DOI: 10.31857/S023336190001709-5
4. Bodrunov S.D. (2018). Transition to a Promising Technological Order: Analysis from the Standpoint of the Concepts of NIO.2 and Noonomics. *Economic Revival of Russia*, 3(57), 5–12.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НА ПРИНЦИПАХ НООНОМИКИ: ПЕРЕХОД К УСТОЙЧИВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Аннотация. В статье анализируются проблемы перехода к устойчивому экономическому росту в условиях турбулентности и влияния неэкономических факторов. Обосновывается, что цифровая трансформация хозяйственной системы России должна опираться на принципы ноономики – разумного управления, солидаризма и человекоцентричности для достижения государственных приоритетов.

Ключевые слова: хозяйственная система, устойчивый экономический рост, цифровая трансформация, ноономика, государственные приоритеты.

Необходимость перехода к устойчивому экономическому росту стоит сегодня перед хозяйственными системами как развитых, так и развивающихся стран. В целом мировая хозяйственная система функционирует в условиях некоторой турбулентности, неопределенности и противоречивости, а также характеризуется разнонаправленностью социально-экономического развития национальных систем хозяйствования. Это выражается в неоднозначной динамике мировой экономики, в частности явно выраженной в последнее время тенденцией на некоторое снижение экономической активности до 2,9% роста ВВП¹.

На 2025 год, по разным оценкам МВФ, Всемирного банка и ОЭСР, ожидаемое значение роста мирового ВВП варьируется от 2,3 до 3,2%. В целом, до 2027 года по прогнозам не ожидается какой-то глубокой рецессии, однако большая вероятность замедления экономического роста мировой экономики в среднем на уровне 2,5%.

Вместе с тем ученые и эксперты отмечают нарастающее влияние на развитие национальных экономик и мировую экономику в целом неэкономических факторов. Так, в «Программе ОЭСР по преобразованию политики в области науки, технологий и инноваций», опубликованной в апреле 2024 года², отмечено, что для хозяйственных систем присущи кризисы неэкономической природы, которые по своему характеру экзогенны и влияют на все сферы жизнедеятельности общества. Стоит отметить, что пандемия COVID-19 не только нанесла ущерб здоровью населения, но и подорвала общественные устои, финансовую стабильность и работу целых отраслей экономики. Усилившийся на этом фоне геополитический кризис привел к сбоям в глобальных цепочках поставок, переориентации торговых потоков и фрагментации мировой экономики. Все это выразилось в протекционистской политике стран, нацеленности их на определенную автономию функционирования и снижение экономической взаимозависимости друг от друга, а также в целом разделение мировой системы хозяйствования на мега-блоки.

Исходя из всего вышесказанного, сложно не согласиться с оценкой С.Д. Бодрунова относительно современной действительности: «В воздухе витает предчувствие глубоких перемен. Человечество сталкивается с угрозами, исходящими и от неконтролируемого развития техносферы, и от деградации природной среды, и от посягательств на природу самого человека, и от неравномерности развития стран и народов, и от вызванных всем этим общественных конфликтов... Мы, наконец, подошли к пределу эффективности существующей модели развития» [1, с. 13, 56].

Вместе с тем проблемы ограниченности ресурсов и возможностей перехода к расширенному общественному воспроизводству государствами, в некоторой степени преодолеваются на сегодняшний момент посредством цифровой трансформации хозяйственных систем. Однако внедрение цифровых технологий практически во все сферы жизни общества вызывает не только новые перспективы, возможности, но и новые риски.

¹ Мировой рост ВВП за год // Trading economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/world/full-year-gdp-growth> (дата обращения: 15.11.2025).

² Программа ОЭСР по преобразованию политики в области науки, технологий и инноваций // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-agenda-for-transformative-science-technology-and-innovation-policies_ba2aaf7b-en.html

Следует отметить, что еще футурологи Элвин и Хейди Тоффлер в известном труде «Революционное богатство» [2] отмечали, что, как показывает мировая история, социальным институтам свойственно отставать от развития технологий. В связи с этим дальнейшее развитие научно-технического прогресса на определенном этапе невозможно без модернизации социальных институтов. Мы сейчас видим повсеместное внедрение искусственного интеллекта, что, с одной стороны, ускоряет производственные и научные процессы, а с другой – вызывает риски примитивизации процессов обучения и выполнения трудовых функций. Человек должен остаться творцом, созидателем идей, а современные технологии – быть всего лишь инструментом. К сожалению, на сегодняшний момент социальные институты соответствуют уровню развития технологий XX века, но никак не XXI века. Соответственно, они не могут обеспечить расширенное воспроизводство человеческого капитала, способного генерировать новые идеи и смыслы.

Вместе с тем в научных кругах активно ведутся дискуссии относительно возможности перехода к устойчивому экономическому росту хозяйственных систем, как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу. Некоторые ученые достаточно пессимистично настроены и рассматривают бурное развитие национальных хозяйственных систем во второй половине XX века как одномоментный технологический сдвиг, который может и не повториться. Следует заметить, что история развития человечества не единожды преодолевала самые, казалось бы, реалистичные пессимистические прогнозы. Не вызывает сомнений, что во многом достаточно устойчивое возрастание темпов экономического роста во второй половине XX века в развитых странах было связано с развитием хозяйственных систем смешанного типа в условиях бурного развития технологий и существенных социальных преобразований. В связи с этим возникает вопрос: почему именно на протяжении XX века капиталистические системы хозяйствования западных развитых стран активно проводили социальные преобразования, не имеющие практически аналогов по своему масштабу? На наш взгляд движущей силой таких социальных преобразований в капиталистических развитых странах стала социалистическая революция в России и образование СССР. Именно масштабные общественные преобразования и экономические реформы позволили за короткий срок СССР стать одной из самых промышленно развитых стран мира.

В настоящее время Россия, развиваясь под давлением беспрецедентно значительных по количеству и масштабам санкций и условиях мобилизации части ресурсов для обеспечения своей обороноспособности и ведения СВО на Украине, стремится своевременно отвечать на все вызовы в современных реалиях, руководствуясь следующими приоритетами в своей политике: поддержка семьи и демографии; технологический суверенитет; здоровье и активное долголетие; инфраструктура и транспорт; экология и устойчивое развитие; внешнеэкономическая деятельность. С 1 января 2025 года было запущено 19 национальных проектов, во многом ставших продолжением ранее действующих программ. Несмотря на их масштабность и значимость, для нашей страны сегодня необходимы существенные общественные преобразования, а также управление обществом и экономикой на новых принципах. Все вышеуказанные тенденции в развитии национальных хозяйственных систем и мировой экономики в целом показывают, что концепция ноономики отвечает на современные вызовы и может стать концептуальной основой для социально-экономических преобразований хозяйственной системы России. Она предполагает формирование новой системы общественных отношений, где разум, знание и человек находятся в центре, а технологический прогресс служит не обогащению немногих, а развитию и благу всех. Ее фундамент составляет переход от стихийного рыночного регулирования к сознательному, научно-обоснованному управлению (разумному хозяйствованию). Такие принципы ноономики, как разумного управления, опережающего развития знаний, солидаризма, человекоцентричности, новой индустриализации, гармонии с природой, вполне могут уже сегодня стать руководящими началами современной государственной политики, на основе которой следует проводить все технологические и социально-экономические трансформации хозяйственной системы страны.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что достаточно обоснованно и прозорливо относительно проблем современного развития замечает В.Д. Мамонтов: «Вопрос о главной движущей силе социально-экономических преобразований является центральным для всего процесса модернизации системы хозяйствования. И, как следствие, на первое место здесь выходит не экономический фактор, а вопрос побуждения к реформам, видоизменения модели» [3, с. 284]. Как показывает мировая практика, инициатором модернизации в такой огромной стране, как Россия, практически всегда выступало государство, посредством мобилизации всех имеющихся ресурсов, которые всегда были сопряжены с общественными издержками. При этом, как мы видим, государственные власти развитых и развивающихся стран пока довольно слабо реагируют на призывы известных ученых и международных организаций к существенным социальным преобразованиям и не демонстрируют готовности модернизировать хозяйственные системы. В этой связи вопрос «платы» общества за такие промедления остается открытым.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. Монография. Москва. 432 с.
2. Тоффлер Э., Тоффлер Х. (2008). Революционное богатство. Москва. 569 с.
3. Мамонтов, В.Д. (2015). Социальное развитие общества и экономический рост: политэкономический аспект. Развитие политико-экономической мысли: коллективная монография. Тамбов. С. 276–286.

Информация об авторе

Елена Владимировна Харитоновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (Российская Федерация, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33; e-mail: lena538639@yandex.ru)

Kharitonova E.V.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC SYSTEM ON THE PRINCIPLES OF NOONOMY: TRANSITION TO SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH AND IMPLEMENTATION OF STATE PRIORITIES

Abstract. *The article analyzes the problems of transitioning to sustainable economic growth in the context of turbulence and the influence of non-economic factors. It is argued that the digital transformation of Russia's economic system should be based on the principles of noonomics – intelligent governance, solidarism, and a human-centric approach – to achieve national priorities.*

Keywords: *economic system, sustainable economic growth, digital transformation, noonomics, national priorities.*

Information about the Author

Elena V. Kharitonova – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department of Economics and Management, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (33, Internatsionalnaya Street, Tambov, 392036, Russian Federation; e-mail: lena538639@yandex.ru)

References

1. Bodrunov S.D. (2018). Noonomy. Monograph. Moscow.
2. Toffler A., Toffler H. (2008). Revolutionary Wealth Moscow.
3. Mamontov V.D. (2015). Social Development of Society and Economic Growth: A Political Economy Aspect. Development of Political-Economic Thought: A Collective Monograph. Tambov, 276–286.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ДВИЖЕНИИ К НООНОМИКЕ

Аннотация. *В данном исследовании анализируется трансформация управления человеческими ресурсами в условиях ноономики. Выявлен парадигмальный разрыв между традиционными моделями управления и требованиями экономики знаний. Предложена новая модель принципов и конструкторов управления человеческими ресурсами на основе интеллектуального суверенитета и сетевой организации.*

Ключевые слова: *ноономика, управление человеческими ресурсами, экономика знаний, интеллектуальный суверенитет, инновационная среда, трансформация управления человеческими ресурсами.*

Актуальность исследования обусловлена переходом к экономике знаний (ноономике), где человеческий капитал становится основным производительным активом. Это вызывает кризис традиционных моделей управления человеческими ресурсами (УЧР), ориентированных на контроль и стандартизацию. Проблема исследования заключается в несоответствии этих систем требованиям ноономики, где создание стоимости требует креативности, самоорганизации и постоянной генерации знаний.

Цель исследования: формулировка контуров новой управленческой парадигмы, адекватной вызовам ноономики. Для достижения данной цели необходимо раскрыть сущность понятия «ноономика» как новой экономической формации, выделить и охарактеризовать ключевые модели УЧР, провести их сравнительный анализ и сформулировать принципы и возможные контуры системы УЧР для ноономики.

Сущность ноономики как новой экономической формации заключается в переходе от экономики материального производства и услуг к экономике, где основным производительным ресурсом и источником стоимости выступают знания, интеллектуальные модели и креативные идеи. В этой парадигме ключевым продуктом становятся нематериальные блага – инновационные решения, алгоритмы и уникальные концепции, а труд трансформируется из исполнительской деятельности в творческий процесс генерации нового знания. Это влечет за собой смену экономической организации в сторону сетевых структур и экосистем, где гибкие сообщества создают ценность через интеллектуальную кооперацию, что принципиально отличает ноономику от предшествующих экономических укладов [1].

Переход от теоретического осмысления ноономики к практическим управленческим моделям позволяет выделить три ключевые парадигмы в эволюции управления человеческими ресурсами. Индустриальная модель УЧР, сложившаяся в условиях массового промышленного производства, представляет собой систему управления персоналом, ориентированную на стандартизацию, контроль и максимальную эффективность исполнительских функций в рамках жесткой иерархической структуры. С переходом к сервисной экономике формируется постиндустриальная (проектно-ориентированная) модель УЧР, где персонал признается ключевым капиталом организации, а управление направлено на развитие компетенций и мотивацию сотрудников для достижения стратегических целей в условиях динамичной организационной структуры [2]. В контексте становления экономики знаний зарождается прото-ноономическая модель УЧР – парадигма управления, рассматривающая человеческий интеллект как основной производительный актив и ставящая во главу угла создание среды, способствующей генерации нового знания, креативности и самоорганизации в сетевых экосистемах [3]. Для более точного понимания сущности каждой модели был проведен их сравнительный анализ по ключевым параметрам, результаты которого представлены в *табл. 1*.

Таблица 1. Сравнительный анализ ключевых моделей УЧР

Критерий сравнения	Индустриальная модель УЧР	Постиндустриальная модель УЧР (проектно-ориентированная)	Прото-ноономическая модель УЧР
Цель	Максимизация операционной эффективности и исполнительской дисциплины.	Оптимизация использования человеческих ресурсов для достижения стратегических целей компании.	Создание организационной среды, максимально благоприятной для генерации нового знания, инноваций и креативности.
Роль сотрудника	«Винтик» в производственном механизме, заменяемый исполнитель.	Носитель ключевых компетенций и профессиональных знаний, «ресурс» для развития бизнеса.	Партнер, «творец» и инвестор собственного интеллектуального капитала.
Основные функции	Учет рабочего времени, нормирование труда, дисциплинарный контроль, расчет заработной платы.	Стратегический подбор персонала, управление компетенциями, обучение и развитие, оценка по КРІ (ключевым показателям эффективности), управление талантами.	Архитектура рабочей среды, курирование талантов, фасилитация коммуникаций, управление знаниями, развитие внутренних и внешних экосистем.
Мотивация	Преимущественно материальная, основанная на сдельной оплате или фиксированном окладе за исполнение четко очерченных обязанностей.	Смешанная система, включающая не только денежное вознаграждение и карьерный рост, но и социальный пакет, корпоративную культуру.	Преимущественно нематериальная – самореализация, профессиональная автономия, участие в значимых проектах, признание в профессиональном сообществе, свобода в выборе задач и инструментов работы.
Источник: составлено автором по [1].			

Анализ выявляет последовательную эволюцию парадигмы управления – от административного контроля к формированию инновационной экосистемы. На этом пути произошли системные трансформации: целеполагание сместилось от операционной эффективности к созданию среды генерации знаний; роль сотрудника – от исполнителя к равноправному творцу и инвестору интеллектуального капитала; функции УЧР – от нормирования к архитектуре рабочей среды; мотивация – от материального стимулирования к доминированию нематериальных факторов самореализации. Ключевой парадигмальный разрыв наблюдается между постиндустриальной и прото-ноономической моделями, где осуществляется переход от управления человеческими ресурсами как объектом воздействия к созданию условий для реализации человеческого потенциала как субъекта деятельности, что подтверждает необходимость принципиально новых подходов к УЧР в условиях становления ноономики.

Установленный эволюционный разрыв между традиционными моделями УЧР и требованиями экономики знаний обуславливает необходимость формулирования новых принципов и контуров системы управления, адекватных вызовам ноономики. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Принципы и контуры для систем УЧР в ноономике

Принцип	Контур
1. Принцип интеллектуального суверенитета – признание права сотрудника на владение своими интеллектуальными продуктами и создание прозрачных механизмов распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности.	Создание платформ коллективного интеллекта – цифровых сред для совместного решения сложных задач и генерации инноваций.
2. Принцип сетевой полицентричности – переход от иерархических структур к гибким сетевым моделям, где управление осуществляется через центры компетенций и проектные хабы.	Внедрение системы персональных образовательных траекторий с индивидуальными наставниками-кураторами.
3. Принцип перманентной актуализации знаний – создание непрерывной системы микрообучения и кросс-функционального обмена компетенциями в режиме реального времени.	Разработка метрик интеллектуальной производительности – показателей, оценивающих вклад в создание нового знания.
4. Принцип ценностного рекрутинга – поиск и привлечение носителей не только профессиональных компетенций, но и ценностных установок, соответствующих культуре сотворчества	Формирование механизмов ротации между академической средой и бизнес-практикой для постоянного обновления знаний
Источник: составлено автором.	

Предложенные принципы и контуры формируют целостную систему управления, адекватную вызовам ноономики. Ее ключевая особенность – переход от нормативного контроля к созданию этической среды, где инструменты управления (платформы коллективного интеллекта, персональные образовательные траектории, новые метрики) направлены на обеспечение интеллектуального суверенитета и сетевой кооперации. Эта система принципиально меняет роль УЧР – от административной функции к архитектуре условий для интеллектуальной самореализации.

Проведенное исследование демонстрирует необходимость парадигмального сдвига в управлении человеческими ресурсами в контексте ноономики. Выявленный эволюционный разрыв между традиционными моделями УЧР и требованиями экономики знаний преодолевается через формирование новой системы, основанной на принципах интеллектуального суверенитета, сетевой организации и непрерывной актуализации знаний. Перспектива дальнейших исследований заключается в разработке конкретных механизмов реализации предложенной модели.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. (2019). Общая теория ноономики: учебник. Москва: Культурная революция. 504 с.
2. Смолькин В.П., Удалов О.Ф., Фадеева И.П. (2024). Теоретическая модель управления человеческим потенциалом организации // Естественно-гуманитарные исследования. № 5 (55). С. 615–618.
3. Салин Д.С., Виттенбек Н.В. (2024). Экосистема управления человеческими ресурсами в контексте цифровизации бизнеса // Управленческие науки. Т. 14. № 4. С. 77–90.

Информация об авторе

Диана Дмитриевна Якименко – магистрант, Национальный исследовательский университет ИТМО (Российская Федерация, 197101, г. Санкт-Петербург, Кронверкский пр-т., д. 49а; e-mail: yakimenko.dd@mail.ru)

Yakimenko D.D.

COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO HUMAN RESOURCES MANAGEMENT IN THE MOVEMENT TOWARDS NOONOMICS

Abstract. *This study analyzes the transformation of human resource management in the context of the noonomics. A paradigmatic gap between traditional management models and the demands of the knowledge economy is identified. A new model of human resource management principles and constructs based on intellectual sovereignty and network organization is proposed.*

Keywords: *noonomics, human resource management, knowledge economy, intellectual sovereignty, innovation environment, human resource transformation.*

Information about the Author

Diana D. Yakimenko – Master Degree student, National Research University ITMO (49a, Kronverksky Avenue, St. Petersburg, 197101, Russian Federation; e-mail: yakimenko.dd@mail.ru)

References

1. Bodrunov S.D. (2019). General Theory of Noonomics: Textbook. Moscow: Cultural Revolution.
2. Smol'kin V.P., Udalov O.F., Fadeeva I.P. (2024). Theoretical model of managing human potential of an organization. *Natural Sciences and Humanities*, 5(55), 615–618.
3. Salin D.S., Wittenbeck N.V. (2024). Human Resources Management Ecosystem in the Context of Business Digitalization. *Management Sciences*, 14, 4, 77–90.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СЕКЦИЯ № 1. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ.....	5
<i>Алферьев Д.А.</i> Проблемы моделирования сложных социально-экономических систем представителями общественных наук.....	6
<i>Антонова И.С.</i> Трудовые показатели креативных индустрий в городах второго эшелона Урала и Сибири	9
<i>Баландина А.Ю.</i> Скрытый потенциал регионов: как анализ поисковых запросов раскрывает туристические тренды.....	13
<i>Верецагин В.С.</i> Систематизация и критический анализ теоретических подходов к диагностике депрессивных территорий в контексте инновационного развития регионов	15
<i>Гончарук Д.С.</i> Льготы по транспортному налогу физических лиц: инструментарий оценки охвата социально уязвимого населения	18
<i>Горбани А.</i> Инструменты экономического давления на Россию: классификация и сравнительный анализ эффективности в глобальной практике санкционной политики	21
<i>Ершова С.А.</i> Современные приоритеты пространственного развития: генеральные и мастер-планы	24
<i>Иванов С.Л.</i> Проблемы и перспективы формирования технологической укладности инновационного бизнеса в российских регионах	27
<i>Крошилин И.С.</i> Взгляд экономиста на Industry 4.0: как промышленный искусственный интеллект формирует новое конкурентное преимущество региона.....	30
<i>Лукин Е.В.</i> Перспективы структурной перестройки региональной экономики в условиях развития национальных цепочек создания стоимости	33
<i>Михайличенко П.С.</i> Преодоление пространственной поляризации Новгородской области: стратегия изменений.....	35
<i>Орлова Э.О., Воробьева И.В., Никитина Н.А.</i> Неиспользованный потенциал: как фрагментарность государственной поддержки тормозит развитие туристической дестинации (на примере Вологодской области).....	38
<i>Плеханов Е.А.</i> Рейтинговая оценка состояния инновационной сферы Владимирской области.....	41
<i>Помазанова Е.В.</i> Первые результаты реализации национальных проектов в социальной сфере на территории Запорожской области	44
<i>Пугачев А.А.</i> Совершенствование российской модели налогового федерализма как демпфер вызовов налоговой реформы - 2025.....	47
<i>Пыжжев А.И., Зандер Е.В.</i> Природоохранная и социальная политика крупного бизнеса в зеркале корпоративной отчетности.....	50
<i>Семушкин Н.С.</i> Партнерство как способ развития инновационной деятельности девелоперских компаний в контексте реализации национальных целей.....	52
<i>Тимушев Е.Н.</i> Рост экономики северных регионов: тенденции и перспективы	56
<i>Устинов В.С.</i> Потребление металла в России в условиях жесткой денежно-кредитной политики	59
<i>Zhangpanpan.</i> China's digital economic development strategy	62

СЕКЦИЯ № 2. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ	65
<i>Антонова О.В., Мосин В.И.</i> Проблемы и перспективы повторных браков в контексте реализации демографической политики современной России.....	66
<i>Бабич Л.В.</i> Формирование культуры устойчивого развития в условиях современных вызовов	69
<i>Вавилова А.С., Радишевская А.А.</i> Практики корпоративной поддержки демографического развития: анализ значимости для молодых работников.....	73
<i>Гужавина Т.А.</i> Социокультурный подход в изучении гражданского общества	77
<i>Дашкова Е.С.</i> Особенности поведения молодежи на рынке труда: проблемы и решения.....	80
<i>Дорохова Н.В.</i> Трансформация российского рынка труда в условиях диверсификации форм занятости населения.....	83
<i>Ельшиев Е.И.</i> Возможности трудовой самореализации через фриланс в России.....	85
<i>Калашников К.Н.</i> Постсоциалистическая ностальгия в современном российском социуме ...	87
<i>Коцюбинский Д.А., Сюткина М.А.</i> Проблема сохранения памятников деревянного зодчества в восприятии жителей Архангельска и Вологды	90
<i>Лебедевич М.В.</i> Национальные особенности рынка труда в Республике Беларусь в контексте перехода к «зеленой» модели экономики	96
<i>Мосин В.И., Юдачева А.А.</i> Фокус на наследии и новой идентичности (на примере города Тулы и Тульской области)	98
<i>Плотникова Д.А.</i> Кадровый потенциал железнодорожного машиностроения в контексте стратегических приоритетов России	100
<i>Полюшкевич О.А.</i> Консолидация региональных сообществ: просоциальные практики	103
<i>Пономаренко О.Н.</i> Анализ эволюции пронаталистской политики на примере мер, направленных на поддержку работающих родителей	106
<i>Сащенко Н.П.</i> К вопросу о методологии исследования социокультурной фрагментации российского общества	109
<i>Хуавей Я.</i> Развитие человека: опыт развития человеческих ресурсов на китайском пути модернизации и его распространение в России.....	112
<i>Яковлева Н.И.</i> Социальные риски применения ИИ-технологий в социосфере	115
СЕКЦИЯ № 3. РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ТОЧКИ РОСТА	118
<i>Батакова О.Б., Корелина В.А., Зобнина И.В., Носков А.Н.</i> Результаты изучения исходного материала ячменя ярового (<i>hordeum vulgare</i> L.) по основным признакам для селекции в условиях северного земледелия	119
<i>Бойцова А.Г., Сенина Е.К., Неронова Е.Ю.</i> Актуальность производства творожных и сырных функциональных снеков для быстрого восстановления сил людей, работающих в экстремальных условиях.....	123
<i>Вдовина Н.В., Юрьева И.Б.</i> Продуктивное направление использования лошадей мезенской породы	126
<i>Обаса О.Д.</i> Роль органического сельского хозяйства в развитии АПК России	129
<i>Озерова Д.И.</i> Определение экономического потенциала сельскохозяйственных организаций	134
<i>Отмахова Ю.С.</i> Современные тренды и технологии агропродовольственного рынка: научный и патентный ландшафт	137
<i>Скворцов Е.А.</i> Динамика экспорта продукции агропромышленного комплекса в условиях внешнеэкономических ограничений	140
<i>Федотова Г.В.</i> Инновационные биотехнологии аридных территорий юга России.....	144
<i>Чухина О.В.</i> Продуктивность и агрономическая эффективность севооборота при различных дозах удобрения.....	147

СЕКЦИЯ № 4. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ:	
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.....	150
<i>Айриянц А.А.</i> Региональные институты развития как основной драйвер экономического роста: практические результаты работы технопарка Новосибирского академгородка	151
<i>Борковская Е.И.</i> Новая потребительская культура столичного мегаполиса: от собственного к совместному.....	154
<i>Востоков М.Ф.</i> Цифровое неравенство как фактор регионального развития	157
<i>Казько А.С.</i> Цифровые сказки для взрослых: как визуальные новеллы влияют на установки молодежи о браке и семье	161
<i>Кудряков Р.И., Федотова Г.В.</i> Особенности перехода региона на инновационный путь развития (на примере Владимирской области)	164
<i>Толстяк Т.А., Горбач М.И.</i> Библиотека как пространство социальной интеграции в условиях развития информационного общества.....	168
<i>Фомин М.А.</i> Роль экосистемных услуг в устойчивом развитии территории	170
<i>Ясников Н.Н.</i> Социальный капитал молодежи Вологодской области	173
<i>Zhou Shiqi.</i> China's regional sustainable development strategy	177
<i>Zhang Yifan.</i> Optimization of China's fertility policy: strategic recommendations based on analysis of policy evolutionary pathways	180
ЭКСПЕРТНАЯ СЕССИЯ: КОНЦЕПЦИЯ НООНОМИКИ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ, ПРОЕКТОВ, ПЛАТФОРМ.....	183
<i>Аврамчук Л.В.</i> Путь к новому индустриальному обществу с учетом теории ноономики	184
<i>Алабина Т.А.</i> Реализация государственных программ здравоохранения для построения личностной стратегии агента в сфере ЗОЖ в контексте формирования ноономики	186
<i>Байжанова Л.А.-Н.</i> Концептуальные основы реализации инвестиционного потенциала регионов РФ в аспектах ноономики	191
<i>Белова М.В., Ергунова О.Т.</i> Технологии информационного моделирования в контексте ноономики.....	194
<i>Дорофеева Л.В., Ковальчук О.С.</i> Технологическое развитие: опыт зарубежных стран по достижению технологического суверенитета	197
<i>Отдельнова М.И.</i> Создание сети современных университетских кампусов как стратегическая предпосылка трансформации России к ноономике.....	200
<i>Пьянкова С.Г., Травникова Д.А.</i> Высокотехнологичность медицинской промышленности в контексте ноономики (на примере диверсификации предприятий ОПК).....	203
<i>Харитонов Е.В.</i> Цифровая трансформация хозяйственной системы на принципах ноономики: переход к устойчивому экономическому росту и реализации государственных приоритетов.....	207
<i>Якименко Д.Д.</i> Сравнительный анализ подходов к управлению человеческими ресурсами в движении к ноономике	210

Электронное научное издание

**СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
РЕФОРМ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРОЕКТЫ**

Материалы X Всероссийской научно-практической конференции
(г. Вологда, 27–28 ноября 2025 года)

Редакционная подготовка
Оригинал-макет

О.Я. Байрамов
О.Я. Байрамов

Материалы публикуются в авторской редакции
Подписано к использованию 05.08.2026. Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 24,9. Заказ № 42.
Электронный текст. дан. (5,8 Мб).

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Тел. 59-78-10, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-671-3

9 785932 996713 >